

И.А. Жерносенко
Е.И. Балакина

КУЛЬТУРА

СИБИРИ

И АЛТАЯ

Монография

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»
Кафедра культуры и коммуникативных технологий

И.А. Жерносенко, Е.И. Балакина

КУЛЬТУРА СИБИРИ И АЛТАЯ

Монография

Барнаул 2011

ББК 63.3 (252)
Ж-608
УДК 008

Ж-608 Жерносенко И.А., Балакина Е.И. Культура Сибири и Алтая. –
Барнаул: Издательство Жерносенко С.С., 2011 - 208 с.

Рецензент: Т.А. Семилет, докт. филос. наук
Корректор: Г.А. Вихрева
Верстка, дизайн: С.С. Жерносенко

ISBN 978-5-905454-07-3

Осмысление историографии изучения культуры Сибири является одним из самых проблематичных в сфере региональных исследований. Сибирь – это особый культурный феномен, вобравший в себя диалектическое единство глубочайших противоречий и парадоксов. Это целостная система, в которой все факторы, взаимодействуя, рожают неповторимую природно-культурную среду, специфически переплавляющую в своем котле вызовы времени и лики культуры.

Монография «Культура Сибири и Алтая» является одной из первых попыток культурологического осмысления протекавших в Сибири процессов в их целостности и взаимообусловленности, имеющих свои закономерности и влияющих на становление Российского и евразийского культурного пространства.

Особое место в монографии уделено Алтаю – уникальному региону, расположенному в центре Сибири. Алтай оказался некоей сердцевинной, средоточием или линзой, в которой сфокусировались многие историко-культурные, социальные и экономические процессы становления Сибири как особого гео-исторического феномена.

Книга адресована преподавателям и студентам вузов и средних специальных учебных заведений, где преподаются курсы регионального компонента, а также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся становлением культурного космоса сибирского региона.

ISBN 978-5-905454-07-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

*В России центр находится в провинции...
Василий Ключевский*

Осмысление историографии изучения культуры Сибири является одним из самых проблематичных в сфере региональных исследований. Вопрос о пространстве Сибири в культуре и географии России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление страны в разные исторические периоды зачастую не совпадало с географическими границами регионов. Так, например, в конце XIX – начале XX века Томская губерния занимала обширную территорию (около 765 км²). Она включала современные Томскую, Кемеровскую, Новосибирскую, а также Восточно-Казахстанскую и Семипалатинскую области Казахстана, Алтайский край и часть земель нынешнего Красноярского края. В тот момент на этой территории проживало до 5 млн. человек из 10 млн. сибиряков.

Становление Сибири как единой территории началось с движения русских на восток от границ Московского царства в XVI веке и достигло своего предела к середине XIX века, когда завершился процесс вхождения в состав Российской империи Степного края, Приамурья и Приморья. А в 1918 году известный востоковед профессор Н.В. Кюнер, читая курс лекций по истории и географии Сибири во Владивостоке на историко-филологическом факультете университета, предлагал условиться о значении термина «Сибирь»: «Это имя ныне прилагается к стране, обладающей громадным и не установленным в точности и различно понимаемым пространством: в зависимости от того, с какой точки зрения мы будем рассматривать территориальный объем страны, о Сибири можно мыслить различно» [Кюнер, 1919, с. 16]. Кюнер отмечал и всегда существовавшее несоответствие исторического смысла слова «Сибирь» и географического пространства. При этом он настаивал на широком понимании, включая в Сибирь Дальний Восток и Степной край.

Алтайским писателем Г. Гребенчиковым, вынужденным покинуть горячо любимую им Родину сразу после революционных событий 1917 года, понятие «Сибирь» употребляется широко и свободно, вне всяких географических условностей и ограничений, как культурно-историческая метафора. В опубликованной в 2002 году усилиями сотрудников Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (г. Барнаул) его объемной рукописи «Моя Сибирь» он создает ее цельный, художественно выраженный образ, который далеко выходит за рамки географического или исторического явления. Сибирь для него – символ народной вольницы, неуправляемой стихии, исторического урагана племен и народов, в хаотическом и беспорядочном перемещении которых по необъятной территории от Урала до восточного побережья Евразии зреет, растет и черпает силы волна новой культуры России. Волна, способная напитать живительными соками иссякающие, но не теряющие своего величия русские национальные традиции; волна, с которой только и связывает писатель свою неизбежную веру в миссионерский характер

российской исторической судьбы. Г. Гребенщиков прямо поясняет свою позицию в тексте первой части книги: «Таким образом, от Урала до Владивостока вся Сибирь – та же Россия, страна из ста племен» [Гребенщиков, 2002, с. 23]. В пределы «Сибирской Ойкумены» у Г.Д. Гребенщикова попал и Усть-Каменогорск, и Нерчинский округ, и побережье Берингова пролива, и Камчатка.

«Моя Сибирь» – это творческое кредо Георгия Гребенщикова. Он не ставит цель написать научную историю Сибири или создать учебное пособие на основе достоверной информации. Его задача – сохранить в своей душе и пронести через долгие годы изгнания и просветительской миссионерской деятельности образ Родины – Сибири, осмыслить, оценить её в собственной душе, понять и поднять ее значимость в культуре России и мира.

Одновременно набирал силу обратный процесс, когда Сибирь стала постепенно «сокращаться» и даже исчезать с административной карты России. Шел процесс регионального дробления «большой» Сибири, протянувшейся от Урала до Тихого океана. Сегодня в состав сибирского региона входит множество субъектов, характер и уровень развития которых отличается огромным разнообразием: Омская, Иркутская, Кемеровская, Томская, Новосибирская, Читинская области; Красноярский и Алтайский края; Республики Алтай, Бурятия, Тува (Тыва), Хакасия, Якутия; Эвенкийский и Таймырский автономные округа.

Сибирь – это особый культурный феномен, вобравший в себя диалектическое единство глубочайших противоречий и парадоксов. Об этом эмоционально и аргументировано говорил на вечере сибиряков в 1927 году Л. Троцкий, речь которого была неизвестна россиянам долгие годы: «Сибирь есть величайшее зеркало наших общерусских противоречий. У нас – пространства, а в Сибири много больше. У нас бездорожье, а в Сибири и того хуже. У нас неисчислимы естественные богатства – растительные, животные, почвенные; Сибирь богаче того. У нас недостаток техники, Сибирь еще беднее ею. И, как выражение всех этих противоречий на сегодняшний день, ножницы промышленных и сельскохозяйственных цен в Сибири еще острее, чем у нас, ибо Сибири приходится свои сельскохозяйственные продукты вывозить далеко, а промышленные продукты ввозить издалека» [Троцкий, 1927, с. 4].

В современных исследованиях постепенно утверждается понимание, что «сибирский регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определяемыми и динамичными границами» [Демешек, 2007, с. 13]. Это целостная система, в которой все факторы, взаимодействуя, рожают неповторимую природно-культурную среду, специфически переплавляющую в своем котле вызовы времени и лики культуры. Подтверждение тому мы встречаем в диссертационных исследованиях последних лет, где понятие «Сибирь» приобрело характер целостного культурно-исторического феномена, лингво-культурного концепта, ставшего в наши дни неотъемлемой частью национального сознания в целом. В диссертации А.М. Литовкиной «Концепт

«Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина» (2008, Иркутск) концепт «Сибирь» впервые рассматривается как совокупность взаимосвязанных смыслов, характеризующих его сущностную и исторически изменчивую национально-культурную составляющую как сложный живой семантический комплекс.

При всем том на сегодняшний день пока не создано системных культурологических трудов, осмысливающих феномен культуры Сибири в его целостности и взаимообусловленности. Эта грандиозная задача еще ждет своего воплощения. В коллективной монографии 2003 года «Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания» проф. А.П. Казаркин справедливо вопрошает: «Можно ли найти думающих о самобытности Сибири где-то за ее пределами?» Сам факт столь весомой постановки проблемы свидетельствует о том, что подлинные культурологические гуманитарные исследования регионов России стали сегодня насущной потребностью и нуждаются в скорейшей реализации.

Монография «Культура Сибири и Алтай» является одной из первых попыток культурологического осмысления протекавших в Сибири процессов, имеющих свои закономерности и влияющих на становление Российского и евразийского культурного пространства. Она тоже не претендует на энциклопедичность и исчерпывающее содержание. Это, скорее, взгляд неравнодушных исследователей, ищущих эффективные пути осмысления социокультурного развития Сибири, испытывающих гордость за великие свершения предков-сибиряков и с надеждой всматривающихся в завтра.

И так как авторы данной монографии родились и проживают на Алтае, вольно или невольно они соотносят свои исследования с процессами, протекавшими в этом уникальном регионе, расположенном в центре Сибири и представлявшем собой некий котел, в котором переплавлялись пути и судьбы многих евразийских народов. Н.К. Рерих утверждал: «Алтай - середина Азии», «центр между четырех океанов существует» [Рерих, 1992а, с. 266, 281]. И это центральное положение Алтай предопределило его роль: Алтай оказался некоей сердцевинной, средоточием или линзой, в которой сфокусировались многие историко-культурные, социальные и экономические процессы становления Сибири как особого гео-исторического феномена.

Могуча и богата Сибирь!.. Но главное ее богатство – люди, сибиряки. Чтобы завтра Сибирь процветала и ее богатствами прирастала Россия – сегодня нужно понять, где здесь – болевые точки, а где – точки роста. Об этом книга, которую Вы, дорогой читатель, держите в руках!

Авторы

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ

1.1. От мифа к географическим и этнографическим открытиям

Сибирь была отмечена уже на картах Геродота в V в. до н.э. почти в тех же границах, что и сегодня, под названием «Страна мрака». По его описаниям, ее населяли «плешивые люди с песьими головами, которые спят по шесть месяцев в году».

В средние века европейские путешественники оставили невероятные свидетельства, что живут на этой территории полулюди. Новгородцы-ушкуйники зафиксировали в грамотах XI в. н.э. воспоминания о «человецах, незнаемых в восточной стране»: «Над морем живут люди-самоедь, зовомые молгонзеи. А ядь их мясо оленье да рыба. Да между собою друг друга ядят. А гость к ним откуды придет и они закалывают дети свои на гостей, да тем и кормят. А который гость у них умрет и они того снедают, а в землю не хоронят, а своих також... Сия ж люди невелики взъерастом. Плосковидны. Носы малы. Но резвы велми и стрельцы скоры и горазды... В той же стране есть иная самоедь. По пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх яко ж и прочие человеци... В той ж стране иная самоедь. Вверх рты на темени... А коли ядят, и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпак или под шапку, и как почнут ясти и они плечима движут вверх и вниз...»¹.

Первые письменные свидетельства проявления интереса к территории Сибири и культуре проживающих на ней народов носят в большинстве своем несистемный, случайный, художественно-эмоциональный характер. Они еще далеки от настоящего научного исследования. Эти мифологические описания таинственных земель и населявших их людей больше загадывали загадок, чем давали ответов, и стали основой легендарной истории Сибири, побудительным мотивом для многих смельчаков отправиться с исследовательскими целями в таинственные, неизведанные земли.

В русских исторических документах термин «Сибирь» появляется лишь в XVII веке, в так называемых «сибирских летописях». Один из их авторов, Савва Есипов, называет Сибирью городок на берегу Иртыша, принадлежащий Татарскому ханству, а также упоминает реку Сибирку². Подтверждение этой гипотезы находится в XVIII веке у В.Н. Татищева, опиравшегося на не дошедшие до нашего времени летописи Станкевича, где утверждается, что слово «Сибирь» произошло от татарского города на Иртыше и означает «ты главный или первый»³.

Но тогда же, в XVIII веке, известный историк-сибириевед Г.Ф. Миллер, в будущем один из авторов норманнской теории происхождения России, автор труда «История Сибири», полагал, что название «Сибирь» появилось в России из языков пермяков и зырянцев, которые первыми познакомились с Зауральем⁴.

¹ «Сказание о человецех незнаемых на восточной стране и языкех розных» // Сибирь в XVII веке / Сборник старинных статей о Сибири и прилежащих к ней землях. – М., 1890, 3-6 стр.

² Сибирские летописи. – СПб., 1907.

³ Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М., 1950.

⁴ Г.Ф. Миллер. История Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 607 с.

Большой интерес к Сибири проявляли иностранцы. В 1375 году был издан Каталонский атлас, в котором встречается слово *Sebur*. А в летописи персидского энциклопедиста Рашида ад-Дина (1247-1318) упоминаются народы: рус, *ибир* и *сибир*¹. У готского историка VI века Иордана и в византийских хрониках упоминается северо-восточный народ *сабиоров*.

Историк и этнограф С.К. Патканов (1861-1918) находит подтверждение этих сведений в преданиях татар Тобольской губернии. В них рассказывается о древних народах *сывыр* и *сыбыр*, поселившихся в сибирских землях сразу после потопа. Когда же через эти земли прошли татаро-монголы, *сывыры* и *сыбыры* исчезли – ушли под землю. Легенда представляет собой один из многочисленных вариантов сказаний о подземном народе (северная и сибирская чудь, асы, курумчинские кузнецы, нибелунги и т.п.). Сходные легенды С.К. Патканов обнаружил у хантов, на земле которых нередко встречаются остатки древних городищ и крепостей. Ханты утверждали, что все эти сооружения принадлежали древнему народу – *сивирам*, которые были искусными кузнецами и литейщиками [Патканов, 1999а, 1999б].

У восточных эвенков есть миф о первочеловеке Кодакчоне, рожденном в таежной *Сивир*-земле.

Археологический материал и письменные источники позволяют определить этнические корни народов, населявших Западную Сибирь с конца I тыс. до н.э. По мнению З.Я. Бояршиновой, это были предки древних угров, называвшие себя «*сипыр*» [Бояршинова, 1960].

Задумывался над происхождением имени «Сибирь» и Н.К. Рерих во время Трансгималайской экспедиции, проходя через Алтай в 1926 году: «Сиверные горы - Сумыр, Субур, Сумбыр, Сибирь - Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов. На Алтае, на правом берегу Катуня, есть гора, значение ее приравнивается мировой горе Сумеру» [Рерих, 1992а, с. 291] («сиверных» - этнографическое «северных» - И.Ж.). В его понимании Алтай и Сибирь – это не только часть огромного горного мира Азии, но и *средоточие особых культурно-энергетических токов*. Впервые в творчестве великого художника, путешественника и мыслителя соединились мифологические образы Сибири с современными естественно-научными открытиями.

Эпоха Возрождения, открыв просторы познания, подвигала человека на великие географические открытия. Неутомимых искателей богатства и славы манили не только экзотическая Индия, неведомая Америка, жаркая Африка, но и необъятная, загадочная Сибирь. Сведения о ней встречаются в сочинениях и путевых записках итальянцев Юлия Помпония Лэта, Франческо да-Коло и Павла Иовия, поляка Матвея Меховского, немца Сигизмунда Герберштейна². Характерная для ренессансной науки нерасчлененность мифа и реальности выражалась в составлении текстов, основанных не только на достоверном опыте писателя, но также на слухах и, порой, непроверенных фактах. Так, в «Реляциях» Ф. Да-Коло (1519 г.) карелы и югры «не имеют ни крыш, ни каких-

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. – Т.1, кн. 1, 2.

² Опубликованы в кн.: Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Предисловие, редакция и комментарии М.П. Алексеева. – Иркутск, 1941.

либо иных жилищ, кроме лесов и особых лачуг, построенных из ветвей... питаются мясом зверей, добытых на охоте, и одеваются в их шкуры, небрежно подобранные и сшитые. Поклоняются они Солнцу, Венере, лесам и змеям...» [цит. по изд.: Алексеев, 1932, с. 86 – 87]. Не менее показателен текст С. Герберштейна «Записки о московитских делах» (1549 г.): «Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби, которая начинается из Китайского озера» [цит. по изд.: Алексеев, 1932, с. 103-104].

После похода Ермака в 1582 году и разгрома Сибирского ханства в 1583 году начинается стремительное продвижение русских на восток и освоение Сибири. В это время ведется активная переписка служилых людей с царским кабинетом. Казачьи, крестьянские челобитные, воеводские и служилые отписки (письменные доношения в вышестоящие инстанции), сказки землепроходцев (сообщения, записанные в приказной избе со слов очевидцев) изобилуют фактическим материалом о строительстве острогов и крепостей, о столкновениях с «немирными инородцами», о походах в новые, пока еще не освоенные земли с целью присоединения их к России¹.

В это же время начинается систематическое составление чертежей отдельных местностей Сибири, а в 1667 году по указанию тобольского воеводы П.И. Годунова составлена первая Генеральная карта всей Сибири². Также к историко-географическим источникам изучения Сибири стоит отнести дорожный дневник Н. Спафария³ и летопись «Описание Сибири (ок. 1667 г.)»⁴. Но особый вклад в картографию Сибири сделал «тобольский сын боярский» Семен Ульянович Ремезов (1642 – после 1720). По заданию властей он сделал несколько сот чертежей и карт. Среди них - «Чертежная книга Сибири»⁵, состоявшая из 23 чертежей, куда вошли планы почти всех сибирских городов с уездами. Наиболее значительный его труд – «Хорографическая чертежная книга»: атлас чертежей, составленный Ремезовым в 1697-1711 годах, содержащий 171 лист (17 x 23 см). В 1921 году этот атлас был вывезен за границу и лишь в 1958 году опубликован в Голландии Л.С. Багровым⁶. Кроме этого, С.У. Ремезов является автором летописи, повествующей об истории Сибири и походе Ермака, этнографического труда «Описание о сибирских народах и граней их земель» и др. Во «Втором описании Ремезова»

¹ Оглоблин Н.Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592 - 1768). Т. I-IV. – М., 1895-1902; Бахрушин С.В. Научные труды Т.ИП – М., 1955; Записки русских путешественников XVI-XVII вв. – М., 1988; Дополнения к актам историческим. – СПб, 1867; большое собрание воеводских отписок, челобитных, послужных списков содержится в Российском государственном архиве древних актов (фонды 130, 199, 214) и Архиве Академии наук СССР (фонд 21).

² Опубликована в кн.: А.Титов. Сибирь в XVII веке – М., 1890.

³ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Записки ИРГО по отд. этнографии. – СПб, 1882.

⁴ Летопись «Описание Сибири» опубликована в сборнике «Сибирские летописи» – СПб, 1907; подобные документы: «Записки, сибирской истории служащие» и «Летописец вкратце» вошли в сборник «Древняя российская вивлиофика» – М., 1788.

⁵ Чертежная книга Сибири 1701 года С.У. Ремезова – СПб, 1882; Подробное описание чертежей С.У. Ремезова и список помещенных на них надписей даны в статье Розен М.Ф. Вершина реки Оби и Телецкое озеро на первых чертежах и картах Сибири // Страны и народы Востока. Вып. 18. – М., 1976.

⁶ The Atlas of Siberia by Semion U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrov. 1958. s-Gravenhage, Supplement 1. – Jmago mundi.

значительное внимание уделено религиозным воззрениям коренных жителей Западной Сибири. Сведения о языке и буддизме подаются без богословско-обличительных оценок, в повествовательной манере дается общая характеристика этой важнейшей сферы духовной культуры сибирских народов.

С.У. Ремезов был личностью ренессансного типа: помимо научных изысканий в картографии и этнографии, он проявил себя и выдающимся архитектором. Под его руководством шла реконструкция г. Тобольска на рубеже XVII-XVIII веков, когда был построен ряд каменных зданий, в том числе гостиный двор, казначейство-«ренерея», приказная палата.

Первые упоминания путешественниками Сибири были подхвачены в XVII веке летописными повестями (Кунгурской, Есиповской, Строгановской). В целом оказывается, что вопрос о месте и роли Сибири в составе Российского многонационального государства исторической наукой поставлен давно. Период активного освоения огромного края со сказочными богатствами в России начался четыре столетия назад. В те времена число жителей Сибири было не более 240 тыс. человек, то есть на один квадратный километр приходилось примерно по 0,16 человека.

Качественные изменения в историографии вполне согласовывались с культурным сдвигом, происходившим в русской культуре в результате петровских реформ. В XVII – начале XVIII века складывается предыстория сибирской исторической урбанистики: в материалах приказного делопроизводства постепенно накапливались сведения по истории основания и развития городов Сибири. Эти материалы представлены в работах С.У. Ремезова и первых обобщающих документах начала XVIII века, содержащих в себе сведения о современности и обобщение фактов по истории городов Сибири XVII века.

Первый этап научного развития сибирской темы начинается с обследования Сибири, проведенного Д.Г. Мессершмидтом и Г.Ф. Миллером в рамках Великой Камчатской экспедиции¹.

XVIII век рождает целую плеяду подлинных исследователей из числа ученых и талантливых служилых людей. В этот период изучение Сибири приобретает естественнонаучную направленность, но все же сохраняет характер широких очерков, призванных показать общее состояние дел относительно изучения сибирских земель. Так, губернатор Сибири, а затем сенатор Федор Иванович Соймонов (1692-1780) создал труды по гидрографии, истории, естествознанию; обширный комплекс географических карт. Наиболее известны его сочинения: «Плавания и открытия, сделанные русскими в Восточном море», «Древняя пословица: Сибирь – золотое дно», «Экстракт о хлебопашестве по всей Сибири». Это одна из первых попыток оценить возможности Сибири и современное автору состояние дел.

В этот период для изучения природных богатств и недр Сибири её посещают выдающиеся исследователи Г.М. Ренованц, П.С. Паллас,

¹ Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л., 1970; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск, 1990; Резун Д.Я. О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири. – Новосибирск, 1982.

Ф.И. Герман. Ганс Михаэль Ренованц после нескольких лет службы на Колывано-Воскресенских заводах опубликовал в 1788 году книгу «Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах» на немецком языке, в 1792 году она вышла в русском переводе. Филипп Риддер, будучи руководителем поисковой партии, стал не только первооткрывателем крупнейшего месторождения полиметаллических руд, но и вдумчивым исследователем сибирской природы.

В 1771-1773 годах состоялась экспедиция по Сибири выдающегося немецкого естествоиспытателя Петра Симона Палласа (1741-1811), более сорока лет посвятившего изучению природы и истории России. Его научные интересы были весьма широки. Только во время пребывания на Алтае ученый подробно изучает и описывает алтайские рудники и горные работы, характер руд и условия их залегания, а также его интересуют древние рудные разработки (так называемые «чудские» выработки). Описывая пещеры на реках Ине и Чарыше, указывает на останки древнего человека и вырезанные из дерева и кости безделушки; обратив внимание на известняки, содержащие кораллы и другие окаменелости, замечает, что «следы морских тел» наблюдал в нескольких районах Алтая, что приводит его к выводу о том, что когда-то на месте Алтая было море. С похожей идеей выступит в научном мире конца XIX века проживавший в Омске представитель польского дворянского рода И.Д. Черский: исследуя иртышский берег у деревни Черемуховой, он зарисовывал слои крутого 40-метрового речного склона, выкапывал окаменевшие раковины моллюсков из грунта. Это были первые геологические и палеонтологические исследования в истории Прииртышья. А фантастическая версия существования на территории Сибири пресноводного океана со временем утвердилась в качестве теории¹.

Бenedикт Франц Иоганн Герман (1755-1815) собрал обширные материалы по уральским, нерчинским и алтайским заводам, опубликовав их в 3-хтомном издании «Сочинение о сибирских рудниках и заводах», являющемся и поныне ценным источником по истории горного дела. Другой его фундаментальный труд «О минералогическом путешествии в Сибирь» содержит важные сведения по минералогии и геологии Сибири и, в частности, о поделочных камнях (яшмах, порфирах и др.), пользовавшихся большим спросом в обеих столицах в качестве отделки дворцовых и храмовых интерьеров.

Самой масштабной в истории человечества оказалась Великая Северная экспедиция 1733-1743 годов. В ее составе действовали шесть морских отрядов и один сухопутный «академический», перед которым ставилась задача обследования уже занятых территорий Сибири, особенно к востоку от Байкала. «Академический отряд» был представлен европейскими учеными, состоявшими на русской службе: профессорами И.Г. Гмелиным и Г.Ф. Миллером, академиком И.Н. Делилем де ла Кройером и др.; кроме них, приняли участие в экспедиции пять русских студентов, четыре геодезиста, а также переводчики и художники. По результатам экспедиции вышли:

¹ См текст в режиме доступа <http://www.omskpravda.ru/project/omsk300/7794-k-300-letiu-omska.html>

многотомный труд И.Г. Гмелина «Флора Сибири»; 1-й том фундаментального труда Г.Ф. Миллера «История Сибири», статьи «Общая география Сибири», «Общее описание народов Сибири», «История о странах, при реке Амур лежащих» и др.; «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, отправившегося в Сибирь в качестве студента и ставшего там выдающимся исследователем не только природы полуострова, но также истории, культуры и быта его народов.

Подлинным научным подвигом оказалась поездка по Сибири Герарда Фридриха Миллера (1705-1783), профессора Академии наук, официального русского историографа. Обследовав архивы двадцати сибирских городов, он провел своеобразное социологическое исследование, представляющее собой целый свод уникальных исторических, географических и этнографических сведений. Г.Ф. Миллер, а вслед за ним и И.Э. Фишер¹, анализировали и оценивали факты освоения Сибири с позиций «дворянской историографии», по определению А.П. Уманского, рассматривая социальное устройство автохтонного населения по русскому образцу, наделяя явления его быта, политики русскими определениями, считая его феодальным: они были сторонниками теории «завоевания» и «покорения» Сибири. Основными побудительными мотивами поведения князей сибирских народов при взаимодействии друг с другом и с русскими они считали корыстный расчет, якобы типичный только для кочевников. Не видя социально-политических причин войн, эти исследователи обвиняли аборигенов в «неверности» и тяге к грабежу.

Естественнонаучный и промышленный интерес к Сибири способствовал и изучению культуры ее коренного населения. Великая Северная экспедиция замечательна тем, что историк Г.Ф. Миллер собрал предания многих сибирских народов, описал их обряды и обычаи, зарисовал древние сооружения и надписи, провел археологические раскопки, составил словари некоторых (в том числе исчезнувших ныне) сибирских языков, а в 3-м томе труда И.Г. Гмелина «Reise durch Sibirien» (Göttingen, 1752) представлены первые записи песен тюркских народностей Южной Сибири.

В путевых записках участников экспедиций содержались не только сведения по истории основания сибирских городов, но и наблюдения над образом жизни и поведения горожан Сибири, описания городов и уездов. Начало этому было положено в 1734-1742 годах анкетами Миллера, которые он направлял во все сибирские города. Затем они были продолжены ответами из сибирских городов на анкеты Академии наук 1761-1764 годов. Эти анкеты и ответы на них нельзя отнести просто к канцелярскому жанру переписки между Центром и канцеляриями сибирских городов. Вопросные пункты этих анкет разрабатывались выдающимися русскими учеными М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером, которые для их составления использовали опыт

¹ Сибирская история Иоганна Фишера. – СПб, 1775; И.Э. Фишер Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. – СПб., 1874.

западноевропейской науки. Для ответа на эти анкеты требовалось знание архивных материалов по истории Сибири [Резун, 1987].

В 2009 году Санкт-Петербургское издательство «Альфарет» завершило работу над серией «Сибирская библиотека», содержащей большую коллекцию раритетов по истории Сибири конца XVIII – начала XX века. В нее входят карты и атласы, исследования и путевые заметки, библиографические справочники, этнографические сборники, альбомы, описания местностей и статистические обозрения; оригиналы многих изданий до сегодняшнего дня находятся в ограниченном доступе. В числе других работ в «Библиотеке» воспроизведена полная версия запрещенного царской цензурой «Путешествия в Сибирь» французского аббата Шапа д'Отроша. Изданное в 1768 году в Париже при поддержке Французской академии наук, оно описывало подробности его длительного путешествия по России. «Дотошный француз оставил множество критических и едких заметок о «дикой» стране и «невежественном» народе, ее населявшем: в объемном труде критикуются нравы и обычаи, приметы и суеверия, система образования и несовершенное государственное устройство, «рабство» крепостничества и многие другие «язвы» отечественной истории. Своей откровенностью опубликованное «Путешествие...» оскорбило Екатерину II, издание было запрещено к хождению в России. Сейчас этот труд представляет огромную историческую ценность: его полная версия никогда не публиковалась в нашей стране. Петербургские издатели восполнили этот пробел и выпустили не только «Путешествие...», но также и атлас к нему»¹.

Кроме этого издания, в «Сибирской библиотеке» представлены этнографические картины писателя и путешественника Ж.Б. Эйриэ, зарисовки экзотических растений П.Л. Палласа, редкие портреты Г.-Т. Паули, виды сибирских городов, старые карты Восточной Сибири.

Участники экспедиций 30-40-х и 60-70-х годов – Гмелин, Георги, Паллас, Фальк и др. – собрали интереснейшие материалы о жизни, быте, языке, религии целого ряда народов Западной и Восточной Сибири, но основной удельный вес комплексных, целостных трудов по Сибири приходится на гуманитарный XIX век.

1.2. Изучение Сибири и Алтая в XIX веке

В XIX веке продолжается интенсивное накопление этнографических материалов народностей Сибири. Одним из первых инициаторов научного изучения устной народной литературы и этнографии Алтая стал русский миссионер протоиерей В.И. Вербицкий, продолживший дело другого выдающегося сибирского миссионера Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа)². Он ввел в научный обиход принцип разделения племен Алтая на северные и южные по

¹ См.: Раритетные труды исследователей Сибири будут представлены гостям Красноярской Ярмарки Книжной Культуры (2009 г.). Режим доступа: <http://krasnoyarsk.russiaregionpress.ru/archives/2884>.

² Бичурин Н.Я. (отец Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV века до настоящего времени. – СПб, 1834; Он же. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.-Л., 1950.

типологии их языка, быта и музыкального творчества; первым описал музыкальные инструменты и манеру пения алтайцев (так называемый «кай» – «горловое пение»). Наиболее крупными его работами, не утратившими и поныне своего научного значения, стали «Грамматика алтайского языка» и «Словарь алтайского и аладагского наречий». Однако, основываясь на преданиях аборигенов об их взаимоотношениях с русскими государевыми людьми, он не связывал эти материалы с актовыми свидетельствами, что не способствовало выяснению подлинного исторического содержания исследуемых событий. Подобный этнографический подход к фактам истории нередко встречался в исследованиях данного периода¹.

Этнографии тюркских народов, изучению их языка, фольклора посвящены также работы Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, В.В. Радлова, Н.А. Аристов и других².

Значительны заслуги в изучении Сибири историка и краеведа Г.И. Спасского и главного командира Колывано-Воскресенских заводов и Томского губернатора начала XIX века П.К. Фролова. Их коллекции исторических сочинений, монгольских и тибетских рукописей, этнографических материалов сегодня хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, Российской Национальной библиотеки, Государственного исторического музея.

Канцелярист Берг-Коллегии Григорий Иванович Спасский (1783-1864) за годы службы в Сибири (1803-1809) собрал материалы по истории, археологии, этнографии и словесности Сибири. Некоторые исследователи (например, Л.П. Потапов) считают, что Спасский был первым серьезным исследователем нравов, быта, веры народов Сибири и, в частности, алтайцев. Наибольшую ценность представляет составленный им словарь койбалского языка. Исследователь еще успел застать остатки народа койбалов, жившего восточнее Алтая и ныне исчезнувшего. Г.И. Спасский в течение ряда лет публиковал в «Сибирском вестнике» и «Азиатском вестнике» документы, содержащие сведения о сибирских народах и их отношениях с соседями³.

Серьезный вклад в исторические и этнографические исследования Сибири внес Афанасий Прокофьевич Шапов (1831-1876) – выдающийся историк, разночинец-демократ, уделявший огромное внимание изучению народных движений, истории русского раскола. Будучи высланным в Иркутск, он состоял в правлении Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, участвовал в качестве этнографа в экспедициях в Туруханский край (1866), в Верхоленский и Балаганский округа Иркутской

¹ Костров Н.А. Предания томских инородцев о подданстве их России // Труды IV Археологического съезда в Казани в 1877 г. – Казань, 1884; Вербицкий В.И. Алтайские инородцы – М., 1893.

² Спасский Г.И. Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник, Ч. XIII, XIV – СПб., 1821; Вербицкий В.И. Словарь алтайского и адагского наречий тюркского языка – Казань, 1884, Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы. – СПб., 1891; Потанин Г.Н. Телеутские материалы // Труды Томского общества изучения Сибири. Т. III – Томск, 1915; Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. – СПб., 1866; Он же. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. – Томск, 1897; Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Т. VI – СПб., 1896.

³ «Сибирский вестник» издавался с 1818 по 1824 гг.; «Азиатский вестник» – с 1825 по 1827 гг.

губернии (1874) с целью изучения хозяйства и быта эвенков, бурят и якутов, оставил ценные работы по вопросам изучения Сибири.¹

Огромную работу по изучению народов Алтая, Горной Шории и Хакасии проделал Василий Иванович Вербицкий (1827-1890) – протоиерей, миссионер Алтайской духовной миссии, этнограф и лингвист, хорошо изучивший алтайские языки, этнографию алтайцев, шорцев и некоторых групп хакасов. Среди его лучших научных работ – «Заметки кочевого алтайца» // Вестник ИРГО. 1858. Кн. 11. С. 77-109; «Краткая грамматика алтайского языка» / под ред. Н.И. Ильминского. Казань, 1869; «Миросозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен»: (Этногр. материалы) // Лит. сб.: Собр. науч. и лит. ст. о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 337-351; «Алтайские инородцы»: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого / Под ред. А.А. Ивановского. Горно-Алтайск, 1893. 270 с.

Следует отметить, что большинство ученых (историков, этнографов, археологов XIX – начала XX века), к какому бы направлению сибирской историографии (официальному, демократическому или народническому, по классификации В.Г. Мирзоева) [Мирзоев, 1963, с. 91, 223] они ни принадлежали, «вышли из Миллера и Фишера» (А.П. Уманский), труды которых оставались базовыми с точки зрения фактологии и методологии историко-культурного исследования. В связи с этим в трудах Г. Гельмерсена, Г.И. Спасского, В.К. Андриевича, П.И. Небольсина, П.А. Словцова, Н.А. Кострова и других современные ученые находят некоторую тенденциозность в оценках социально-политических процессов Сибири, ошибочные фактологические сведения, что, впрочем, вполне естественно в процессе научного познания и не является поводом для исключения этих трудов из научного обихода, но призывает относиться к ним максимально внимательно².

Подъем национальной культуры в России сказался на развитии всей страны, в том числе и ее отдаленных окраинных регионов, составляющих в совокупности «страну Сибирь». И в отдаленных поселениях малых народностей, и в старинных культурных центрах, и на дальних восточных окраинах заметен возросший интерес к национальной культуре, исходным народным традициям. В Бурятии, например, особое внимание исследователи уделяют изучению и сохранению религиозной культуры своего народа. Одним из ярчайших представителей бурятской науки того был Матвей Николаевич Хангалов (1858-1918) – этнограф, фольклорист. Он изучал шаманство у байкальских, кудинских и балаганских бурят, материальную и духовную культуру, обычаи, семейный быт, общественный строй и бурятский фольклор, археологические памятники Бурятии, участвовал в составлении и редактировании бурятско-русского букваря. В числе немногих бурят-

¹ Труд А.П. Шапова о Туруханском крае погиб во время большого пожара в Иркутске в 1897 году. В 1872 году Шапову разрешили публичные лекции. В следующем году он стал сотрудничать в газете «Сибирь», в которой публиковал свои работы по истории, географии, этнографии и экономике Сибири.

² Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб, 1836; Небольсин П.И. Покорение Сибири. – СПб, 1849; Костров Н.А. Предания томских инородцев о подданстве их России // Труды IV Археологического съезда в Казани в 1877 г. – Казань, 1884; Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии – СПб, 1889.

интеллигентов он посвятил свои лучшие годы подвижническому труду по просвещению своего народа, считая, что ребенок должен сначала осваивать собственный язык, а затем осваивать другие языки и культуры. Работы и коллекции М.Н. Хангалова хранятся в Российском государственном этнографическом музее, в архиве Института востоковедения РАН, в Иркутском краеведческом музее, в Музее истории Бурятии¹.

С задачей развития национального языка и просвещения бурятского народа связана деятельность ряда подвижников из числа местного населения, получивших столичное университетское образование.

Николай Семенович Болдонов (1833-1899) – учитель Балаганского инородческого училища - принимает участие в составлении русско-бурятского словаря, включающего более 6000 слов. В 1865 году в Санкт-Петербурге был издан составленный им по заданию «Комитета по учреждению школ в бурятских улусах» «Русско-бурятский букварь» на наречии иркутских бурят. Также в области национальной словесности работал и бурятский просветитель Галсан-Жимба Тугулдууров (р. 1808), получивший восточное (буддийское) образование. Важнейшей его работой стал один из первых в Бурятии тибетско-монгольских словарей «Светильник, разъясняющий значение слов грамматики», содержащий 20 тыс. наиболее употребительных слов-гнезд, слов, терминов и словосочетаний бурятского языка тибетского происхождения.

Галсан Гомбоев (1818-1863) был учеником ламы, преподавал в Казанском университете и Казанской духовной академии, в вузах Петербурга, был избран членом-корреспондентом Восточного отделения Императорского археологического общества. В его работах представлены вопросы истории, филологии, религии и этнографии монголоязычных народов². С особым интересом он обращается к фольклору, загадкам, пословицам, сказкам, эпическим сказаниям монгольских народов.

В середине XIX века знатоки монгольского языка, переводчики с монгольского готовились в университетах Казани и Санкт-Петербурга, в духовной академии и гимназии города Казани, в Омском училище казачьего войска, в Иркутской духовной семинарии и гимназии, Троицкосавской русско-монгольской войсковой школе; в Онинском, Балаганском и других бурятских училищах. Однако оживление контакта России с соседями выявило недостаток в переводчиках с восточных языков. Поэтому специалисты в этой области особенно ценились, играли важную роль в межкультурных, политических и экономических коммуникациях с соседями России. Вполне естественно, что большая часть таких специалистов росла и воспитывалась в восточной Сибири – Бурятии, Туве, Иркутской области, в мелких национальных улусах.

¹ «Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии» // «Известия» (1888) Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества; Балаганский сборник: сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят // Труды ВСОРГО. – Томск, 1903. – Т. 5; Бурятские сказки и поверья, собранные Н.М. Хангаловым, О.Н. Затопляевым и другими // Записки ВСОРГО по отделению этнографии. – Иркутск: Тип. К.И. Витковской, 1889. – Т. 1, вып. 1. и др.

² «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини» (1857), текст и перевод монгольской летописи «Алтан Тобчи» (1858), перевод монгольских сказок «Шидди-Кур» (1862), сделанный Г. Гомбоевым по поручению отделения Русского географического общества.

Выходцем из малого бурятского улуса был Доржи Банзаров (1822-1855) – широко образованный человек своего времени, один из ведущих специалистов по восточной и монгольской культуре середины XIX века¹. Кроме русского и монгольского языков, он хорошо знал маньчжурский, был знаком с тюркскими языками, свободно читал на немецком, французском, английском и латинском языках. Другой его земляк - П.А. Бадмаев (1842-1920) - после восточного факультета Петербургского университета был принят на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел, непосредственно участвовал в решении вопросов внешней политики России на Дальнем Востоке.

Такое положение с уровнем образованности и общей культуры, способностью к научной деятельности было все же единичным по отношению к общей численности населения Восточной Сибири, особенно ее малых народностей. Но даже эти немногочисленные примеры убедительно свидетельствуют о том, что во всех уголках Сибири уже в XIX веке растет познавательная и творческая активность, придающая культуре Сибири в целом и культурный вес, и историческую ценность, и политический авторитет.

Активизация этнографических исследований народностей Восточной Сибири и ее русского населения на всех сибирских землях была отражением общей государственной тенденции и Российской политики по вопросам поддержки государственности. Интерес к национальным обрядам и праздникам обнаружился в России уже в 30-40-е годы XIX века. Появилось направление учёных, выдвинувших теорию «официальной народности». В исследованиях И.М. Снегирева (1838), И.П. Сахарова (1841), А.В. Терещенко (1848) даны картины народных обрядов и праздников с элементами систематизации записей, поиска исторических корней русского славянства. Тогда же выходят работы П.А. Словцова (1830, 1915, 1938) о традициях русских сибиряков, в которых автор закладывает основы этнографического изучения русского населения Сибири.

Собирательская этнографическая деятельность в Сибири значительно оживилась после создания в 1845 году Русского географического общества. Опубликованная в 1848 - 1859 годах программа Общества содержала ряд практических советов по собиранию и записи народного быта. Постепенно этнография стала сближаться с историей, географией, археологией и другими гуманитарными науками, устремляясь к более полному, емкому описанию явлений.

Исторические сведения в трудах областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина расширяются за счет преданий, включения некоторых археологических памятников, отдельных находок, осмысления взаимосвязи особенностей местности с историческими преданиями и проживающими там племенами – телесами, телеутами, кыргызами, монголами и др. - с историческими событиями XVII-XVIII веков, иногда переоценивая их значение. В Томске эту традицию поддерживает А.В. Адрианов (р. 1854) – один из

¹ Статьи Д. Банзарова «О происхождении монголов», «Об ойратах и уйгурах», работа «Черная вера, или шаманство у монголов» и др.

лидеров Сибирского областничества, исследователь Сибири, путешественник, археолог, этнограф, историк, публицист, общественный деятель, автор уникальных книг «Город Томск в прошлом и настоящем» и «Томская старина», участник многих экспедиций, член Российского географического общества.

Археологические исследования в Западной Сибири, начатые Г.И. Спасским и К.Ф. Ледебуром¹ в 10-20-х годах XIX века, были продолжены В.В. Радловым, А.В. Адриановым, Н.С. Гуляевым, Н.М. Ядринцевым в конце XIX – начале XX века.

Неоценимый вклад в изучение этнографии и археологии Сибири в XIX веке внес Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837-1918), академик-тюрколог с мировым именем. Им были найдены и описаны несколько древних захоронений периодов бронзы и железа, разработана новая для Южной Сибири культурно-историческая периодизация, в соответствии с которой Пазырыкские курганы отнесены к медно-бронзовому периоду. Наблюдения ученого позже были изданы на немецком языке в двух книгах, названных «Из Сибири»².

Выпущенный Русским географическим обществом в 1860 году 3-й том «Землеведения Азии» известного немецкого ученого Карла Риттера в переводе П.П. Семенова-Тянь-Шанского, помимо описания Алтае-Саянской горной системы, ее рек и озер, растительного и животного мира, горнорудной промышленности, содержит в себе довольно много этнографических наблюдений, сделанных Ледебуром, Бунге, Спасским и др. и систематизированных Риттером. Здесь даются подробные описания крестьянской деревни горнорудного района и жилищ кочевников, их традиций, устройства быта, особенностей характера. Также в своем труде Риттер неоднократно упоминает о древних «чуждских могилах» – курганах скифского периода. Основываясь на свидетельствах Миллера и Гмелина, Риттер замечает: «...большая часть могил была, однако же, разрыта и ограблена; все лежали на высоких местах. Они доставили искателям богатую добычу; все так называемое курганное серебро и золото, продающееся на Ирбитской ярмарке, вырыто было их этих могил, и этот промысел означался особым словом – бугрывать. Находимые здесь клады состояли из различных украшений конской сбруи, печатей, браслетов, кумиров, также находили здесь довольно железа, меди, латуни» [Риттер, 1860, с.107]. Весьма лаконично автором обозначена главная проблема изучения скифосибири – бугровщики, разорители древних курганов. Однако имеются сведения, что местное население боролось с русскими бугровщиками своими методами, о чем есть рапорт 1745 г. казаков Шорохова и Пойлова воеводе Шапочникову: «...ходило де нас рудоищиков 120 человек, для прииску руд по Чулышману, и ходили близ бугров, и в том де месте навстречу им вышло Зенгорских калмык с 400 человек и сказали им: «ежели вы станете

¹ Ледебур К. Путешествие через Алтайские горы и джунгаро-киргизскую степь, предпринятое в сопровождении господина Д.К.Мейера. Ч. II – Путешествие А.Бунге в восточную часть Алтайских гор (на нем. языке). – Берлин, 1830.

² Радлов В.В. Из Сибири. – Лейпциг, 1893

бугры копать, то мы станем воеваться и по вас стрелять». И видя де то к себе запряжение поехали они оттудова...»¹.

При описании Усть-Каменогорской крепости Риттер упоминает о развалинах буддийского монастыря, расположенного у ручья Аблайкитки на левом берегу Иртыша, построенного в первой половине XVII века калмыцким князем Аблаем. При этом как ученый Риттер сетует на использование ненаучных методов исследования его предшественниками: «...Миллер и Гмелин в своих исследованиях только что открытых древностей пользовались способом, которому не должны подражать последующие путешественники. Не имея времени лично присутствовать при изысканиях и опасаясь нападения киргиз-кайсаков, они послали отряд из 30 человек и одного писаря, с заданием подробно описать местность и привезти редкости, там обнаруженные» [там же, с. 128].

Первый исследователь горной области Тянь-Шань П.П. Семенов (1827-1914), получивший впоследствии за свои открытия фамилию Тянь-Шанский, во время экспедиции собрал обширные материалы, составившие 4-й том «Землеведения Азии». Зимой 1856/57 года П.П. Семенов провел в Барнауле, где занимался обработкой собранных за полевой сезон материалов, а также изучением экспонатов первого в Сибири краеведческого музея.

Активный исследовательский интерес к Сибири видных российских и зарубежных ученых пробуждает познавательную и просветительскую деятельность самих сибиряков. Из Томска в Монголию и Среднюю Азию ходили экспедиции Г.Н. Потанина, В.А. Обручева, М.А. Усова, Б.П. Вейнберга и др., работы которых вошли в золотой фонд мировой науки. Томскими учеными в дореволюционные годы были заложены основы научных школ и направлений, получившие широкое признание в годы Советской власти. Геологи во главе с профессором В.А. Обручевым способствовали открытию многих месторождений золота, каменного угля, железных руд, цветных металлов и многих других полезных ископаемых.

Значительную роль в исследовании Сибири сыграл родившийся на Иртыше в семье казачьего офицера Григорий Николаевич Потанин (1835-1920) – архивариус, ставший затем прославленным путешественником и исследователем Сибири и Центральной Азии. В 1874 году Г.И. Потанин был привлечен П.П. Семеновым-Тянь-Шанским к работе по составлению дополнений к 4-му тому «Землеведения Азии». Во время экспедиций по Алтаю, Забайкалью, киргизским степям Потанин собрал обширный материал о быте русского казачьего населения Сибири, земледелии, пчеловодстве, промысловых животных, торговле, народной медицине, о семейных отношениях сибиряков, их суевериях и пр. В 1866-1867 годах в Москве были изданы «Материалы для истории Сибири: Чтения в Императорском обществе истории древностей Российских при Московском университете». Исследования Г.Н. Потанина были помещены в книгах I и IV.

¹ Материалы для истории Сибири: Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Моск. Ун-те. Кн. 4. С. 85-87 – М., 1866.

Гуляев Степан Иванович (1805-1888) – видный исследователь Алтая, историк, этнограф, фольклорист, изобретатель. Наиболее известные работы Гуляева: очерк «О сибирских круговых песнях» (1839), работа «Алтайские каменщики» (1845), «Этнографические очерки Южной Сибири» (1848).

Помимо основной службы советника отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления, С.И. Гуляев занимался этнографией, археологией, минералогией, фольклором, селекцией. Во многом он был первым на Алтае: обратил внимание на Белокурихинские радоновые источники, построил там лечебницу; осуществил опытные посевы сахарной свеклы, табака, изучал рыболовный промысел. Большую известность принесло ученому изобретение красителя для овчин. Сшитые из них шубы – «барнаулки» – пользовались спросом далеко за пределами Алтая. С.И. Гуляев на свои скромные средства открыл публичную библиотеку, выступал за открытие гимназии в Барнауле, университета в Сибири. Он всю жизнь собирал народные песни, былины, сказки, открыл талант сказителя Леонтия Тупицына из села Ерестного (близ Барнаула), записал у него более 20 былин¹.

Ядринцев Николай Михайлович (1842-1894) – публицист и общественный деятель, исследователь Сибири, археолог и этнограф; в 1860-х годах вошел в кружок сибирских областников и стал одним из его идеологов. Во время двух экспедиций по Алтаю как член Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества изучал постановку переселенческого дела, собирал этнографические и биологические материалы, провел множество антропологических исследований. Его статьи «О мараловодстве на Алтае», «Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ» представляют научную ценность и сегодня. Результатом экспедиций в Минусинский край и к верховьям Орхона стали два его фундаментальных исследования: «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891) и «Сибирь как колония» (1892). С 1882 года в Петербурге Н.М. Ядринцев издавал и редактировал газету «Восточное обозрение» и приложение к ней «Сибирский сборник» – первое периодическое издание по сибиреведению. С Сибирью связаны и некоторые его критические и литературоведческие статьи, такие, как «Начало печати в Сибири», «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» и другие.

С основания в 1845 году Русского географического общества научные исследования Сибири начинают проводиться систематически, что позволило уже в 1891-1892 годах выпустить сводное издание известного библиографа-сибироведа В.И. Межова «Сибирская библиография», состоящее из 3-х томов, куда добавилось около 1000 новых изданий о народах Сибири к уже собранным с начала книгопечатания по 80-е годы XIX века 25 тысячам произведений Сибирской библиографии.

Огромную ценность представляют собой юбилейные издания Русского географического общества, содержащие материалы из местных архивов о деятельности Г.Н. Потанина, Ч.Ч. Валиханова, А.В. Адрианова,

¹ Гуляев С.И. Былинные песни Алтая. – Барнаул, 1988; Он же. Былинные песни Южной Сибири. – Барнаул, 1989.

А.К. Кузнецова, Г.Е. Катанаева, В.В. Сапожникова и других членов Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Забайкальского отделов Русского географического общества¹.

Чокан Чингисович (Мухаммет-Ханафия) Валиханов (1835-1865), казахский просветитель, был известен в XIX веке как исследователь истории и культуры азиатских народов. В 1853 году он окончил Сибирский кадетский корпус в Омске, выполнял обязанности адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири. Совершил путешествия по Семиречью, Заилейскому краю, к Джунгарскому краю и к Алакулю, в Кашгарию. В 1857 году был избран членом Западно-Сибирского РГО. Опубликовал труды «Очерки Джунгарии», «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нань-Лу в 1858-59» и др.

Большой вклад в изучение Сибири внес и видный деятель Западно-Сибирского РГО Михаил Васильевич Певцов (1843-1902) – известный русский путешественник, исследователь Центральной Азии, основатель музея Западно-Сибирского отдела РГО. В 1872 году он окончил Академию Генерального штаба, служил в Семипалатинской области и в Омске. Совершил путешествия от Зайсанского погоста до Джунгарии. За «Путевые очерки Джунгарии» удостоен золотой медали РГО. В 1878-79 годах предпринял путешествие в Монголию (через пустыню Гоби) и Китай. За «Очерки путешествия по Монголии и Северным провинциям Китая» исследователь был награжден медалью им. Ф.П. Литке. В 1889-90 годах М.В. Певцов вместо умершего Н.М. Пржевальского руководил экспедицией в Тибет. И по сей день большую ценность представляют его маршрутные съемки, карта территории Центральной Азии с определением географических координат ряда пунктов. Именно М.В. Певцовым в те годы был разработан метод определения географических широт.

Высокую научную оценку современные ученые дают деятельности Дмитрия Александровича Клеменца, оказавшегося в 1880-е годы в ссылке в енисейской губернии. В результате активной научной работы по заданию Западно-Сибирского отдела РГО в период ссылки Клеменц вошел в науку как оригинальный исследователь русского и коренного населения Сибири. Это был пример подлинно универсальной личности: он одним из первых указал на необходимость промышленной разработки угольных месторождений Канска и Ачинска, пропагандировал идею развития судоходства в верхнем Енисее для расширения торгово-экономических связей с Монголией, принимал активное личное участие в организации музеев в Минусинске, Красноярске, Ачинске, Кяхте, Якутске, редактировал «Сибирскую газету» и «Восточное обозрение», сам был блестящим мастером художественного слова. С 1900 года он возглавил

¹ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. – СПб, 1896 г.; Козьмин Н.Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества за 50 лет. – Иркутск, 1904; Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и краевого музея имени А.К.Кузнецова за 30 лет – Чита, 1924; Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества – Омск, 1927.

работу по созданию первого национального этнографического музея в России, который ему удалось сделать подлинным научным центром.

Особый вклад в изучение культуры народов Сибири и Алтая внес своей подвижнической деятельностью барнаульский этнограф А.В. Анохин. Он изучил язык народов тюркской ветви, чтобы иметь возможность получения информации об их культуре из первых уст. Впервые в науке им были осмыслены тюркская мифология и народный эпос, осуществлены переводы и издания их памятников народного творчества.

Среди многочисленных исследователей Сибири XIX века заметный след оставил представитель дворянского польского рода Ян Доминикович (более известный в России как Иван Дементьевич) Черский (1845-1892), геолог, палеонтолог, сосланный в Сибирь в 18-летнем возрасте. Он стал автором научной теории о существовании на территории Сибири пресноводного океана. Через восемь лет жизни в Омске И.Д. Черский был переведен в Иркутск, где занял видное место среди членов местного отдела Императорского Русского географического общества. Изданное Императорской Академией Наук «Геологическое исследование Сибирского почтового тракта» И. Черского представляет единственный в своем роде труд, суммировавший множество отрывочных фактов по геологии Сибири. За короткий период жизни в Сибири он описал берега Байкала, открыл несколько горных хребтов, составил карту почти неизвестной русским реки Колымы¹. И.Д. Черский состоял членом Императорского Русского Географического и других исследовательских Обществ, был удостоен многих научных наград.

В результате реализации внутренней потребности народов Сибири в самопознании в первой половине XIX века оказались сосредоточены важнейшие труды по географическому, естественно-научному изучению Сибири, ее территории, флоры и фауны, природных месторождений и климатических особенностей. К этому времени силами ученых-подвижников были сделаны основные описания сибирских земель, характеристики большинства населяющих их народов и народностей, особенностей их быта и традиций, хотя новые и новые страницы становления этой богатейшей страны продолжают открываться даже сегодня.

Отдельной строкой важно сказать о работах, посвященных становлению и развитию просвещения в Сибири. Самой ранней работой по этой теме и одновременно первоисточником исследователи считают историческую хронику о школах Иркутской губернии конца XVIII – начала XIX веков, написанную директором народных училищ И.Е. Миллером². Значительно позже подобные описания были подготовлены по Томской губернии С.Л. Чудновским, по Алтайскому горному округу – П. Голубевым, по всей Сибири –

¹ «О результатах исследования озера Байкала», «Записки Императорского Русского Географического Общества», 1886 г., т. XV, № 3, стр. 1-48, с двумя листами геологической карты; «Геологическое исследование Сибирского почтового тракта от озера Байкала до восточного склона Урала, а также путей, ведущих к Падунскому порогу на р. Ангаре и в г. Минусинск», «Записки Императорской Академии Наук», 1888 г., т. LIX, стр. 1-145, с картой и т.п.

² Миллер И.Е. Краткое историческое обозрение учебных заведений в Иркутской губернии. – Периодические сочинения о успехах народного просвещения» – СПб, 1810.

Г.Я. Маляревским¹. В первые годы советской власти еще осуществлялись попытки исследования истории образования Сибири², затем надолго эта проблематика исчезает из поля зрения ученых. И только в 1974 году в Новосибирске выходит монография А.Н. Копылова «Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века» о культуре Сибири с привлечением архивных и опубликованных литературных материалов, где история сибирской школы получает более подробное освещение.

Во второй половине XIX века в изучении Сибири начинается новый период, качественно изменивший стиль, характер и направление исследований. Последние десятилетия XIX века проходят под мощным и всесторонним влиянием «областничества», не только активизировавшего исследования Сибири вообще, но и придавшего им характер самостоятельного научного направления – краеведения. В исторической науке стала господствующей концепция царского завоевания Сибири (П.А. Словцов, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др.). Областники (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков) объявили Сибирь колонией России. Под видом популярных очерков и рассказов о Сибири они остро ставили вопрос о взаимоотношении центра и провинции. Против областничества резко выступал писатель и историк Д.Л. Мордовцев, убеждавший в необходимости поглощения центром провинции, изъятия из нее наиболее талантливых интеллектуальных сил.

Лидеры областничества же настаивали на достойном месте восточных окраин в структуре Российской империи. Г.Н. Потанин еще в 1874 году разработал проект, названный им «концентрическим родиноведением». Сущность его заключалась в описании концентрическими кругами малой родины: первый круг – география и жизнь человека в малых локусах; второй круг – область Сибири в физическом и социальном отношении; третий круг – Россия. В развитии «родиноведения» особое место уделялось созданию целостных образов территорий. Российский педагог, археолог, шахматист, музейный работник Иван Тимофеевич Савенков (1846-1914), получивший за свою деятельность титул «сибирского Ломоносова», в качестве директора учительской семинарии в Красноярске активно развивает новаторский для того времени экскурсионный метод изучения культуры Сибири, отводя краеведческой идее стержневую роль в своей просветительской и научной деятельности³.

Краеведческие идеи Г.Н. Потанина двумя десятилетиями позже развил в Императорском Русском Географическом обществе его вице-председатель, выдающийся путешественник и ученый П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В речи

¹ Чудновский С.Л. Исторический ход народного просвещения в Томской губернии. Ч. I, II – Томск, 1884, 1885; Голубев П. Народное образование. – Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа – Томск, 1890; Маляревский Г.Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири» – СПб, 1896.

² Юрцовский Н.С. Народное образование в Омской губернии. – Омск, 1923; Он же. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск, 1923.

³ Исследования памятников древнего искусства были обобщены И.Т. Савенковым в большом труде «Изобразительное искусство на Енисее», включающем 500 страниц текста и 13 таблиц, рисунков, надписей, изваяний, многие из которых сейчас уже исчезли.

по поводу кончины императора Александра III в 1894 году он говорил о необходимости развития в России «отчизноведения».

В некотором смысле реализацией этой идеи можно считать книгу П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», открывающую собой новое научное направление – сибирскую урбанистику. В ней впервые показаны региональные особенности развития сибирских городов, уделено внимание такому неопределённому и малоизученному явлению, как «городской образ жизни». Относительно новыми были в ней сведения по истории сибирских городов и острогов второй половины XVII века¹.

В работах «областников» создан опозитизированный образ Сибири, на новом теоретическом уровне поставлена проблема изучения традиций малых народностей и всех населяющих ее этнических общностей, подчеркивается азиатская природа культуры Сибири, ее древние тюркские корни. Фундаментальное исследование Н. Ядринцева так и называется – «Азиатская Россия». И все же руководство царского Кабинета на рубеже XIX-XX веков определило главенство в ней русской культуры, основанной на европейской традиции.

К последней четверти XIX века относят первый этап развития краеведения в Сибири. В это время открываются новые музеи или возобновляется деятельность уже существующих: Иркутск – 1782 (1891), Барнаул – 1827 (1892), Тобольск – 1870, Минусинск – 1877, Омск – 1878, Енисейск – 1883, Нерчинск – 1886, Красноярск – 1889, Чита – 1895 г. Создавались они как общественные организации или в виде местных формирований ИРГО (Омск, Иркутск, Чита) силами отдельных энтузиастов (Н.М. Мартыанов, А.К. Кузнецов, И.Я. Словцов, И.И. Попов, Н.А. Чарушин и др.) при финансовой помощи муниципалитетов и предпринимателей. К этому времени в Сибири сложился значительный круг лиц, обладающих историческим образованием и имеющих навыки профессиональной исследовательской работы. Ими выпускаются тематические сборники, до сих пор не потерявшие своего научного значения, составляются исторические городские хроники, организуются музеи и исторические общества и т.п.

Можно с уверенностью сказать, что освоение Сибири в XIX веке шло под знаком краеведения – особого культуртрегерского концепта, сформулированного Императорским Русским географическим обществом. Становление Российской империи в этот период шло по сценарию, завещанному М.В. Ломоносовым: «Могущество российское прирастать Сибирью будет». Ватаги «промышленников» XVII-XVIII веков, промышленявших рудознатским и пушным промыслом, заложили основы сибирской промышленности XIX века: горнозаводской, металлургической, а позже и машиностроительной. Но в основе всех материальных процессов, как известно, лежит Идея, некая духовная Константа. И Константой этого периода освоения Сибири становится Познание. XIX век в Сибири изобилует научными экспедициями, организованными как отечественными, так и зарубежными

¹ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886.

исследователями. В первую очередь – это естественнонаучные исследования в области географии, геологии, ботаники, зоологии, гляциологии и т.п. Но параллельно исследователи не могут пройти мимо этнографических наблюдений, описывая быт, верования, социальный уклад народов, населяющих эти земли. Пытливый ум исследователя ищет истоки своеобразия культур аборигенов, устремляя свой взгляд в прошлое – так зарождается археология Сибири. Русское географическое общество, задав исследованиям константу краеведения (познание в единстве природы и культуры Сибири), практически создало базу для теории этногенеза, сформулированной Л.Н. Гумилевым в XX веке и основанной на действии механизма взаимосвязи между вмещающим ландшафтом и исторической жизнью этноса. Сегодня принцип «вмещающего ландшафта» становится концептуальным основанием выстраивания экологической политики Сибири.

1.3. Изучение Сибири в XX веке

К началу XX века в Сибири все чаще сибирские краеведы обращаются к фундаментальным трудам русской исторической науки, а «столичные» авторы нередко используют конкретные исследования сибиряков. Возникла уникальная возможность соединить эти два потока. Но соединить воедино сложившиеся в дореволюционный период перспективные научные направления исследований Сибири так и не было суждено. С самого начала XX века в России происходит ряд серьёзнейших исторических событий, развернувших её культуру в совершенно иное русло. Революция 1917 года и последовавшая затем гражданская война, формирование нового советского общества, замешанного исключительно на идеологии марксизма, понимаемого порой весьма односторонне, привели к резкому снижению уровня научного осмысления историко-культурных процессов, происходивших в Сибири. В огне военных и революционных пожаров погибли многие рукописные и архивные собрания, были разграблены и (по образному выражению Д.Я. Резуна) «пущены на самокрутки» личные библиотеки, собиравшиеся не одним поколением русского дворянства.

На рубеже веков в научном освоении Сибири происходят серьезные перемены. Так сложилось исторически, что первыми ее исследователями изначально были иностранные и столичные Российские ученые, посещавшие «дикую сибирскую страну» с познавательными целями. Они не были выходцами из этой удаленной от цивилизации земли и, как правило, имели больший интерес к познанию флоры и фауны Сибири, чем к изучению гуманитарных истоков ее культуры. В конце XIX века отчеты русского Географического общества все еще пестрят иностранными фамилиями – Я.Д. Черского, Й.Г. Гранё, Ф.В. Радлова и т.п.

Октябрьская революция 1917 года стала серьезным водоразделом в развитии культуры Сибири, да и всей России в целом. На фоне бурных политических событий в стране и их обсуждения на страницах большинства научных изданий, сложившиеся в рубежные годы традиции изучения культуры

Сибири продолжают ветвиться отдельными ручейками, чтобы уже к 1930-м годам превратиться в единый глубоководный поток.

В Забайкалье на рубеже веков совершает свои уникальные экспедиции в Тибет (1899-1902) бурятский ученый и востоковед Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873-1930). Он стал первым российским исследователем, поднявшимся в Тибет¹.

Активное развитие культуры и просвещения отмечается в Томске. После создания в 1882 году Общества попечения о начальном образовании школа здесь стала развиваться в массовом порядке и настолько быстрыми темпами, что к началу XX века была в числе самых первых в России.

Яркую картину представляют в начале XX века сибирские города: Иркутск, Тобольск, Томск, Барнаул и другие. Здесь строятся крупные здания, появляются каменные мостовые, асфальтированные тротуары, освещение, извозчики. Начинает действовать водопровод, открываются первые электрические станции. Архитектурный стиль городов дополняют здания, построенные в классическом, нововизантийском и римско-католическом стилях; купеческие особняки и банки перенимают столичный модерн и эклектику. Политические события XX века – первая русская революция, Октябрьская революция 1917 года, гражданская война и Великая Отечественная война - наносят сибирским городам большой урон.

К 1913 году Красноярск переживал поистине период своего становления в области печати, культуры, музыки, педагогики. Большая масса политических ссыльных, отбывавших здесь в это время ссылку, таких, как Л. Байкалов, Н.Л. Мещеряков, оживила его культурную жизнь. Здесь ярче, чем в других сибирских городах, почувствовалась важнейшую особенность культуры XX века: ***центр событий перемещается в провинцию.***

Большинство общественных и мировоззренческих процессов предреволюционных лет прямо или косвенно отражало стремление народов России сохранить национальную культуру. Возрождается народная песня, становятся популярными пронизанные героическими мотивами сказания народного эпоса. Прежние этнографические исследования из теоретической задачи переросли в практическую, приобрели большую активность и актуальность. Так, например, в начале XX века особенно быстро шло возрождение национальной культуры на востоке Сибири. В Бурятии весомый вклад в сохранение и поддержание национальных традиций внесли П.М. Тушемилов и А.А. Тороев. Папа Михайлович Тушемилов (1877-1954) – продолжатель исполнительских традиций бурятских сказителей - помнил наизусть свыше 30 эпических сказаний, среди которых были улигеры «Гэсэр», «Аламжи мэргэн», «Хараасгай мэргэн», «Алтан шагай мэргэн», около 100 сказок (многие – в стихотворной форме), десятки легенд, преданий, загадок, благопожеланий, песен, пословиц и поговорок. Аполлон Андреевич Тороев (1893-1981) – народный певец, музыкант, поэт, тоже сказитель-улигершин,

¹Главным результатом экспедиции была книга «Буддист-паломник у святынь Тибета», а также около 200 уникальных фотографий. Благодаря Цыбикову европейцы впервые увидели эту закрытую страну.

сказочник, пропагандист народной поэзии бурят. Три четверти века он пел песни о родном крае, о его славных людях. Издал 20 книг – памятников традиционной бурятской народной культуры на бурятском и русском языках.

В Западной и Южной Сибири в это время продолжается активная собирательская деятельность А.В. Анохина¹ (1867-1931), члена-корреспондента АН СССР, оставившего огромный этнографический материал по Южной Сибири, Монголии и Восточному Казахстану. Высокий авторитет в научных кругах он приобрел как автор лучших работ по мифологии, верованиям, музыкальной культуре и шаманизму тюрков Алтая («Богатырский эпос», «Буддийская храмовая музыка», «Материалы по шаманству у алтайцев», «Душа и её свойства по представлению телеутов» и т.п.).

С первых лет XX века начинается погружение в самобытную культуру Сибири известного русского советского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова (1873-1945). Командированный в Томск, он с 1903 года постоянно участвует в экспедициях. Обследовал Обь, Енисей, Чулым, Чарыш, Лену, Витим и другие сибирские реки, особую роль среди его работ играли труды по исследованию Бии и трассы будущего Чуйского тракта. Его деятельность является своеобразным отголоском прошлой эпохи, когда тон в научных исследованиях задавали «универсальные личности». В.Я. Шишков тоже удивительно сочетал в своей работе техническое инженерное проектирование и писательский труд, глубокие серьезные знания о Сибири и умение рассказать о ней ярко, эмоционально и образно².

В бурных политических событиях России первых десятилетий XX века Сибири принадлежало особое место. Установление советской власти на территории Сибири вылилось в жесточайшее противостояние между большевиками и белой гвардией, стало одной из самых масштабных трагедий в развитии национальной культуры России в целом и народов Сибири в частности.

Революции и гражданская война оказали мощное влияние и на деятельность научных обществ. Вплоть до 1924 года научная деятельность на территории Сибири приостанавливается, а сама война и политические процессы этого времени находят отражение в исторических работах³.

Для Сибири с ее историческими традициями дикой вольницы и кочевой стихии новый авторитарный режим оказался особенно болезненным и вызывал непримиримую агрессивную реакцию различных групп местного населения. Централизация жизни в СССР вызывала здесь реакцию явного или скрытого протеста. Одним из проявлений социального и культурного протеста стал «красный бандитизм» или «сибирская махновщина». По мнению В.И. Шишкина, первоначально причина красного бандитизма «...коренилась в

¹ Архив учёного хранится в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН.

² Вершины сибирской прозы В.Я. Шишкова – романы «Ватага» (1923) и «Угрюм-река» (1933, о жизни в Сибири на рубеже XIX-XX вв.), сборник путевых очерков «По Чуйскому тракту» и рассказы «Чуйские были».

³ Хроника гражданской войны в Сибири 1917-1918 гг. Сост. В. Максакон и А. Турунов. – М.-Л., 1926; Молотов К. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. – Саратов, 1921; Гессен И.В. Архив русской революции в 18 тт. – Берлин, 1921-22; Каржанский Н. (Качанов). Чехословаки в России. По неизданным официальным документам. – М., 1918 и др.

прогрессирующем недовольстве различных слоев свободолюбивого населения Сибири жестким организационным централизмом советской государственной системы, трудовыми повинностями... всей системой военного коммунизма»¹.

Многие грамотные и опытные краеведы начала XX века, имевшие несчастье быть «выходцами из привилегированных слоев», были репрессированы или расстреляны.

Имя Елпидифора Иннокентьевича Титова (1896-1937) известно сегодня узкому кругу специалистов, да и то лишь смутными сведениями о сфере его научных интересов. Опубликованные работы его, за редким исключением, забыты. До недавнего времени были неизвестны и достоверные данные о жизни ученого. После установления советской власти Е. Титов служил в Забайкальском областном комитете по народному образованию и в газете «Советская власть», посещал кружок по изучению малых народностей Севера, из которого вышли такие известные исследователи Северной Азии, как А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, Г.П. Сосновский. Е. Титов был первооткрывателем целого ряда археологических памятников, работал в секции РГО для «изучения и улучшения быта туземцев Дальнего Востока», целью которого было объединение работ по изучению коренного населения региона. Расстрелян 21 января 1938 года. Реабилитирован в 1957 году.

В 1920 году в Томске был расстрелян последовательный областник и яркий просветитель, журналист А.В. Адрианов, а двумя годами раньше в Омске – молодой, но талантливый и преданный писатель-сибириевед А. Новоселов; в 1918 году вынужден был покинуть Россию талантливейший писатель Алтая, страстный исследователь и пламенный пропагандист культуры Сибири Г.Д. Гребенщиков; был репрессирован и расстрелян в 1937 году глубокий исследователь и подвижник в изучении и сохранении культуры алтайского народа художник Г.И. Чорос-Гуркин; ушли из жизни Г.Н. Потанин и П.И. Макушин (Томск), М.В. Певцов, Н.М. Ядринцев (Омск). На смену им в 1920-30-х годах приходит новое краеведческое движение, пусть и многочисленное, но состоящее из начинающих специалистов с очень низким образовательным уровнем, не имеющих пока опыта и необходимых профессиональных навыков в работе с историческими документами прошлых веков. Изменяется и тематика краеведческих работ: в основном новых исследователей интересуют географо-хозяйственные и статистические сюжеты, этнография «трудовых масс рабочих и крестьян». Присутствующие в таких изданиях исторические очерки о сибирских городах и населенных пунктах XVII-XVIII веков грешат приблизительностью фактов, ошибками и идеологическим схематизмом в объяснении исторических событий².

¹ Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: Проблемы и уроки. – Новосибирск, 1992; Парфёнов П.С. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 г. (к процессу эс-эров) // Пролетарская революция. – 1922. – № 7. – С. 59-71.

² См. например: Каптерев Л. Заселение Тагильского края (Историко-экономический очерк) // Материалы по изучению Тагильского округа, – Тагил, 1928. – Вып.2. – С.4-30; Кудрявцев Ф.А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. – Иркутск, 1939; Тарасенков Г.Н. Туруханский край. Экономический обзор с историческим очерком. – Красноярск, 1930; Черных Г. Ярмарки Иркутской губернии. –

В немногих краеведческих работах сибирской урбанистики остаётся чудом сохранившаяся связь с предшествующим этапом развития: они не сообщали новых фактов, но хорошо прорабатывали старую фактологическую базу истории сибирских городов¹.

Наряду с постепенным повсеместным укреплением авторитета и власти большевиков, во всех регионах страны росли и ширились политические движения, происходившие из различных идейных мотивов и существовавшие в разных формах, но по сути имевшие единую антибольшевистскую направленность. На основе анализа программных документов и лозунгов 1920-х годов в современной научной литературе был сделан вывод о том, что у их участников отсутствовало единство взглядов по вопросам общественного и политического устройства России. Представителей различных политических групп объединяло именно неприятие зарождавшегося режима². В этих условиях научное исследование культуры Сибири как самостоятельной формы деятельности отошло на второй план или приобрело прикладной характер.

В Сибири начала XX века обрели новую силу процессы, зародившиеся в предыдущем столетии. Революционные изменения в государственной жизни страны, разрушение привычного многовекового уклада образующих ее национальностей и формирование новой национальной идеи восстановили краеугольное звучание проблемы «Сибирь-Россия», поднятой когда-то областниками и постепенно потерявшей политическую остроту в буре интенсивных исторических катаклизмов рубежа XIX-XX веков. Областники создали теорию «особой сибирской нации», ратовали за автономный статус Сибири в России и создание Сибирской республики «на манер Соединенных Штатов Америки».

Основания столь смелых заявлений сибиряков о стремлении добиться самостоятельности своего региона косвенно приоткрывает современное исследование В.Г. Мордковича «Сибирь в перекрестье веков, земель и народов: очерки этно-экологической истории региона» (2007). В нем автор акцентирует открытые при комплексном изучении Сибири особые гео-экологические условия, созданные задолго «до» и «для» формирования культурного слоя в данном специфическом регионе. Если другие ареалы обитания человека на земле изначально не совпадают в геологических и культурно-исторических границах, то Сибирь в этом смысле сформировалась на исключительных основаниях: «Земля, именуемая сегодня Сибирью, занимает площадь около 10 млн. кв. км. Она едина в тектоническом отношении, а общая крыша –

Иркутск, 1927. Сибирская советская энциклопедия. Т. 1-4. – Новосибирск, 1929 – 194? (последний том не вышел, существует только в машинописном варианте).

¹ Михайловская А.И. Братский острог (Историко-археологический очерк). – Иркутск, 1928; Козьмин Н. Очерки гор. Верхнеудинск. Прошлое города // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1925. – № 5-6. – С.118-122; Смирнов В.А. Триста лет жизни города Красноярска // Триста лет города Красноярска. 1628-1928. – Красноярск, 1928. – С. 3-18; Кузьмин В.И. Основание и прошлое Красноярска // Справочник по г. Красноярску на 1923 год. – Красноярск, 1923. – С.3-60; Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. – Красноярск, 1926. – Ч.1.

² Хроника гражданской войны в Сибири 1917-1918 гг. – М.-Л., 1926; Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. – М., 1927; Троцкий Л. О Сибири. – Новосибирск, 1990 (Из архивов госбезопасности); Буревоу К. Колчаковщина. – М., 1919; Чехословаки в Самаре (По данным Высшей Военной Инспекции) – М., 1918.

Сибирский антициклон (ок. 6 мес. в году)» (Мордкович, 2007, с. 43). Заложенная в основание Сибирского региона единая основа в виде цельного общего кратона, единства геологического фундамента и водосборного бассейна, сам факт исключительности этого явления в мировом пространстве (такого единства и цельности нет больше ни в одном другом регионе мира!) подталкивают мысль к осознанию изначальной предзаданности той цельности, внутренней спаянности сибирской территории, которая проявилась затем и в духовном стремлении к ее самостоятельности.

В ходе гражданской войны в Западной Сибири, а именно – в Омске, сформировался один из важнейших руководящих центров Белого движения, представители которого вслед за областниками отстаивали идею уникальности культурно-исторической судьбы Сибири, стремились использовать ситуацию перераспределения политических сил для решения давно назревшей задачи. Объявленная Белым движением самостоятельность Сибири, созданное в ней альтернативное Правительство – это были события, всколыхнувшие всю страну и приковавшие к себе внимание исследователей. В 1918 году Омск стал столицей Сибири – здесь обосновалось сформированное Сибирской областной думой на совещании в Томске 23 июня 1918 года Временное Сибирское правительство во главе с адмиралом А.В. Колчаком. Л.Н. Мартынов, омский поэт, о родном городе того времени говорил так – «степной Вавилон времен войны и революции».

В работах В.В. Гармизы, Г.З. Иоффе, Н.С. Ларькова, С.Г. Лившица, А.Н. Никитина, М.Е. Плотниковой и других затрагивались проблемы состава правительства, политических предпочтений его лидеров, дееспособности «омской власти». Ряд этих публикаций был специально посвящен событиям января-июня 1918 года, когда в борьбе против революционного изменения русской культуры выступила самостоятельная организованная сила убежденных приверженцев сибирской идеи¹. В результате стечения объективных обстоятельств и влияния многих субъективных факторов в молодом государстве сложилась уникальная ситуация, которую В.В. Московкин формулирует так: в феврале-марте 1921 года вопрос о судьбе государственной власти во многом определялся исходом вооруженной борьбы не в центре страны, как почти всегда было в истории России, а в отдаленной провинции, на просторах Западной Сибири.

В ходе политических перемен после 1917 года по всей стране, в том числе и в Сибири, началось переосмысление прежних ценностей, национальных и региональных идей. Краеведческое движение в 1920-е годы стало попыткой осмысления нового витка истории и не замирало даже в период гражданской войны.

¹ Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) //Сибирский исторический сборник. Вып. 2 – Иркутск, 1974; Лившиц С.Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата //Вопросы истории СССР. – Барнаул, 1974; Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. //Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996, № 2, с. 24-30; Шиловский М.В. Новониколаевск как столица «белой» Сибири (К истории Западно-Сибирского комиссариата) //Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. – Новосибирск, 1997, с. 103-105.

В Томске в 1919 году по инициативе университетских преподавателей и при личной поддержке адмирала А.В. Колчака был создан Институт исследования Сибири (закрыт в 1920 году), который ставил своей целью научно-практическое исследование региона в целях наиболее рационального использования его ресурсного потенциала и культурно-экономического развития. При поддержке наркома просвещения Анатолия Луначарского к середине 1920-х восстановило свою деятельность Географическое общество.

В 1921 году в Москве прошла Первая Всероссийская конференция научных обществ по краеведению, решением которой было создано Центральное бюро краеведения. В 1925 году в Новониколаевске возникло Общество изучения Сибири, при котором издавался журнала «Сибиреведение». В том же году в Иркутске прошел Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд, а в 1926 году в Новосибирске – Первый научно-исследовательский съезд Сибири. Участниками съездов была начата подготовка издания Сибирской советской энциклопедии. К 1930 году Ассоциация краеведческих организаций Сибири объединяла 18 обществ краеведения, 18 музеев и 4 отдела Географического общества. Эти инициативы отражали острую потребность в развитии комплексных исследований на уровне региона и отдельных его городов и территорий. Но уже в августе 1937 году постановлением Совнаркома РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» краеведение потеряло статус независимого общественного движения, став прерогативой местных музеев.

Так постепенно, в течение всего XX века, центр исследований Сибири перемещается из Москвы и Петербурга (Ленинграда) в крупные сибирские города. В изучении Сибири заканчивается период главенства иностранных и столичных ученых. Здесь вызревает собственная научная база, формируются и закрепляются ведущие образовательные и научные центры, складывается собственная сибирская интеллигенция. География научных изданий концентрируется вокруг ее основных административных центров.

В историографии советской Сибири явно выделяется несколько периодов.

Первый период: со времени установления советской власти до середины 30-х годов.

Принципиально новым явлением в сибирском краеведении начала XX в. стало создание и деятельность отделов Общества изучения Сибири и улучшения ее быта как внедумской организации Сибирской парламентской группы в 3-й и 4-й Государственных думах. Забота о развитии культуры становится делом государственной политики, тщательно продумывается и управляется всеми регионами из центра, задавая единое направление и определяя государственные задачи в изучении и построении культуры нового типа.

Система соподчинения социальных институтов в стране и жесткая идеологическая платформа оказали серьезное влияние на синхронность развития культуры центра страны и её провинций. В Сибири, как и в целом в России, жизнь зависела от смены мировоззренческих установок и политических событий. Потребности общественной жизни становились определяющими для

выбора тем и направлений научного творчества. Так, например, в научном и художественном творчестве первых послереволюционных десятилетий стойкий интерес вызвали особенности установления Советской власти в Сибири и события Гражданской войны¹.

В Сибири, как и в стране в целом, утвердилось производственное краеведение, а культурно-историческое ушло на второй план. Начавшиеся в конце 1920-х годов кампания по борьбе с идеологическими врагами в краеведческой среде, идеологизация культуры и истории привели к серьезным потерям для отечественной науки [Тамбовцева, 2001, с. 23].

В это время активно изучаются новые для Сибири процессы борьбы за власть Советов, революционные события и первые шаги социалистического строительства². В работах содержится исторический материал по вопросам своеобразия и трудностей революционного процесса в Сибири, сделаны первые выводы и обобщения, поставлены новые проблемы для дальнейшего исследования. Особое внимание уделялось осмыслению роли рабочего класса в революции и гражданской войне. Недостатком этой литературы является отрыв сибирских событий от общероссийских, некоторый субъективизм авторов, большинство из которых были участниками реальных событий.

В Сибири, по сравнению с Центральной Россией, революционные изменения получили особенное звучание. Политическая реформа государства существенным образом поменяла этническую и демографическую карту региона, экологию и экономику, весь привычный уклад жизни коренных народностей, систему ценностей и духовные основания их культуры. Новая идеология государства с большим трудом ложилась на традиционное сознание малых народов Сибири, поэтому и культурное строительство здесь осуществлялось на основе политической агитационной работы. Отсюда – и специфика историко-культурной литературы этого времени: вся она посвящена проблемам установления и закрепления советской власти на территории Сибири. В течение всего XX века создавалось огромное количество работ о передовой роли коммунистов в борьбе за Советскую власть, о рабочем классе, крестьянстве, о специфике установления Советской власти в отдельных районах Сибири³.

Тем не менее, практические задачи исследования Сибири продолжают рождать ее подлинных служителей, романтиков и поэтов. Одним из них был в начале XX века Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872-1930) – выдающийся

¹ Турунов А. и Вегман В. Революция и гражданская война в Сибири (Указатель книг и журнальных статей). – Новосибирск, 1928; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. – Новосибирск, 1928; Хроника гражданской войны в Сибири 1917-1918 гг. – М.-Л., 1926; Красная Армия Сибири. – Новониколаевск, 1922;

Хейфец К. Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история Нарымско-Сургутского бандитизма) // Былое Сибири. – Томск, 1923.

² Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. – Новосибирск, 1928; Хроника гражданской войны в Сибири 1917-1918 гг. Сост. В.В. Максакон и А. Турунов. – М.-Л., 1926; Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. – М., 1927; Ильюхов Н. и Титов М. Партизанское движение в Приморье. 1918-1920 гг. – Л., 1928; Сибиряков В. Что принёс Колчак сибирским рабочим и крестьянам – М., 1919.

³ Избекова А.А. Победа колхозного строя в Якутской АССР. – Хабаровск, 1958; Увачан В.Н. Переход к социализму малых народов Севера. – М., 1958; Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. – Улан-Удэ, 1964 и др.

русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока. Вместе с проведением маршрутных съемок в своих многочисленных военных экспедициях он собирал и научные материалы о рельефе, геологии, флоре и фауне Южного Приморья и Сихотэ-Алиня, о населяющих эти места народах. Позже исследовал Северное Приморье, Камчатку и Амур. Его научные изыскания воплотились в художественной форме в его книгах «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня», «Сквозь тайгу», «Китайцы в Уссурийском крае», «В кратере вулкана», «Дорогой хищник», «Искатели жень-шеня», «Быт и характер народностей Уссурийского края»¹.

В это время, по большей части в периодической печати, издаются воспоминания и исследования зарубежных и белоэмигрантских авторов (статьи В. Грэвса, Дневник барона А. Будберга, дневниковые записи Жанена, Д. Уорда и др.)². Весьма характерно, что многие из этих работ выходили в зарубежных издательствах, а иные распространялись в рукописях, получив возможность публикации в России лишь после начала Перестройки, в конце XX века.

Сибирь и в XX веке продолжает привлекать внимание зарубежных исследователей. Семейные обстоятельства привели в Сибирь Йоханнеса Габриэля Гранё (1882-1956), впоследствии – воспитанника хельсинкского Императорского Александровского университета, больше известного в России как Гавриил Иванович Гранэ. Детство его (1885-1891) прошло в Западной Сибири, в Омске, где он сопровождал отца, финского пастора и археолога-любителя Йоханнеса Гранё, в его миссионерских поездках по церковным приходам сурового сибирского региона. В студенческие годы он дважды приезжал в Сибирь для проведения исследований. В 1902 году ученый собирал материал для своего первого исследования «Финские колонии в Сибири» (1905). Фотографии и рисунки этого периода были опубликованы в 1909-1910 годах в трех научных трудах, изданных на немецком языке.

Позже Й.Г. Гранё участвовал в большой экспедиции в китайский, в то время - Урянхайский край (совр. назв. – Тува) и в северо-восточную Монголию. Также участвовал в работе Западно-Сибирского отделения Российского географического общества, членом которого был избран в 1914 году. В 1913-1916 годах жил с семьей в Омске, выезжал на Алтай в поисках наскальных изображений, которые ему предстояло фиксировать с помощью фотоаппарата и карандаша. Фотоработы Йоханнеса Гранё публиковались в научных трудах, вышедших на немецком, французском и русском языках.

Изучение гуманитарных вопросов культуры Сибири в эти годы было скорее исключением, чем правилом. В этот период особую научную ценность представляют исследования крупнейшего советского ученого, фольклориста и

¹ В 2007 году Издательство «Краски» выпустило в свет первое полное (не сокращённое) собрание сочинений В.К. Арсеньева по текстам дореволюционных прижизненных книг автора. Все выходящие до этого труды Арсеньева были сильно сокращены советскими цензорами.

² Жанен М. Орывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина: Из белых мемуаров // Под ред. Н.А. Корнатовского – Л., 1930; Сахаров К.В. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923; Гине Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства): в 2 т. – Пекин, 1921; Зензинов В. Из жизни революционера. – Париж, 1919.

литературоведа, доктора филологических наук, профессора Марка Константиновича Азадовского (1888-1954). Он родился в Иркутске, учился в Петербургском университете. Научно-исследовательская деятельность М.К. Азадовского началась еще в студенчестве. В 1913 году опубликовал статью «Амурская частушка», написанную на основе материалов, лично собранных у русского старожильческого населения Амура. Позже им были изданы «Ленские причитания» (1922) и «Сказки Верхнеленского края» (1925), тексты найденного М.К. Азадовским сказочника Е.И. Сороковикова («Сказки Магая», 1940). «Ленские причитания» были первым большим изданием этого жанра фольклора после известного сборника Барсова¹.

М.К. Азадовский первым обратил внимание на необходимость собирания и изучения народного творчества гражданской войны и подготовил для этого особые методические указания. Работы его раскрывали важнейшие вопросы современного фольклора, его специфических особенностей в области тематики и художественности.

Уникальный научный вклад сделан М.К. Азадовским и в создании библиографии Сибири. Неустанные сорокалетние розыски относящихся к Сибири материалов, тщательное изучение периодической печати сделали его энциклопедистом в области источниковедения. Он был также одним из инициаторов создания и членом главной редакции «Сибирской советской энциклопедии». Большую помощь оказал М.К. Азадовский в научной работе Институтам языка, истории и литературы в Улан-Удэ и Якутске.

Творчество М.К. Азадовского² приходится на пограничный период в развитии краеведения Сибири. Подъем исследований региональной проблематики после 1930-х годов резко пошел на спад. Сказались репрессивные периоды 1937 и 1948-49 годов. В первую половину 1950-х годов имя М.К. Азадовского воспринималось с неизменной оглядкой на события 1948-1949 годов, когда он, наряду с другими профессорами филологического факультета ЛГУ (Г.А. Гуковским, В.М. Жирмунским, Б.М. Эйхенбаумом и др.), был объявлен «космополитом» и изгнан из Ленинградского университета, где он заведовал кафедрой фольклора, а также из возглавляемого им Сектора фольклора в Пушкинском Доме. Его деятельность приобрела полулегальный характер.

Второй период: с середины 30-х годов до XX съезда КПСС (1956).

В это время происходит резкое сокращение работ по истории культуры Сибири. Идеологизация исследований достигает предельного уровня и часто приводит к искажению реальных событий и фактов³. И хотя продолжается

¹ Барсов Е.В. «Причитания Северного края», т. I-II. 1872-1882.

² Основные сочинения М.К. Азадовского: «Ленские причитания», Чита, 1922; «Верхнеленские сказки», Иркутск, 1938; «Русская сказка», т. 1-2, М.-Л., 1932; «Литература и фольклор», Л., 1938; «Затерянные и утраченные произведения декабристов», в кн.: «Лит. Наследство», т. 59, кн. 1, М., 1954; «Статьи о литературе и фольклоре», М.-Л., 1960, капитальный труд «История русской фольклористики» (т. 1-2, 1958-63).

³ Цыпкин С. Дальневосточные большевики на путях к Октябрю. – Хабаровск, 1934; Вегман В. и Циркунов Ю. Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова. – Новосибирск, 1934; Шорников М.М. Большевики Сибири в борьбе за Октябрь. – Новосибирск, 1947; Молотов Вл. Большевики Сибири в период гражданской войны (1918-1919 гг.). – Омск, 1949; Сибирская советская энциклопедия. Т. 1-4. – Новосибирск, 1929 – 1947 (последний том не вышел, существует только в машинописном варианте) и т.п.

дальнейшее накопление материалов по культуре Сибири, появляются отдельные монографии, для многих материалов характерен идеологический схематизм, затушевывание трудностей. Научная ценность работ этого периода заключается в том, что именно в эти годы началась активная работа исследователей с архивными источниками, что позволило ввести в научный оборот множество подлинных документов. Сложилась и получили особую популярность новые типы изданий – документальные сборники, воспоминания¹.

Историко-культурные процессы довоенных лет в исторической литературе были отражены слабо. Показателен пример монографии Г. Докучаева «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны» (Новосибирск, 1965): на основе большого количества архивных документов здесь показаны основные вопросы развития экономики и рабочего класса, впервые выполнены расчеты социальной структуры населения Сибири, но вопросы культурного строительства новой Сибири оказались за пределами интереса автора. Несколько позже в центре внимания учёных оказываются процессы коллективизации и индустриализации – после их завершения, когда оказался возможен взгляд со стороны, позволяющий в динамике развития событий увидеть и достижения, и просчёты, и ещё не реализованный потенциал².

В этот период фактически ликвидируются неформальные научные и краеведческие организации. Некоторые из них (отделы Географического общества СССР) были возрождены после 1945 года, но их деятельность уже не достигала масштабов предшествующих этапов. Массовые репрессии обрушились на незначительную по численности прослойку квалифицированных специалистов в сфере краеведения. В статье «Краеведение в Восточной Сибири в XX веке» В.В. Свинин сообщает (см. «Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы». Ч. 2.), что в 1937 году в Иркутске были арестованы и расстреляны все научные сотрудники краеведческого музея. Основными центрами исторического краеведения становятся местные музеи, прежде всего областные, краевые, республиканские.

В сороковые годы научной литературы в Сибири тоже почти не издавалось. Все силы тылового региона были направлены на поддержание фронта. Зато в последующие десятилетия, особенно к двадцатилетию Победы, последовал настоящий вал работ о Великой Отечественной войне и о роли в ней сибиряков. Это были статьи и монографии в основном политического и исторического характера.

¹ За власть Советов (Сборник документов). – Красноярск, 1957; В борьбе за власть Советов. – Тюмень, 1957; Большевики Западной Сибири в период подготовки и проведения социалистической революции. – Новосибирск, 1957; Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. – Иркутск, 1957; Бажеев Д.Г. Коммунистическая партия – организатор и вдохновитель партизанской борьбы в Бурятии. – Улан-Удэ, 1960; Волков И. Воспоминания бывшего царского каторжанина // Пути революции. 1922. – № 1. – С. 13-38.

² Касьян А.К. Первые шаги колхозного строительства в Омской деревне. – Омск, 1958; Степанов И.С. Борьба Иркутской организации КПСС за коллективизацию сельского хозяйства. 1928-1930 гг. – Иркутск, 1958; Беляев И.К. Социалистическая индустриализация Западной Сибири. – Новосибирск, 1958; Потемкин В. Коммунистическая партия – организатор строительства и освоения RVR/ – Кемерово, 1957 и др.

Именно так, со статей в военной газете, начинал свой творческий путь один из интереснейших исследователей Сибири советского времени Николай Николаевич Яновский (1914-1990) – крупнейший российский критик и литературовед, историк сибирской литературы. Впервые выступил с очерками и библиографическими заметками в 1944 году во фронтовой газете 6-й танковой армии. Систематически печататься стал с 1948 года в газетах Новосибирска. Началом же настоящей профессиональной литературно-критической деятельности Яновского считают появление в 1949 году в «Сибирских огнях» его первой рецензии.

Н. Яновский – настоящий мэтр сибирской литературы, небывало широкий в своих творческих интересах, жесткий реалист и эмоциональный романтик, практик и теоретик, организатор и пропагандист. Классический тип советского писателя: одновременно и яркий публицист, и пламенный борец за «правильную» советскую литературу.

Сделанное им поражает не только объемом и масштабом, просто невероятными для одного человека, но и редкой беззаветной любовью и преданностью сибирской литературе. Сотни рецензий, очерков, статей, литературных портретов, без малого два десятка книг и монографий написал он за свою жизнь. М. Азадовский и Л. Сейфуллина, Н. Ядринцев и В. Иванов, Г. Потанин и В. Шукшин, В. Шишков и С. Кожевников, В. Зазубрин и С. Залыгин, И. Лавров и И. Гольдберг, Г. Гребенщиков и В. Астафьев, М. Ошаров и В. Распутин, А. Коптелов и Н. Самохин (и список этот можно продолжать и продолжать) становятся «героями» его исследований. Благодаря Яновскому современный читатель узнал о Степане Исакове, Арсении Жилиякове, Максимилиане Кравкове, Иване Тачалове, Александре Новоселове, получил возможность ближе познакомиться с творчеством этих писателей. По существу, он создавал собственную историю литературы Сибири. В литературных кругах Новосибирска 1970-х-1980-х годов Николая Николаевича не случайно полушутя называли «человеком-институтом».

Примерно в те же годы входит в творческий мир исследователей Сибири Александр Александрович Мисюрев (1909-1973) – писатель-фольклорист, собиратель сибирских сказов, горнозаводского фольклора на территории Сибири. Записанные им предания представляют собой летопись быта горных рабочих, идеализируют бунтарей, беглецов, фольклор ямщиков Сибирского тракта¹. Благодаря этим книгам массовому читателю стали известны популярные в алтайском горнозаводском фольклоре образы беглеца Сороки, удалого чудо-богатыря; 12 силачей-братьев Белоусовых, метких стрелков, наделенных магическим умением поймать пулю в ладонь и бросить ее через плечо. Оригинален цикл легенд о мифологическом персонаже – природном духе Горном батюшке, который часто является в облике простого рабочего, помогает «работному люду» находить золото.

В области прикладного сибиреведения, в сфере геологических изысканий Сибири в эти годы наибольшую известность получило имя Сергея

¹ «Четвертый горновой» (1934); «Бергалы» (1937), «Легенды и были» (1938).

Владимировича Обручева (1891-1966). Массовому советскому читателю оно хорошо знакомо как имя автора многочисленных научно-популярных книг, написанных о его собственных путешествиях¹.

Несколько полевых сезонов в самые первые годы Советской власти проводит С.В. Обручев со своим маленьким отрядом в Восточной Сибири, в лодочных и пеших маршрутах по Ангаре, Енисею, Нижней Тунгуске, Подкаменной Тунгуске, Курейке и другим рекам, охватывая своими исследованиями огромную площадь. В 1926 году отправляется в новую далекую экспедицию – в Якутию, которая в то время была еще практически огромным «белым пятном». С.В. Обручев и его спутники на утлых лодочках спустились на значительное расстояние вниз по Индигирке. Это были места, где не ступала нога исследователя. Никто из геологов и географов никогда еще не видел Индигирку в верхнем течении. Сама местность оказалась совсем не такой, как это следовало из разных слухов и рассказов. Помимо многих открытий в области Арктики и Субарктики, С.В. Обручеву принадлежит открытие века – открытие хребта Черского в Якутии, самого высокого во всей Северной Сибири. Хребет Черского оказался последним великим хребтом, открытым во всем северном полушарии.

Середина XX века была временем, когда исследования культуры Сибири проводились отдельными патриотами своей земли – этого постоянно побуждающего к ежедневному героизму сурового края. История культуры Сибири вершилась не «благодаря», а вопреки официальной политике и цензуре, большими жертвами и личными трагедиями. За свой главный труд – многотомное «Литературное наследие Сибири» – Н.Н. Яновский, не согласный с мнением официальных цензоров, поплатился и должностью редактора журнала «Сибирские огни», и возможностью делать важное для него дело.

Третий период: после 1956 года и до начала Перестройки.

В 1960-е годы начинается масштабное изучение истории СССР, в том числе и Сибири. Особенностью исследовательской работы этого времени является ее системный, плановый характер и направленность на решение общих государственных задач, поставленных партией и правительством.

XX съезд КПСС (1956) нацелил учёных Советского Союза на воссоздание правдивой летописи героических будней строителей социалистического общества, сложность и многообразие созидательного процесса. В связи с этим в скором времени появились значительные исследования по истории Сибири в целом и ее отдельных районов, включающие описание, обобщение и систематизацию.

Большую группу составили сборники документов и стенографические отчеты съездов, конференций, Пленумов ЦК КПСС. В них содержится богатейший фактический материал, обобщающие данные по вопросам экономики, культуры, состава и движения населения в масштабе всей Сибири и ее районов. В

¹ «По горам и тундрам Чукотки» (1957); «В неизведанные края» (1954) и др.

эти годы выходят серьезные издания по истории и культуре Сибири, очерки развития республик и областей, входящих в ее состав¹.

Специфика исследований Сибири представлена здесь работами проблемного характера. Одной из них стала монография И.К. Беляева «Социалистическая индустриализация Западной Сибири» (Новосибирск, 1958), в которой впервые развитие промышленности региона показано почти за 40 лет Советской власти.

Особенно распространены были сборники статей, формально претендующие на целостность рассмотрения проблемы культуры региона. На самом деле под многообещающими названиями сборники чаще всего объединяют отдельные разрозненные статьи частного характера. Первые попытки обобщить материал по Сибири (без Дальнего Востока) представлены в монографиях В.П. Сафронова, М.М. Шорникова, М.И. Стишова, И.Ф. Плотникова и др².

Задачи целостного изучения истории и культуры республик и областей сибирского региона ставились в науке еще в 1930-е годы: тогда были подготовлены юбилейные сборники к годовщинам установления советской власти, воспоминания о гражданской войне, коллективизации. Крупные научные исследования, системно рассматривающие историю, культуру и этнографию Якутии, Бурятии, Тувы и Хакасии советского периода впервые были выполнены лишь в конце 50-х годов. Именно тогда были изданы первые монографии по истории отдельных народов: о бурятах, тувинцах-тоджинцах, орочах, эвенгах и эвенках Якутии, чукчах, ульчах, ненцах, нивхах, кетах³.

Ограничения в деятельности краеведческих обществ несколько компенсировались в этот период огромным количеством вузов, научно-исследовательских институтов, в которых преподаватели и студенты тоже занимались вопросами краеведения. Талантливые преподаватели воспитывали своих преемников, по-настоящему увлеченных идеей исследования культуры Сибири. Один из ярчайших примеров такого опыта – деятельность Алексея Павловича Окладникова (1908-1981) – советского археолога, историка, этнографа, академика АН СССР, иностранного члена Монгольской АН и Венгерской АН, члена-корреспондента Британской академии, лауреата многих премий, авторитетнейшего исследователя древних культур Сибири и Дальнего Востока, одного из основоположников сибирской школы археологов.

¹ История Сибири с древнейших времён до наших дней. В 5-ти т. – Л., 1968; Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. – Новосибирск, 1965; История Якутской АССР. В 3-х т. – М.-Л., 1963; История Бурятской АССР. В 2-х т. – Улан-Удэ, 1958; История Тувы. В 2-х т. – М., 1964.

² Сафронов В. Октябрь в Сибири. – Красноярск, 1962; Шорников М.М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. – Новосибирск, 1963; Стишов М.И. Большевикское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). – М., 1962; Плотников И.Ф. Большевикское подполье в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). – Свердловск, 1966.

³ Тугутов И.Е. Материальная культура бурят: этнографическое исследование. – Улан-Удэ, 1958; Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы (историко-этнографические очерки). – М., 1961; Ларькин В. Г. Орочи. – М., 1964; Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. – Якутск, 1964; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.-Л., 1965; Смоляк А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. – М., 1966; Хомич Л.В. Ненцы: историко-этнографические очерки. – М.-Л., 1966; Таксами Ч.М. Нивхи. – Л., 1967; Алексеев Е.А. Кеты: Историко-этнографические очерки» – Л., 1967.

Уникальной является прежде всего необычайная широта научных интересов А.П. Окладникова фактически по всем ступеням истории с самых ее нижних палеолитических глубин и до этнографического времени¹.

В 1928 г. на Шишкинских скалах на берегу реки Лены А.П. Окладников обнаружил целую галерею наскальных рисунков, изображающих людей, животных, птиц. Об этих рисунках в 18 веке сообщал Г.Ф. Миллер, но открытие скоро было забыто. Мировую известность Шишкинские петроглифы приобрели благодаря публикациям А.П. Окладникова. Благодаря своей одержимости в работе, таланту, интуиции, ученый сумел обогатить археологию блестящими открытиями. Он развернул исследования в Якутии, Забайкалье, Приморье, Приамурье, на островах Северного Ледовитого океана, на Алтае, в Западной Сибири, в среднеазиатских республиках – практически на всей территории бывшего Советского Союза.

В 60-70-е годы в вопросах культурного строительства по-прежнему острой остается задача идеологического воспитания советского человека в духе патриотизма, в связи с чем самое большое распространение получают работы научно-популярного и публицистического характера. В них запечатлен и подвиг сибиряков в годы Великой Отечественной войны, и героизм советских людей при освоении целинных и залежных земель, сооружении крупнейших энергетических строек. Эта литература в некоторой степени и сегодня может служить источниковой базой. Однако во многих подобных работах, написанных эмоционально, плакатно и агитационно-заразительно, заметна спорная идеологическая оценка исторических событий, акцентируются ошибочные факты и выводы². В это же время стали появляться и крупные обобщающие работы, посвященные истории государства, Коммунистической партии Советского Союза, экономике, социалистическому культурному строительству³. Данный факт открывает целое значительное направление в исследованиях Сибири – обобщающих энциклопедических, биографических и справочных изданий универсального и исторического характера, посвященных отдельным территориально-административным образованиям, городам и людям⁴.

Главными действующими лицами советской сибирской культуры и главной силой в формировании её нового пролетарского типа на протяжении

¹ «Древние шаманские изображения из Восточной Сибири» // Советская археология. Т. X. 1948. С. 203-225; «История и культура Бурятии». – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976; «Неолит и бронзовый век Прибайкалья»: в 3-х частях. – М.; Л.: АН СССР, 1950-1955; «Петроглифы Горного Алтая». – Новосибирск: Наука, 1980; «Петроглифы Монголии». – Л.: Наука, 1981 и др. Популярное издание: «Олень золотые рога». – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1989; «Открытие Сибири». – М.: Молодая гвардия, 1981; «Утро искусства». – М.; Л.: Искусство, 1967 и др.

² Жихарев Н.А. В борьбе за Советы на Чукотке. – Магадан, 1959; Сафронов В. Октябрь в Сибири. – Красноярск, 1962; Солодянкин А. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. – Иркутск, 1960 и т.п.

³ Шакин А.М. Омская область в послевоенные годы. – Омск, 1953; Культурное строительство в Сибири 1917-1960 гг. – Новосибирск, 1962 г.; Народы Сибири. – М.-Л., 1956 и др.

⁴ История Алтая. Отв. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул, 1995, ч. 1.; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Отв. ред. С.Ф. Фоминых. – Томск, 1996-2003, тт. 1-4; Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск, 1998; Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. – Новосибирск, 2000, т. 1; Сибирские и тобольские губернаторы. Исторические портреты, документы. Под ред. В.В. Коновалова. – Тюмень, 2000; Энциклопедия Новосибирск. – Новосибирск, 2003.

всего периода развития были рабочий класс и крестьянство. Исследования Сибири в этом смысле не составляли исключения.

Закрепление социалистических отношений, прошедших закалку в годы войны и тяжелейшего восстановительного труда, способствовало пробуждению исследовательского интереса к проблеме особого положения интеллигенции в Сибири и её роли в установлении и развитии советской культуры. С конца 80-х годов выходят статьи о жизни и деятельности конкретных представителей ссыльных революционеров. Однако малоисследованными остаются исторические и публицистические работы ссыльных-народников, а также их труды по изучению коренного населения Сибири. Следует отметить также отсутствие обобщающих работ на тему «Культурное влияние ссыльных в Сибири» и «Роль интеллигенции в культурном строительстве Сибири».

В советский период осуществляется планомерное изучение Сибири с выпуском серийных изданий научных трудов по разным отраслям. Прежде всего – это капитальные коллективные труды историков-краеведов, вышедшие под грифом Научно-исследовательских институтов АН СССР (например, пятитомная История Сибири, выпущенная в Ленинграде в 1968 году); историографические труды В.Г. Мирзоева, известная работа Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко¹.

Как особое направление исследований сохраняется сибирская урбанистика, раскрывающая специфику формирования городской культуры в Сибири, начиная от древнейших поселений, знаменующих собой зарождение сибирской цивилизации². Целая серия статей об истории сибирских городов была опубликована в «Сибирской советской энциклопедии»³, также вышли работы Р.М. Кабо, В.В. Рабцевич, серия работ Д.Я. Резуна, новосибирского историка, занимающегося проблемой типологии сибирских городов⁴.

Отдельный блок исследований представляют сборники, статьи, публикации документов по культурному строительству в Сибири. Все они написаны в едином политическом ключе и отражают позицию советского правительства по вопросам развития культуры.

Культурная революция в национальных районах Сибири проводилась как часть единого процесса в стране, на основе общих закономерностей. Здесь, в Сибири, приходилось решать такие дополнительные задачи, как формирование

¹ В.Г. Мирзоев Историография Сибири XVIII в. – Кемерово, 1963; Он же. Историография Сибири. 1-я половина XIX в. – Кемерово, 1965; Горюшкин Л.М. и Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVII – начало XX в.) – Новосибирск, 1984.

² Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. – М., 1992; Марсадалов Л.С. Астрономическая обсерватория в Горном Алтае // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. – СПб., 1991;

³ Бахрушин С.В., Петров А.И., Юрцовский Н.С., Соколов М.П. – статьи в разделе «Города» // Сибирская советская энциклопедия. Т. I, с. 702-724. – Новосибирск, 1929

⁴ Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-этнографической географии (XVII – первая половина XIX в.). – М., 1949; Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. – Новосибирск, 1984; Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца 16 – первой половины 18 века. – Новосибирск, 1982; Он же. Очерки истории изучения сибирского города. 18 век. – Новосибирск, 1991; Он же. Новации и традиции в городской культуре Сибири 17 – начала 20 вв. // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации – Новосибирск, 2001; Он же совместно с Васильевским П.С. Летопись Сибирских городов. – Новосибирск, 1989.

национальной трудовой интеллигенции, создание национальных культурных центров. Основные работы по культурному строительству объединяет признание ведущей роли русской культуры в развитии национальных меньшинств СССР и её гуманитарной помощи в становлении пролетарской культуры различных народностей страны¹.

Вместе с тем советские ученые продолжили работу в исследовании археологии, быта, языка, религии народов Сибири. Сводка трудов А.В. Анохина, С.А. Токарева, Л.П. Потапова, С.И. Руденко, А.Г. Данилина, Л.Э. Каруновской, С.С. Суразакова, Н.А. Баскакова и других позволила обобщить накопленный материал в таких фундаментальных трудах, как «Народы Сибири», «Историко-этнографический атлас Сибири», «Сибирская советская энциклопедия»². Была создана целая панорама истории народов Сибири, основу которой составили труды С.В. Бахрушина по истории остяков, сибирских татар и енисейских кыргызов, монографии А.П. Окладникова по истории бурят-монголов, Л.П. Потапова – по истории алтайцев, С.А. Токарева – по истории якутов и алтайцев³. Особенно значительными оказались труды А.П. Окладникова, сумевшего реконструировать историческое прошлое одного из бесписьменных народов на основе комплексного использования археологических, этнографических, письменных и других источников, и Л.П. Потапова, изложившего историю алтайцев на широком историческом фоне всей Азии от палеолита до наших дней на основе огромного комплекса самых различных источников.

Важные выводы и оценки содержатся в трудах таких историков, как С.В. Бахрушин и академик В.В. Бартольд, изучавших русское колонизационное движение в южном направлении и вскрывших его особенности⁴. В работах З.Я. Бояршиновой и В.И. Шункова на большом фактическом материале раскрыта негативная роль набегов кочевников на русские поселения в Сибири, приводивших к разрушению производительных сил не только русских уездов, но и улусов - аборигенов, а также выявлена позитивная роль русской колонизации для малых этнических образований, которым грозило истребление или участь данников более крупных кочевых сообществ⁵.

В исследованиях историков, этнографов, лингвистов в XX веке большое внимание уделяется изучению мифологических и религиозных основ культуры народов Сибири. Так, еще в 1948 году Л.П. Потапов пытался разобраться в

¹ Культурное развитие Красноярского края. – Красноярск, 1988; Культурное развитие советской сибирской деревни (сб. ст.) – Новосибирск, 1980; Культурное строительство в Иркутской области (1917-1967). Сб. документов. – Иркутск, 1980; Культурное наследие Алтая: материалы Всероссийской конф. – Барнаул, 1992.

² Народы Сибири. // Народы мира (ред. Левин М.Г., Потапов Л.П.) – Л., 1956; Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л., 1961; Сибирская советская энциклопедия. Т. 1-4. – Новосибирск, 1929 – 194? (последний том не вышел, существует только в машинописном варианте)

³ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII веке. // Научные труды – М., 1955; Окладников А.П. Очерки по истории бурят-монголов – Л., 1937; Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – Новосибирск, 1948, 1953; Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII-XVIII вв. – Якутск, 1945; Он же. Докапиталистические пережитки в Ойротии – М.-Л., 1936 и др..

⁴ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв. // Научные труды, 1955; Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России. – Л., 1925.

⁵ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века. // Труды ТГУ. – Томск, 1950; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. – М.-Л., 1946.

специфике новой веры алтайцев – бурханизме¹ – на страницах своей фундаментальной монографии «Очерки по истории алтайцев». А в 1993 году выходит его труд «Сибирский шаманизм», который впервые рассматривает это явление не как форму примитивных верований, а как целостную систему культурных констант, ценностно детерминированную, обладающую собственной структурой, в которую встраивается социокультурный мир человека.

Весомый вклад в изучение сибирского шаманизма², мифологического и религиозного пространства алтайцев внесли А.М. Сагалаев и А.С. Суразаков, енисейских остяков – С.К. Патканов и В.И. Анучин, чукчей – В.Г. Богораз-Тан, хакасов – Л.Р. Кызласов, манси – И.Н. Гемуев и др.³

С 1990-х годов по настоящее время очевидно проявление устойчивого интереса к обобщению опыта Сибири в прошлой и настоящей истории, стремление оценить её потенциальные возможности и реальные достижения, понять специфику современного состояния и осмыслить логику дальнейшего развития. Рубеж тысячелетий с новой силой всколыхнул интерес к культуре сибирского региона. Принципиальной особенностью исследований этого времени стала их гуманитарная культурологическая направленность и концептуальный характер. Необходимость самостоятельного осмысления происходящих перемен, фактически автономное развитие отдельных регионов России, сложившееся в ходе процессов демократизации, поставили ученых научных центров Сибири перед необходимостью выработать ясное понимание ее места в системе культуры России, нынешнего положения и ресурсов возможной модернизации.

Для большинства современных работ характерно обращение к ранее изучавшимся вопросам в новой идеологически свободной среде. Так, именно в годы Перестройки были открыты многие архивы и сняты жесткие идеологические директивы, что позволило по-новому увидеть смысл и значение ряда исторических событий. На рубеже тысячелетий оказалось возможным опубликовать многие работы по Белому движению в Сибири, написанные в период Гражданской войны или в первые послереволюционные годы⁴.

¹ По этой же проблематике вышла монография: Данилин А.Г. Бурханизм – Горно-Алтайск, 1993.

² Ксенюков Г.В. Легенды о шаманах. – Иркутск, 1928; Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1984; Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика тувинского шаманства. – Новосибирск, 1987; Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. 2. – СПб, 1914; Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. – Новосибирск, 1987.

³ Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа – Новосибирск, 1992; Он же. Мифология и верования алтайцев: Центрально-Азиатские влияния. – Новосибирск, 1993; Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. – М., 1983; Патканов С.К. Остяцкая молитва. – Тюмень, 1999; Богораз-Тан В.Г. Чукчи. В 2-х томах. – Л., 1934 – 1939; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск, 1990.

⁴ Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917-1922): монография / Н.П. Бучко. – Хабаровск: «Частная коллекция». 2009. 256 с.; Гражданская война в Сибири / Под ред. М.Д.Северьянова. Красноярск, 1999; Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001, с. 26-47.

Рост бюрократии в годы перемен на очередном поворотном витке российской истории потребовал нового осмысления этого, ушедшего было в прошлое, явления русской культуры. На рубеже XX-XXI веков в отечественной историографии ведутся активные исследования сибирского чиновничества XIX века, в связи с чем в сферу интересов «широкого» круга исследователей попадает вопрос об истории изучения сибирского чиновничества в предшествующие периоды (в том числе и в дореволюционный период). Тему специфики управления в Сибири и особенностей деятельности чиновников в свое время поднимали областники Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Особое внимание они уделяли вопросу специфического положения Сибири в составе Российской империи и особой роли, которую играет государственное управление в Сибири. Острая критика в работах областников направлена на обоснование необходимости серьезных изменений в сфере управления в регионе¹.

Основным источником сведений по истории и культуре Сибири до сих пор остается археология. Публикации по результатам летних сезонов археологических экспедиций вузов Сибири, Москвы и Петербурга, а также полевых сезонов музеев ежегодно исчисляются сотнями, все более обогащая и уточняя панораму культурно-исторического развития этого поистине необъятного по масштабам и неиссякаемого по богатствам (и природным, и духовным) региона – Сибири.

Уже в начале XX века в археологии выделяется целое направление по проблемам скифосибири², открывшее миру древнюю цивилизацию угро-самодийского народа, проживавшего на юге Западной Сибири. Археологам в XX веке вообще принадлежит особая роль в изучении Сибири. Со времени эпохального открытия на Алтае в 1924-27 годах курганов скифского времени начинается систематическое исследование его древних культур.

Богатейшие клады погребений вызвали археологический бум, развернувшийся в 30-60-е годы по всей Южной Сибири и в Восточном Казахстане. Исследования С.И. Руденко, С.В. Киселева, М.П. Грязнова, Г.П. Сосновского, Л.Е. Евтюховой, В.П. Левашевой, С.С. Черникова создали основной массив археологических данных для составления типологии древних культур в сибирском регионе.

По степени историко-культурной значимости эти открытия затмевают открытия Г. Шлимана и Г. Картера. «Золотые вехи» сибирской археологии: 20-40-е годы – «Царские» курганы Пазырыка, Башадара и Туэжты, составившие впоследствии основу скифской коллекции Эрмитажа (открыты С.И. Руденко и М.П. Грязновым); 1960 год – «Золотой» Чиликтинский курган, (С.С. Черников); 1969-70 годы – в Казахстане открыто богатое сакское захоронение с полным

¹ Кошкарлов А.Ю. Российская историография губернского управления в Сибири в 1708-1822 гг.: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – Тюмень, 2003.

² Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.-Л., 1952; Он же. Культура Населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960; Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок. // Алтайка. – Новосибирск, 1994; Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977

погребальным костюмом «Золотого человека» (К.А. Акишев); 1971-74 годы – в Туве был раскопан грандиозный курган «Аржан», в котором, по-видимому, был похоронен правитель большого союза сибирских племен, или, как его именуют некоторые исследователи, «вождь вождей» (М.П. Грязнов и М.Х. Маанай-оол); 1990-95 годы – отрядами Н.В. Полосьмак и В.И. Молодина проводились исследования на плато Укок (Южный Алтай); открыто уникальное с историко-культурной точки зрения нетронутое погребение скифской жрицы, получившей «титул» «Алтайской принцессы».

80-90-е годы XX столетия ознаменовались в археологии Сибири очередными открытиями мирового масштаба: древний город и эзотерический центр Аркаим на Южном Урале, как будто открывший Врата (как в пространственном, так и во временном смысле) в древний мир сибирских протогородов и сакральных центров; эзотерический центр в Минусинской котловине, царские курганы и захоронение жрицы с плато Укок, «Сибирский Стоунхендж» в Сентелеке (Чарышский район Алтайского края). Сегодня археология уже отходит от общепринятой методики простого описания артефактов, выявляя социокультурные смыслы, семантику исследуемых явлений, нередко поднимаясь до культурологических обобщений. В рассматриваемом аспекте особый интерес вызывают работы А.П. Уманского, В.Д. Кубарева, Л.С. Марсадолова, Е.А. Окладниковой, Н.В. Полосьмак¹.

Современная культура рождает новые и новые проблемы, для понимания которых необходимо учесть предыдущий опыт развития культуры. Так, в пространстве научных исследований Сибири в конце XX века снова появляются темы этнографических и археологических исследований истоков Сибири и населявших её народностей, осмысление сущности таких древних и современных социокультурных явлений, как чиновничество, купечество, интеллигенция, предпринимательство и меценатство.

В переломное для страны время изучать культуру Сибири стали не только профессиональные ученые, но и многие художники, писатели, общественные деятели. Потребность переосмыслить культурно-историческую роль Сибири в момент коренных изменений ее судьбы испытали все неравнодушные к своему делу и своему краю люди. Уникальную краеведческую коллекцию собрал старейший барнаульский радиожурналист, краевед и публицист В.С. Серебряный; множество «белых пятен» в истории и культуре Алтая получили освещение в литературно-публицистической деятельности известных на Алтае краеведов П. Бородкина и В.Ф. Гришаева, писателей М. Юдалевича, А. Родионова и др.; интереснейшие журналистские расследования спорных вопросов культуры Сибири выполнил А. Омельчук (Тюмень), всю жизнь благодаря своей профессии странствующий по ее величественным землям².

¹ Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Ч.1, II – Барнаул, 1995; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984; Е.А.Окладникова Петроглифы Средней Катуни. – Новосибирск, 1984; Она же. Средневековые наскальные изображения урочища Кара-Оюк // Региональные культуры Средневековья на территории России. – СПб, 2001; Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001.

² Омельчук А. Частное открытие Сибири. – Тюмень, 2002.

«В переходную эпоху заново ставится вопрос: что есть Сибирь. Этот неясного происхождения топоним до сих пор несет в себе и мифологические, и утопические, и реально-исторические смыслы. С чем вошли коренные сибиряки в XXI век, каковы шансы сохранения оригинальных картин мира?.. Сохранить мозаичное богатство культур в процессе демократизации – это проблема коэволюции биосферы и ноосферы, в наступившем веке – может, важнейшая из проблем»¹, - эта эмоциональная постановка проблемы профессором А.П. Казаркиным предвдваряет коллективную монографию «Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания», название которой обещает долгожданную целостность и системность в осмыслении сущности Сибири в предельно широком контексте мировой культуры. Но и это пока только проблемная заявка, так как данное издание представляет собой собрание отдельных статей, так или иначе касающихся вопросов взаимодействия культуры Сибири и мира.

В последнее десятилетие рубежа XX-XXI веков изданы несколько монографических работ по культуре Сибири (в том числе – первые учебные пособия по истории и отдельным направлениям искусства), созданных в Новосибирске и Томске². Но это лишь первые шаги.

ГЛАВА 2. АЛТАЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Кладом бесценным лежит перед нами Золотой Алтай. В самом его имени заложена эта идея: монгольские слова «алт», «алтан» означают «золото»; «алтантай», «алттай» – «место, где есть золото»; «Алтын-Ту» – это «Золотая Гора», а «Алтын-Кель» – «Золотое Озеро». Продолжая исследовать глубже значение родственных (или близких по звучанию в других языках) слов, мы убедимся в наличии в слове «Алтай» сакрального, Божественного смысла.

В алтайском языке «ала» означает «начиная с чего-либо». «Алатырь» – в славянской мифологии – это первокамень, основа мироздания, Мировая Гора, та точка, с которой начиналось творение мира. «Ал» или «Эл» в переводе с еврейского означает «Бог», «Ал-Айт» (с финикийского) – бог огня, «Алайя» (с санскрита) – Вселенская душа, не говоря уже об «Аллах» (с арабского) – Бог, «аллаха» (еврейское) – закон, «алетейя» (греческое) – Истина. А на высокогорном плато Укок, одном из самых почитаемых мест Алтая, «небесном пастбище» древних скифов, где они хоронили своих вождей и великих жрецов, таких, как знаменитая «принцесса Укока», протекают две реки: Ак-Алаха и Кара-Алаха, как две стороны мироздания - Инь и Ян. Для алтайца слово «Алтай» – это начало всех начал. Оно объединяет все уровни бытия человека и

¹ Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания: Коллективная монография. – Томск: АНО «Издательство «Сибирика», 2003, с. 5.

² Бурятия: Концептуальные основы стратегии устойчивого развития. – М., 2000; Кулемзин В.М. Обыденное и сакральное в традиционной культуре народов Сибири // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Часть 11. – Томск, 2000; Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания – Томск, 2003; Мордкович В.Г. Сибирь в перекрестье веков, земель и народов: очерки этноэкологической истории региона. – Новосибирск, 2007 и т.п.

означает: Родина, территориальная единица, Природа, Высший Дух, Земля, Народ, язык.

Сегодня в исторической науке, наряду с другими точками зрения, существует алтаецентристская концепция культуры (Н.К. Рерих, Р.Г. Харш, Падмашри В.Р. Риши, Д.А. Мачинский и др.), в основе которой лежит утверждение, что родиной ариев был алтайский регион, их сакральный центр – гора Меру – это гора Белуха на Алтае, а племена и народы, движимые лавиной Великого переселения и позже образовавшие современные европейские и азиатские нации и государства, именно в этом регионе, как в некоем «тигле» смешиваясь, переплавлялись и выкристаллизовывались.

Золотым называют Алтай не только за богатейшие его недра, не только за дивные горы и звенящие реки... Алтай – это одна из высочайших вершин человеческого духа, неиссякаемая сокровищница его творений: легенды и предания Алтая хранят мудрость веков, сконцентрированную в самых разных религиозных системах: шаманизм, христианство (православное и старообрядческое), буддизм; в его почву уходят корнями культуры народов Азии и Европы. В слове «Алтай» заключен сокровенный смысл – «Золотой престол Бога», центр мироздания.

2.1. Древний мир Алтая: от камня до бронзы

Примерно 100 тысяч лет назад север Евразии занимал огромный ледник. Очагом местного оледенения стали горы Алтая. В это время происходит вымирание субтропических животных и растений, в холодных степях алтайского предгорья и в горных долинах появляются мамонты, сибирские носороги и другие животные ледникового периода. Но древний человек сумел справиться с суровыми испытаниями природы: обладая разумом и членораздельной речью, он сплавивается в организованные общины. Всей общиной можно охотиться на крупного зверя. Удачная охота на крупного зверя – мамонта, пещерного носорога или медведя – позволяла некоторое время не беспокоиться о пище. Свободное время можно было посвятить совершенствованию орудий охоты. Результатом стало накопление технического опыта в производстве каменных орудий труда. Совершенствуется мозг человека, у него появляется способность представлять форму необходимого орудия труда, что является одним из условий возникновения искусства.

Укрощение стихии огня позволило человеку справиться с холодом и дикими хищниками. Обработка пищи огнем сделала ее более легкоусвояемой: меньше сил организма тратилось на переработку пищи, человек становился более подвижным и выносливым.

Говорить о древнейшей истории Алтая можно после открытия стоянки древнего человека около с. Фоминское, недалеко от г. Бийска, в 1911 году.

С тех пор уже открыты десятки памятников каменного века, представляющие пещерные комплексы, стоянки, мастерские. Освоение человеком территории Алтая происходит в постоянно меняющихся

климатических условиях. Периоды похолодания сменяются относительным потеплением. Изменяются очертания ландшафтов, растительный и животный мир. Именно экстремальные условия жизни вынуждают человека приспособляться, развиваться, совершенствовать свою культуру. Давно замечено учеными, что творческий потенциал человека возрастает в экстремальных ситуациях. Они нередко и становятся основой развития общества. А в райских уголках земли до сих пор остались племена, остановившиеся на первобытной стадии развития.

Имеющиеся на сегодня данные позволяют говорить о том, что заселение территории Алтая произошло после продвижения ископаемого вида человека с территории Африки около 1,5 млн. лет назад. Около 1 млн. лет назад человек заселил Восточную и Юго-Восточную Азию и около 500 тыс. лет назад достиг Алтая. Подтверждением тому служат материалы исследований Алексея Павловича Окладникова на памятнике Улалинка, находящемся на территории г. Горно-Алтайска.

Улалинская стоянка – это древнейшая в Евразии мастерская по изготовлению каменных орудий. Древние улалинцы изготавливали их из желтых кварцитовых галек и отщепов, поэтому и культура названа галечной. Набор предметов представлял собой ножи, скрёбла, режущие и рубящие орудия. Для получения заготовок использовалась огневая техника: накаливание камня на огне и резкое охлаждение (обливание водой). Использование для изготовления орудий желто-белого кварцита, распространенного в данном регионе, вместо общепотребительного кремния, позволяло раскалывать камень на более ровные и тонкие пластины. Среди археологов этот прием получил название «апельсиновые дольки».

Наряду с сохранившимися каменными орудиями древний человек использовал поделки из дерева и кости. В этот период уже древний человек создает жилища-укрытия, мастерские для обработки камня. На ряде стоянок обнаружены следы использования огня.

Примерно 300 тыс. лет назад на Алтае, в долинах рек Урсула и Ануя, появились стоянки пещерного типа. Самыми известными считаются Денисова пещера, Усть-Канская, Страшная. В этот период климат был достаточно тёплым и благоприятным. В лесах произрастало много пород деревьев. Стоянка Усть-Канская (гора Белый Бом на реке Чарыш) – это грот, сухой и обширный, длиной 17 м и шириной около 12 м. Он находится на высоте 52 м над уровнем р. Чарыш, в ее верховьях, в 14 км к востоку от с. Усть-Кан.

Знаменитый археолог С.И. Руденко определил, что по времени стоянка относится к теплой фазе, предшествовавшей последнему оледенению. Комплекс Усть-Канской пещеры относится к мустьерской культуре¹. Из орудий, помимо скребел, отмечены остроконечники и остроконечные орудия,

¹ Мустьерская археологическая культура названа по находкам в пещере Мустье на юге Франции. Соответствует среднему палеолитическому периоду развития человека, датирующемуся 100-35 тыс. лет до н.э. В это время преобладал неандертальский физический тип человека (переходный от питекантропа к современному человеку).

скребки, крупные пластины и пластинчатые отщепы. Широкое распространение получила техника обработки камня – леваллуа¹.

Пещеры могли быть как высоко в горах, так и недалеко от их подножия. Важнейшее открытие человека – *огонь* – позволяло изгнать из пещеры зверя и занять его место. В своих палеолитических жилищах как естественного, так и искусственного происхождения человек оставил отдельные, часто весьма разрозненные декорации в виде орудий труда, или пещерной скульптуры, или росписей.

На Алтае в 1960-80 годах археологи вели наиболее крупные исследования в палеолитических *пещерах*. Из-за того, что эти древние жилища человека были труднодоступны, в них сохранились в неприкосновенности многочисленные культурные слои (от 3 до 22), где были найдены костяные и каменные изделия. Наиболее известны такие пещерные памятники, как Усть-Канская, Денисова, Страшная, Сибирячиха (пещера им. А.П.Окладникова). Помимо орудий труда, собрана обширная коллекция костей древних животных: мамонта, шерстистого носорога, бизона, пещерной гиены и др.

Основным занятием человека была коллективная охота с копьём и дротиком. Охотились на животных нескольких видов. Горно-таёжный ландшафт предполагал ведение охоты на марала, косулю, сибирского горного козла и яка. По находкам костей становится ясным, что древние обитатели Алтая ловили птиц и мелких животных, занимались собирательством, а иногда и рыболовством.

Мустьерский период был значительным шагом в развитии материальной культуры и временем возникновения духовной культуры человека. Материалы отмеченного периода ярко представлены на стоянках Сибирячиха, Усть-Каракол, Ануй I.

Мустьерские орудия имели, как правило, дисковую или пирамидальную форму. Заготовку-пластину легко можно было превратить в нож, наконечник копья, скребло.

Природные условия жизни неандертальцев значительно отличались от современных. В результате некоторого похолодания образовались мощные ледяные покровы, занимающие огромные пространства северных и средних широт. Существовало три центра оледенения: в Скандинавии, Западной Сибири, Северо-восточной Азии и Северной Америке.

Климат ледниковой эпохи был влажным, лето прохладным, зима сравнительно тёплой². В приледниковой зоне преобладали тундровые и

¹ **Ядрище** – срединная часть камня.

² **Ледниковые периоды** – относительно длительные этапы в геологической истории Земли, в течение которых на фоне общего относительного похолодания многократно чередовались периоды резкого похолодания, сопровождающиеся интенсивным развитием материковых ледниковых покровов и относительных потеплений – межледниковий. Современное состояние климата Земли характеризуется принадлежностью к голоцену – одному из межледниковий недавно начавшемуся (≈30 млн. лет назад) кайнозойской ледниковой эры.

Голоцен (от греч. *hólos* – весь) – послеледниковая эпоха, современная геологическая эпоха, составляющая последний, не закончившийся ещё отрезок геологической истории Земли. Начало голоцена совпадает с окончанием последнего материкового оледенения на севере Европы, начавшегося ок. 10 тыс. лет тому назад. В течение голоцена суша и моря приняли современные очертания, сложились современные географические зоны, сформировались пойменные террасы рек. Почти $\frac{2}{3}$ голоцена приходится на историческое время.

лесотундровые ландшафты. Травы и кустарники служили кормом для мамонтов, шерстистых носорогов, северных оленей.

Значение ледниковых климатических условий в становлении человека очень велико. Суровые условия научили человека изготавливать одежду, совершенствовать способы добычи огня, создавать различные типы жилищ и осваивать новые территории в поисках охотничьей добычи и более благоприятных условий жизни.

Поздний палеолит¹. В последующее время, до конца позднего палеолита, человек продолжал осваивать горную систему Алтая. Свидетельством тому являются многочисленные стоянки в нижнем и среднем течении р. Катунь, в долине р. Ануй. Человек успешно адаптировался к окружающей природе, значительно усовершенствовалась техника обработки камня. В этот период преобладает параллельный пластинчатый способ заготовки орудий². Значительно расширился перечень костяных предметов. Из кости изготавливали тонкие иглы, рыболовные крючки, из оленьего рога можно было изготовить кирку; ребро мамонта при обработке могло превратиться в лопату. Из крупных костей делали дротики и гарпуны с зазубринами.

На основе тысячелетнего опыта присваивающего хозяйства человек накопил бесценные сведения по использованию растительного и животного мира. Ягоды, грибы, орехи, корни, почки, листья, кора широко применялись в пищу и в лечебных целях. Основные способы заготовки – квашение, вяление, сушение. Люди ясно представляли пути сезонных миграций животных, время появления их потомства, периоды миграции водоплавающих птиц, нерестовые периоды рыб, изготавливали искусные силки, петли, приманки.

Особое внимание заслуживает устройство жилища. В центре располагался очаг на земляном полу, обложенный плитами, или в яме. Пищу готовили на костре, на вертеле. Около стен располагались лежанки с подстилкой из прутьев, камыша, шкур. Посуда изготавливалась из коры, прутьев, цельных кусков дерева – это разной формы плетёные корзины, сумки, долблённые чаши, сита.

Важнейшим занятием было изготовление одежды. Каменными скребками со шкур соскребали верхний слой, затем квасили, дубили, коптили над очагом. Шкуры резали по размеру, прокалывали шилом и сшивали сухожилиями.

В конце древнекаменного века стали складываться древние виды искусства. Оно представлено пещерной живописью, изготовлением человеческих фигурок из кости.

Мезолит³. 12-10 тыс. лет назад вновь начинается потепление. Значительно изменяются ландшафты, исчезают крупные животные мамонтовой

¹ **Поздний Палеолит:** 35 000 – 8000 до н.э. Эпоха господства человека современного физического типа. Обозначаются первые различия между представителями рас – европеоидной (кроманьонцы), монголоидной и негроидной (гримальдийцы).

² **Пластинчатый способ заготовки орудий** – раскалывание камня на параллельные пластины для получения заготовок и последующей обработки. Данный способ значительно увеличил разнообразие изготавливаемых орудий.

³ **Мезолит** – переходный период от древнего каменного века (палеолита) к новому каменному веку (неолиту). (10-6 тыс. лет до н.э.) Для него характерны мелкие кремневые орудия. Европейские охотничьи мезолитические культуры современны пастушеским и земледельческим цивилизациям Малой Азии и Сахары.

фауны. Начинается эпоха голоцена, длящаяся и по сей день. Причину резкого потепления климата большинство исследователей связывают со столкновением Земли с каким-то небесным телом, в результате чего поднялась среднегодовая температура, началось постепенное таяние ледников. Ледник медленно отступал на север, оставляя после себя множество озёр, болот. Поднялся уровень мирового океана. От природной среды прошлого осталась только вечная мерзлота в северных широтах Земли. В озёрах в изобилии появилась рыба, водоплавающая птица.

9 тыс. лет назад сформировался климат современного вида. Перед человеком открылись новые пространства, ранее занимаемые ледниками. Важным объектом охоты становится птица, прежде всего водоплавающая (гуси, утки). Рыба окончательно становится важнейшей частью рациона мезолитического человека. В этих новых условиях исторически необходимым стало изобретение новых орудий индивидуальной охоты. Важнейшим изобретением в мезолите стал лук и стрелы. Эти предметы за всю историю использования значительно совершенствовались и применялись до эпохи пороховых ружей.

Значительное увеличение водоёмов изменило специализацию мезолитических охотников и направило на совершенствование рыболовных приёмов. Появляются гарпуны, на костяной основе применяемые как для ловли крупной рыбы, так и для охоты на морского зверя на севере (тюленя и котика). Появляются рыболовные крючки и сети. Важным транспортом становится лодка, выдолбленная из бревна.

К мезолиту на Алтае отнесены памятники: Усть-Сема, Манжерок 2, Тыткескень. Все памятники объединяются в устьсеминскую культуру.

Неолит¹. В неолите совершенствуются старые способы обработки камня, развивается вкладышевая техника, в основе которой было изготовление специальных пластин-вкладышей. Эти вкладыши крепились к костяной или деревянной основе. Появляются новые способы обработки камня: пиление, сверление, полирование, шлифование. Неолитические материалы представлены на стоянках Усть-Курум, Эдиган -V, Тыткескень и других.

Исключительно важным изобретением в неолите стала глиняная посуда. Это позволило человеку варить пищу. Сосуды были в форме срезанного куриного яйца. Изготовление глиняной посуды заключалось в обмазывании с двух сторон деревянного каркаса из прутьев. На сосудах стали наносить специальный орнамент, который представлял собой особую знаковую систему, связанную с мировоззрением древнего человека.

В неолите научились получать и первые ткани. Волокно изготавливалось из крапивы, конопли и шерсти. О развитии ткачества свидетельствуют находки пряслиц, которые надевались на веретено и помогали ему вращаться. В это же

¹ **Неолит** – Новый каменный век. Последний период каменного века, за которым следует эпоха металла. Достигается высокое совершенство в обработке каменных орудий, которые теперь полируются. В этот период произошла первая техническая революция: практикуется скотоводство и земледелие, ткачество и гончарное производство. Оседлый образ жизни приводит к созданию первых городов и государств. Начало этого периода датируется на Ближнем Востоке – VII тыс. л. до н.э., в Западной Европе – IV тыс. л. до н.э., в Америке – III тыс. л. до н.э., в Китае – II тыс. л. до н.э., на Алтае – IV тыс. л. до н.э.

время был изобретён примитивный ткацкий станок. Получаемые ткани были очень грубыми и похожими на холст и мешковину.

В науке при характеристике неолита принято использовать термин «неолитическая революция производящего хозяйства». Действительно, в неолите состоялся переход от присваивающего к производящему хозяйству. Некоторые элементы присваивающего хозяйства человек использует до сих пор, по сути, сохраняя первобытную основу. Примером может служить сохранившееся на Алтае отношение к водным источникам, лесу: сбор грибов и ягод, лекарственных растений. Накопленный тысячелетиями опыт присваивающего хозяйства создал представление о питательной ценности разных видов пищи, витаминных качествах растений. Древний человек действовал, прежде всего, с точки зрения разумности, эффективности.

Переход к производящему хозяйству был закономерен. Старые способы добычи пропитания уже не могли обеспечить человеческий коллектив, поскольку на этот период приходится прирост населения, связанный с освоением эффективных способов добычи пропитания, умением согреться тёплой одеждой и поддержать огонь в холодный период. Снижается смертность, особенно в детском возрасте.

Результатом неолитической революции явилось то, что в эпоху позднего камня и далее в эпоху бронзы на всей территории Евразии, и в том числе на Алтае, складывается пояс земледельческих культур. Основой их хозяйства было мотыжное земледелие, домашнее скотоводство. Особенностью оседлого земледельческого принципа было постоянное проживание на одной территории, строительство глинобитных домов. Система жилищ в посёлке формировалась по кругу. Сам дом делился на два-три помещения. В центре посёлка располагались загоны для скота. Поселения, как правило, располагались на низких берегах рек у широких пойм, на мысу, реже у озер, но и здесь они устраивались на пониженных участках, у мест впадения ручьев или степных речек, где для скота богатое разнотравье, а почва удобна для мотыжного земледелия. Поселения обычно состояли из 6-10, а большие из 20-50 жилищ, размещенных в один или два ряда вдоль берега. Жилища подразделяются на полуземлянки и наземные сооружения. Среди полуземлянок можно выделить три основных типа – прямоугольные, овальные и восьмеркообразные, с коридорными выходами. Вдоль стен вертикально вкапывали столбы, их обшивали толстыми плахами или плетнем, затем обмазывали глиной, подсыпали золой и обкладывали дерновыми пластами. Площадь жилища колебалась от 100 до 300-400 кв. м, камнем облицовывали внутри стены, сооружали внутренние перегородки. В наземных жилищах стены складывали из бревен, образовывавших примитивные срубы. Жилище позднего периода эпохи бронзы небольших размеров, почти квадратное, наземного типа, в основе каркасное, в форме пирамиды с четырехскатной крышей. Стены образованы приставленными, а не вкопанными бревнами, они легко возводились и разбирались.

Афанасьевская культура. Наиболее ранние земледельческие орудия на территории Горного Алтая обнаружены в памятниках афанасьевской культуры

(IV – нач. II тыс. до н.э.). Это южносибирская культура бронзового века, созданная европеоидными земледельческо-скотоводческими племенами индоевропейцев. Название культуры получило от Афанасьевской горы (близ р. Батенья в Красноярском крае), где в 1920 году был исследован первый могильник этой эпохи. Помимо территории Алтая, афанасьевская культура была распространена на территориях восточного Казахстана, Монголии и Синьцзяна (район Китая). Особенности культуры указывают на родство носителей афанасьевской культуры с южноуральским регионом андроновской культуры.

Памятники афанасьевской культуры на Алтае: Чендек, Маргала, Мараловодка, Карагай, Балыктыюль, Ело, Ело-Баши, Нижний Тюмечин, Семисарт, Первый Межелик, Кара-Коба, Большой Толгоек и другие. Всего в пределах Республики Алтай и Алтайского края известно более 60 памятников этой культуры. Впервые же раскопки афанасьевских памятников были произведены в 1856 году академиком Ф.В. Радловым у с. Онгудай – это были курганы, окруженные вертикально установленными каменными плитами. Данный вид объектов называется «кромлех». В них обычно имеются овальные или прямоугольные ямы с перекрытием. В ямах погребенные лежат на спине или боку с подогнутыми ногами, напоминая позу зародыша человека. Так же, как природа, умирая осенью, воскресает каждую весну, человек осмысливал ритмы собственной жизни. Смерть им воспринималась как переход в иной мир, в котором он рождается, уходя из этого. Из предметов инвентаря встречаются керамические сосуды остродонной, круглодонной или плоскодонной форм, курильницы-вазы, орудия труда и украшения.

Чем же примечательны «афанасьевцы»? Находки костяных земледельческих орудий, каменных зернотерок¹, остатков растительной пищи на стенках керамических сосудов на поселениях подтверждают, что они были земледельцами; находки костей крупного и мелкого рогатого скота, одомашненной птицы и свиней свидетельствуют о развитии животноводства. Керамические сосуды украшены орнаментом, имитирующим плетеные и вязаные вещи. Найдены многочисленные украшения, и чем древнее памятник, тем более разнообразные и причудливые формы они имеют: ожерелья из просверленных камушков, ракушек, чешуи осетра, резцов лисицы, сурка, когтей медведя и даже фаланг пальцев человеческого скелета, проволочные серьги и кольца. Спиральные сережки носили и мужчины, и женщины, но не парно, а лишь в одном ухе. Находки разнообразных металлических украшений, среди которых известны изделия из метеоритного железа, подтверждают, что их создатели были древнейшими металлургами и рудознатцами Горного Алтая. «Афанасьевцы» отличались высоким ростом и статным телосложением.

Но самым загадочным является тот факт, что афанасьевские племена представляли собой островок европеоидного населения, в то время как все их соседи были монголоидами. Они отличались от своих соседей и предшественников в Горном Алтае. Среди ученых бытует мнение, что

¹ Зернотерки – специальное приспособление из двух плоских камней для перетирания зерна в муку.

«афанасьевцы» пришли в Сибирь с территории Волжско-Уральского междуречья, следуя древнейшему пути переселения народов, ставшему впоследствии частью Великого Шелкового торгового пути. Другая теория гласит, что «афанасьевцы» были выходцами с Иранского нагорья, откуда они продвигались на север – в Среднюю Азию, затем в район южного Урала (местонахождение известного городища Аркаим¹), после чего разделились на два потока, один из которых ушел на восток - это «афанасьевцы», а другой на запад – это «ямники».

Третья точка зрения на происхождение культуры первых металлургов Алтая основана на результатах раскопок неолитических памятников в Туве, где была обнаружена керамика, очень похожая на афанасьевскую. В настоящее время археологи прослеживают прямую преемственность в традициях обработки камня неолитических племен Тувы, Монголии и носителей афанасьевской культуры. Упомянутая территория в V – нач. IV тыс. до н.э. была восточной границей расселения древней европеоидной расы, она, предположительно, и стала центром формирования афанасьевской культуры. Впоследствии «афанасьевцы» мигрировали на север – в Горный Алтай и на берега Енисея.

Каракольская культура. В 1985 году В.Д. Кубаревым на Алтае (в Онгудайском районе) была открыта новая археологическая культура, получившая название «каракольская». Она датируется концом III – началом II тыс. до н.э. и представлена наскальными рисунками и курганами с кольцевой оградой, а также несколькими захоронениями в каменных ящиках и грунтовых могильных ямах, перекрытых массивными каменными плитами. Некоторые исследователи относят к данной культуре плиты с рисунками и округлыми углублениями – лунками. Основной особенностью данной культуры являются полихромные (разноцветные) рисунки: на плитах каменных ящичков красной, черной и белой краской нанесены изображения человекоподобных существ в масках с короной из перьев или с рогами, с украшениями на костюме и руках.

В пределах села Каракол археологи раскопали серию каменных склепов, на стенках которых имеются многочисленные изображения загадочных существ. Солнцеголовые и звериноголовые антропоморфные мифические персонажи смотрят на зрителя с каменных плит, скрывая в себе тайну непонятого мировоззрения древних. Погребения находились в каменных ящиках, устроенных в ямах. Похороненные лежали вытянуто на спине или на правом боку со слегка согнутыми ногами головой на запад или восток.

Каракольские фантастические существа сочетают в себе черты человека и животного – бычьи рога, звериные когти, морды, удивительно похожие на заячьи, «трехпалые» конечности, верхние и нижние. Такое сочетание

¹ **Аркаим** – укрепленное поселение эпохи бронзы. Расположено в южно-уральской степи, в Челябинской области. Открыто в 1987 году группой челябинских учёных под руководством Геннадия Здановича. В ходе работ было вскрыто около 8000 кв. м. площади поселения (примерно половина), вторая часть была исследована с помощью археомагнитных методов. Тем самым была полностью установлена планировка памятника, представляющего собой поселение городского типа в виде единого ритуально-хозяйственного комплекса. Памятник датируется рубежом 3-го – 2-го тысячелетий до н. э. либо началом 2-го тысячелетия до н. э.

становится понятным, если допустить, что все каракольские фигуры изображены в ритуальных масках и костюмах.

Еще одна интересная особенность каракольских изображений – сочетание в одной фигуре нескольких проекций (например, лицо и туловище – анфас, ноги – в профиль). Этот яркий стилистический прием делает похожими каракольские рисунки на древнеегипетское искусство.

Что касается смыслов сюжетов, изображенных на плитах каракольских гробниц, то они могут допускать самые различные истолкования. Ясно одно: перед нами явно мифологические сцены, связанные с представлениями древних людей об устройстве мира. Быть может, это изображения божеств, призванные помочь умершему в переходе из мира живых в мир мертвых, или, как утверждает В.Д. Кубарев, борьба между светлыми и темными духами.

Между тем, самым неожиданным открытием в данной истории является восстановление подлинного смысла названия местности – Каракол. Ранее было непонятно, почему местность так называлась. Ведь «кара кӧл» по-алтайски означает «черное озеро», т.е. озеро, питающееся подземными водами. Но в долине реки Каракол таких нет. Когда же были открыты рисунки на каракольских саркофагах, то все встало на свои места. Оказалось, что первоначальное выражение, от которого возникло название Каракол, было «кӧол» – рука. Именно черноруких фантастических существ скрывала тайна каракольских курганов. Видимо, пять тысяч лет назад на этой земле разыгрывались шаманские мистерии, изображавшие солнцеголовых божеств с черными руками-крыльями. Давным-давно забыли об этих обрядах жители Каракольской долины, а ее имя сохранялось долгие тысячи лет. И в этом тоже проявляется экологичность сознания коренных жителей: трепетное отношение к традициям и древним знаниям.

К эпохе поздней бронзы (III – нач. I тыс. до н.э.) можно отнести расцвет звериного стиля в декоративно-прикладном искусстве Горного Алтая. В этот период стилизованные изображения животных появляются одновременно в наскальных рисунках, торевтике (изделиях из металла), резьбе по кости, камню и дереву. Культ зверя, который в наскальном искусстве Горного Алтая выразился в преобладании таких сюжетов, как горный козел, баран, олень, несомненно, связан и с культом плодородия, и с космогоническими представлениями (миф о небесной погоне, звере-прародителе).

Исключительно богаты и разнообразны петроглифы памятников Калбак-Таш Онгудайского и Елангаш Кош-Агачского районов Республики Алтай. Наиболее ранние наскальные изображения этих памятников относятся к эпохе неолита (более IV тыс. лет до н.э.), в то время как позднейшие рисунки датируются эпохой средневековья. Таким образом, разница между ранними и поздними петроглифами составляет не менее 3 тыс. лет. Среди древнейших наскальных рисунков Горного Алтая, имеющих возраст около 5 тыс. лет – петроглифы в бассейне р. Аргут и в районе с. Кучерла.

Среди древнейших сюжетов можно назвать изображение женщины, держащей в поводу крупное животное, фигуры мужчин-охотников в грибовидных шляпах, изображения колесниц, вьючных быков. Древнейшие

рисунки животных часто контурные, полностью прорисованной (выбитой) может быть голова, туловище же «пустое». Эта особенность отсылает нас к сказкам сибирских народов: современные охотники-ханты рассказывают о духах - хозяевах тайги, которые являются людям в виде гигантских человеческих фигур или животных, сквозь сияющие очертания которых можно видеть лес, и горы, и все, что есть в том месте.

2.2. Сокровища пазырыкцев

2.2.1. Открытия и находки

В IX-III веках до н.э. на Алтае завершился переход народов, его населяющих, к новому хозяйственному типу – полукочевому скотоводству, сложились новые социально-экономические, политические и идеологические отношения, определившие дальнейший ход культурно-исторического развития. Военные походы, наемничество, контроль важнейших торговых путей, межплеменные браки, богатые пастбища и рудники и многие другие факторы способствовали становлению государственности кочевников Алтая.

В мировой истории этот период получил название «осевое время» – время становления высокоразвитых рабовладельческих государств: Древней Греции, Китая, Индии, Персии и других. Именно в это время творили мировую историю в персидские цари Кир и Дарий, в Греции стратег Перикл и царь Александр Македонский; а мировую культуру - греческий поэт Гомер, Библейские Пророки, философы: Будда в Индии, Лао Цзы в Китае, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель в Греции. В это же время в степной полосе Евразии, от Босфора до Байкала, сложилось своеобразное «скифо-сакское» культурное единство. Греки их называли скифами, персы – саками, древнекитайские летописи называли эти племена – юэчжи. А отец истории, греческий ученый Геродот, пользуясь различными источниками, называл эти племена «стерегущие золото грифы». Геродот значительную часть своей «Истории» посвятил скифам, сообщив ценнейшие сведения об их образе жизни, нравах, общественном строе, религии. Скифы имели частые взаимоотношения с греками, Мидией, Парфией, Персией, о чем поведали Ктесий и другие античные авторы. «Из сообщения Аристея Проконесского, на свидетельство которого ссылается Геродот, мы узнаем, что к северу от исседонов жили легендарные «одноглазые люди, аримаспы, над аримаспами стерегущие золото грифы, а еще выше гипербореи, простирающиеся до моря...»¹

Опираясь на свидетельства Геродота, С.И. Руденко заключил, что «скифы, савроматы, саки, а также, вероятно, массагеты и юечжи говорили на диалектах североиранской языковой группы, различающихся между собой», и имели ярко выраженный европеоидный тип с гладкими или слегка волнистыми волосами на голове. Гиппократ писал: «Фигуры их толсты, мясisty, не членораздельны, слабы, вялы. При своей широкой безбородой наружности

¹ Геродот, история в девяти книгах, IV 23-24 / Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л.: Академия наук СССР, 1952. – С. 18.

скифы все на одно лицо... Народ скифский от холода русый, так как солнце его не печет. Белое тело обжигается морозом и краснеет» [Руденко, 1960].

Первые свидетельства о существовании скифской культуры в европейской науке Нового времени появляются в середине XVII в., когда в верховьях сибирских рек появились первые ватаги «бугровщиков». Занимаясь грабежом древних курганов, они при этом разносили слухи о богатых находках в буграх, давая им говорящие сами за себя имена: «Золотарь», «Золотуха», «Пудовик». Только в одном кургане, находившемся на левом берегу реки Алей, впадающей в Иртыш, бугровщики нашли до 60 фунтов (около 24 килограммов) золота в изделиях, среди которых находились «конный истукан» и какие-то золотые «зверьки».

Посетивший Алтай в начале 70-х годов 18 века ученый-путешественник Петр Симон Паллас писал об одном из таких курганов: «На дороге я видел еще существующий... великий курган, сделанный на самой высокой во всей оной стране сопке, и за довольно число лет... 150 мужиков с великим трудом его разрывали, но сей труд был не напрасен, ибо по общей молве, оные кладоискатели нашли в одном кургане не менее пуда и десяти фунтов золота и между собой разделили. Сея ради причины оный холм проименован «Золотарский бугор» [Клюкин]. Позднее профессор Г. Шуровский высказал предположение, что по имени этого легендарного кургана получили название Золотушинские горы, рудник и впадающая в Алей выше с. Локоть речка Золотушка.

Бугровщики нанесли непоправимый урон исторической науке, уничтожив колоссальное количество скифских древностей, переплавляя золотые и серебряные изделия в слитки для продажи. Однако позже все ученые-путешественники отмечали, что именно «кладоискателям-бугровщикам» они обязаны многими сведениями о курганах, их внутреннем устройстве и их первичной классификации.

При царском дворе постепенно собирается знаменитая золотая «Сибирская коллекция Петра I», указы которого 1719 и 1721 годов, а также специальное распоряжение сибирского губернатора в 1727 году поставили памятники древности под охрану государства. Так, 13 февраля 1719 года Петр I публикует указ, который предписывал: «Также если кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенными; также какие старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно – також бы приносили, за что будет довольная дача» [Указ, 1719].

В целях поощрения археологических поисков Петр I отдает особое распоряжение о вознаграждении за археологические находки: «Когда кто принесет какой монструм или урода челоувечья, тому, дав деньги по указу, отпускать не мешкав, отнюдь не спрашивая: чье, под потеряннем чина и жестокого штрафа. А буде животное какое, или вещь какая, то записывать: чье, а денег не давать прежде, пока то отослано будет в указное место, и оттоль

получить отповедь, сколько дать. И тогда немедленно дать деньги, которые давать из наличных денег, какие в ту пору найдутся, из каких-нибудь положенных доходов, считая на кабинетной счет, которым выданы будут, вместо их, из соляных денег. Места, куда оные монстра отсылать, две аптеки, Московская и Петербургская» [там же].

Особое внимание он уделяет древностям Сибири. 15 февраля 1721 года был издан указ, в котором говорилось: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому где подлежит, настоящее ценю и, *не переплавливая* (курсив наш – И.Ж.), присылать в Берг и Мануфактур-Коллегию, а в оной, потому же не переплавливая, об оных докладывать его величеству» [там же]. Обращалось уже в то время внимание на фиксацию находок в земле. «Один гроб с костями принести не трогая. Где найдутца такие, всему делать чертежи» [там же].

На протяжении XVIII-XIX веков путешественники и ученые, посещавшие Алтай, писали о грандиозных каменных насыпях, о каменных кольцах и оградках, таящих в себе неизвестные страницы истории древних народов (об это см. выше, в разделе 1.2.). Со 2-й половины XIX века начинаются раскопки этих курганов археологами.

Первые научные раскопки скифских курганов на Алтае произвел в 1865 году известный ученый – археолог, этнограф, тюрколог В.В. Радлов (преподаватель немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище). При раскопках Катандинского кургана он впервые обнаружил подкурганную мерзлоту, обусловившую сохранность предметов, выполненных из органических материалов (таких, как меховые одежды, шелковые ткани и многочисленные предметы, изготовленные из дерева, кожи, войлока и т.д.). Несмотря на несовершенство методики раскопок, материалы В.В. Радлова до сих пор представляют большой интерес для науки.

А.В. Адрианов в 1911 году в Западном Алтае раскопал 14 курганов в пяти местонахождениях. Наиболее примечателен клад золотых и бронзовых предметов, обнаруженных под одним из камней большого «кольца» в Майэмире. Именно майэмирские находки позже станут маркирующими определение раннескифских захоронений.

Сибирские археологи-любители Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, А.В. Адрианов, хотя и не смогли определить хронологию и культурную принадлежность памятников, но заинтересовали своими исследованиями ведущие Археологические общества России, а затем и археологов-профессионалов.

Но подлинным открытием скифской культуры на Алтае стала находка в 1924 году Сергеем Ивановичем Руденко группы курганов в **урочище Пазырык** и раскопки 1927 года, давшие миру богатейшие сведения о культуре скифов, проживавших на Алтае, и получившая название пазырыкской. Главным чудом этого открытия было наличие под насыпью кургана линзы изо льда, которая позволила сохранить на две с половиной тысячи лет предметы органического происхождения: изделия из дерева, кожи, войлока, тканей. В обычных условиях они очень быстро распадаются в земле. Очень хорошо также сохранились

мумии великих воинов и жрецов, захороненных в этих, поистине, царских усыпальницах. На их телах обнаружены удивительной красоты и загадочности рисунки – татуировки, скорее всего, обозначавшие их высокий общественный статус или священные знаки их народа.

2.2.2. Мир жизни и смерти «стерегущих золото»

Центральная часть Горного Алтая самой природой была предназначена для занятий как скотоводством, так и земледелием. Путешественники, которые посещали это место, описывали его как райское место для скотоводов: «Невысокие травы Алтайских гор, должно быть, здоровый корм для лошадей и рогатого скота, а в скалистых районах находят себе прекрасные пастбища овцы и козы... Есть еще одно большое преимущество для скотоводства: на всем Алтае не водятся вредных для скота насекомых, а горные пастбища зимой свободны от снежного покрова...» – это наблюдения Фридриха Вильгельма Радлова, одного из первых исследователей скифских курганов на Алтае [Радлов, 1989, с. 144-145].

Алтай всегда был своего рода убежищем людям, прошедшим довольно долгий и трудный путь. Пазырыкская культура – тому подтверждение. Ирано-самодийские кочевые племена, пришедшие на Алтай, плененные его красотами и радушием природы, стали постепенно превращаться в земледельцев, желая закрепить за собой благодатные земли. Можно утверждать, что пазырыкцы никогда не были кочевниками в полном смысле этого слова. Ф.В. Радлов еще в прошлом веке, наблюдая жизнь алтайцев, отмечал эту особенность их хозяйственного уклада, связанную с природными условиями: «На Алтае нет подлинного кочевания, Алтай повсюду так богат травами, что даже крупные стада перемещаются на очень небольшом участке. Люди победнее круглый год остаются на том же месте.» [Радлов 1989, с. 152-153]. Сходный образ жизни пазырыкцев способствовал ведению *ограниченного земледельческого хозяйства* в Центральном и Северном Алтае. Ф.В. Радлов, описывая хозяйственные занятия современных ему алтайцев, отмечал, что «женщины по преимуществу обрабатывают мотыгой и засевают ячменем небольшие – всего в несколько квадратных саженей – пашни, обнесенные изгородью» [Радлов 1989, с. 152]. Практически за две с лишним тысячи лет способ хозяйствования жителей Алтая не изменился. А в погребениях могильника Уландрык В.Д. Кубарев обнаружил две лепешки из протертых зерен дикорастущего волоснеца [Кубарев, 1987, с. 137]. Другим свидетельством того, что пазырыкцы употребляли в пищу злаки, являются находимые в насыпях пазырыкских курганов каменные зернотерки и даже жернова. Применение ручных мельниц древними жителями Сибири доказывает, что «...земледелие достигло такого уровня производительности, что при переработке его продукта недостаточной стала древняя зернотерка» [Жызласов, 1985, с. 68]. Так, тагарцы стали применять ручную вращающуюся мельницу, которая, как это доказано экспериментально, в двенадцать раз производительнее хорошей зернотерки. Следовательно, если исходить из технической характеристики этого орудия

труда, то у пазырыкцев могло существовать земледелие в уже довольно развитом виде, что может быть подтверждено находкой хранилища зерна в культурном слое эпохи раннего железа в Денисовой пещере, как, впрочем, и другими многочисленными свидетельствами наличия земледелия у пазырыкцев.

Одним из важнейших факторов, способствовавших закреплению скифских поселений в Центральном и Южном Алтае, является наличие залежей полиметаллических руд. Скифы добывали железо, золото, серебро, олово. Собственно, с возникновения культуры скифов начинается очередной исторический период, получивший название **«железный век»**.

Пазырыкцы имели достаточно развитую государственную систему. Правитель, вероятно, также был и верховным жрецом. Поклонялись скифы огню и Солнцу. Обо всем этом можно судить по тем предметам, которые были найдены археологами.

Раскопки скифских курганов позволяют судить и об устройстве жилищ пазырыкцев. «Дом» умершего – листовничный сруб, встроенный в могильную яму под насыпью кургана, – по своему устройству и расположению предметов повторял устройство его дома при жизни. Обычно это были прямоугольные дома, а также восьмиугольные или шестиугольные бревенчатые постройки с конической крышей и дымовым отверстием. Такие сооружения по сей день являются неотъемлемой частью жилых построек в алтайских селах – многоугольные (6, 8 углов) срубные аилы. Пазырыкцы владели профессиональными навыками для постройки деревянных жилищ: деревянный бревенчатый сруб делался так же, как и сейчас – «в лапу», пол из двусторонне отесанных плах, промазка венцов сруба жидкой глиной, покрытие пола и стен войлоком. Находка новосибирскими археологами в 1990 году бревен от разобранного многоугольного жилища или заготовок для него в кургане могильника Ак-Алаха на плато Укок в Кош-Агачском районе позволила автору раскопок Н.В. Полосьмак подтвердить вывод о том, что традиция возведения бревенчатых построек на Алтае имеет «древнюю и, вероятно, непрерывную историю» [Полосьмак, 1994, с. 3-10].

Исключительная ценность курганов пазырыкского типа определяется тем, что под насыпями, расположенными на большой высоте (около 1600 м над уровнем моря), образовалась линза вечной мерзлоты, сохранившая не только предметы из органических материалов, от которых в обычных условиях не остается и следа, но и в больших курганах – трупы коней, а в саркофагах из листовничницы – мумии людей, погребенных в I тысячелетии до нашей эры.

Рядом с курганами пазырыкской культуры расположены поминальные выкладки. Они, как правило, представляют собой восьмикаменные кольца или небольшие округлые курганчики, сложенные из камня с западной стороны от курганов. Каждый курган сопровождают две или даже три выкладки, которые в целом создают ряды, параллельные основной цепочке каменных насыпей могильника. Особой грандиозностью отличается Башадарский комплекс в Каракольской долине Онгудайского района, где кольцевые выкладки расположены не параллельной курганам цепочкой, а как бы охватывают

колоссальной дугой, состоящей из более чем ста колец, девять царских курганов и около пятидесяти малых и средних курганов. По мнению археологов, здесь производились заключительные действия, совмещавшие обряды кормления и проводы души умершего, по содержанию близкие похоронным обрядам алтайского народа, унаследовавшего многие культурные реалии пазырыкцев.

Захоронение лошадей в одной могиле с человеком – одна из важнейших особенностей пазырыкской культуры. Так же, как и сейчас, кочевник не мыслил себя без лошади. Конь – это его второе «Я». Поэтому в любом пазырыкском захоронении в северной стороне находятся погребения коней. Пазырыкцы имели высокопородистых рослых скакунов. Лошади, захороненные в курганах знати, как правило, крупнее лошадей в рядовых курганах. В основном преобладали лошади рыжей, золотистой, реже гнедой мастей. В посмертном существовании скифов лошадь играла еще роль проводника в мир иной. [Тишкин, Леонова, с. 370] Количество погребенных коней в курганах разнится от 5 до 22, но каждый из них имел свое индивидуальное снаряжение и большое разнообразие деревянных украшений, нередко покрытых золотой фольгой: круглые налобные бляхи, фигурки птиц, детали сбруи, украшенные головками грифонов. Часто в захоронениях находились и седла с использованием войлочных аппликаций, изображавших фигурки тигров, грифонов, рыб и волков.

Интересна пазырыкская традиция надевать на голову коня маску и головной убор. Одна из масок имеет кожаную имитацию оленьих рогов почти в натуральную величину. Рога, изготовленные из толстой кожи, оклеены орнаментированной тонкой кожей. Концы отростков рогов украшены пучками конского волоса, окрашенного в красный цвет. Культ оленя имел очень широкое распространение во всей евразийской мифологии, так как повсеместно существовал миф об олене, похищающем солнце у Владыки подземного мира. Олень мчался по небу, неся солнце на своих рогах, но силы тьмы все-таки его настигали и отбирали солнце. Тогда он вновь спускался в подземный мир, и все повторялось сначала. Поэтому скифский конь, украшенный маской оленя, должен был разыграть космический миф: спуститься вместе с вождем, наместником солнца на земле, в подземный мир, чтобы потом вернуть его в мир живых. Вождь после смерти должен воскреснуть так же, как ежедневно воскресает солнце, и ему в этом поможет солнечный олень – «транспортное средство» светила.

Своеобразной была одежда у пазырыкцев. Мужской костюм состоял из рубахи, вытканной из полотна или шелка, штанов, сшитых из тонко выделанной кожи, и войлочного кафтана. Кожаный пояс, прошитый крученой сухожильной нитью, дополнял одежду мужчины. На таком поясе при помощи специальных портупейных ремней носилось оружие: кинжал-акинак и металлический чекан (клевец) – ударное оружие ближнего боя с деревянной рукоятью. Им наносились смертельные удары по черепу врага. Чекан имел на вооружении практически каждый пазырыкский воин.

Хотелось бы отметить особый статус женщины в обществе того периода. В парном захоронении Ак-Алаха-1, в могильнике, где были погребены в отдельных колодах-саркофагах мужчина 45-50 лет и девушка 16 лет, предметы и мужского, и женского инвентаря практически ничем не отличались. Более того, грозное оружие скифов – боевой чекан, железный нож, лук, стрелы, сопровождавшие девушку, красноречиво свидетельствовали о ее воинственности и мужественности.

Обувь состояла из войлочных чулок и мягких кожаных, без подметок, сапог с высокими голенищами, обшитыми квадратными кусочками разноцветного меха. Верхней одеждой пазырыкцев были разнообразные шубы – из овчины и меха сурка, с отделкой из меха соболя, а также особый тип шуб – «хвостатые». Короткий полушубок позволял свободно сидеть верхом на лошади, а «хвост» мог быть использован в качестве подстилки для сидения на снегу, на земле в холодное время.

Верхняя одежда женщин шилась из тонкой кожи на беличьем меху с узкими, декоративными рукавами. Носилась она со своеобразно оформленным нагрудником. Короткие чулки женщин шились из тонкого войлока. Обувь женщин была богато орнаментирована. Они носили кожаные сапожки с меховыми голенищами. Подошвы сапожек украшались кристаллами пирита и бисером. Отсюда следует, что женщины зачастую сидели на полу с поджатыми ногами.

Было распространено два основных типа головных уборов. Одни имели конусовидную форму с высоким и узким верхом и широкими полями, прикрывающими затылок и уши. Другие в виде плотно облегающей голову шапочки с лопастями. В повседневности мужчины и женщины носили обычную войлочную шапку или войлочные шлемы, с навершием в виде птичьей головы и изображениями оленей и грифонов.

Головные уборы и прически их обладателей были богато украшены. Женщины собирали волосы на макушке и темени, заплетая их в одну косу, которая заключалась в деревянный футляр - накосник. В прическу приплеталась еще и искусственная коса. Накосник одновременно служил основанием наголовника. Шпильки не только скрепляли прическу, но и являлись украшением.

Женская прическа непосредственно была связана с головным убором или наголовником, который, как выяснил М.П. Грязнов, «представлял собой шапочку с вертикально стоящим на нем стержнем высотой около полуметра, соединенные с волосами женщины». Такое довольно громоздкое сооружение в ритуальных целях носили и мужчины.

Головной убор знаменитой уюкской жрицы – это «целое сооружение, включавшее парик, деревянные в золотой фольге украшения и длинное навершие из ткани и войлока на деревянном каркасе, – описывает археолог Наталья Полосьмак, открывшая этот памятник. – Как большое черное перо, оно мягко покачивалось на голове, поблескивая при ходьбе нашитыми маленькими фигурками золотистых птичек, символизируя главный образ космогонического мифа ираноязычных народов – мировое дерево». Золотые украшения на

головном уборе, изображавшие чаще всего птиц, оленей и горных козлов, свидетельствуют о принадлежности к культу огне- или солнцепоклонников.

Свидетельством высокого уровня культуры скифского населения Горного Алтая в I тысячелетии до нашей эры являются произведения прикладного искусства – то есть те, которые использовались в повседневной жизни: домашняя утварь, посуда, костюмы, украшения, конская сбруя.

Все эти предметы были богато украшены своеобразным орнаментом в виде причудливо переплетенных тел различных животных: хищных зверей (пантеры, барса, тигра, льва, волка); копытных животных (оленья, лося, барана, козла); птиц (орла, сокола, голубя); рыб и различных «мифологических» животных (грифона, крылатого и рогатого льва и др.). Такой орнамент получил название «*скифо-сибирский звериный стиль*». Эти изображения не были просто украшениями или изображением животных как объектов охоты, что весьма актуально для кочевников.

В них содержался глубокий смысл устройства мира, который воплощался в религиозных ритуалах скифов. В так называемых «сценах терзания» хищными животными и птицами копытных животных заложен извечный смысл борьбы между силами тьмы и света, а в человеческом обществе – между кочевниками и земледельцами. Иногда тела одних животных плавно перерастают в элементы других, при этом часто создавая новые фантастические образы, обладающие мощными сверхъестественными качествами. Иногда образ зверя заменялся его символическим или схематичным изображением. Образ хищной птицы передавался большим глазом с острым загнутым клювом, копытное животное заменялось знаком его копыта, олень – ветвистым рогом и т.д.

Но, пожалуй, самым загадочным в скифском искусстве по сей день считается образ грифона. Исследователи продолжают спорить по поводу его принадлежности к солнечному или подземному религиозному культу. Многие исследователи считают, что больше этот образ близок солнечной или небесной сфере, т.к. это птица, у многих народов орел, сокол и вообще птица принадлежат солнечному культу. Тем более, грифонов скифы часто делали из золота или покрывали золотой фольгой деревянное изображение.

Но в то же время грифоны часто выступают в сценах терзания как терзатели копытных животных, особенно часто – оленей (а мы помним, что олень – это служитель Солнца). Есть еще одна точка зрения, что грифон олицетворяет космические силы Хаоса, из которого потом творится Космос.

Это очень хорошо видно на налобном конском украшении из Туектинского кургана, где два грифона в стремительном вращении образуют фигуру, подобную символу Инь-Ян. И в центре этого «спина»¹ зарождается «ядро света», той первичной субстанции, которая возникает в момент «перехода из небытия в бытие», проявления информационной «матрицы», которая лежит в основании материального мира. В этом небольшом элементе

¹ Спин – «первичное вращение». Термин Теории физического вакуума. См. Шипов Г.И. Теория физического вакуума. Новая парадигма. М., 1993.

конской упряжи проявляется космогонический смысл мироощущения пазырыкцев, актуальный и в современной картине мира: все во Вселенной вращается, от атома до галактик. В космической пустоте и тьме зарождаются звезды, несущие свет, которые потом рожают планеты. И, может быть, знаменитое налобное украшение из Пазырыкского кургана символизирует не пожирание Оленя Грифоном, а наоборот, рождение Света из Тьмы...

Вера в загробную жизнь наиболее ярко воплотилась в погребальном обряде. Умерших клали преимущественно головой на восток, ногами на запад – туда, куда заходит солнце. Хоронили в начале лета или осенью. Обычай погребения только в определенное время, скорее всего, был обусловлен затратой большого количества труда на сооружение погребального комплекса и временными затратами на осуществление процесса бальзамирования, которое сопровождалось трепанацией черепа для извлечения мозга, удалением внутренностей и мускулатуры. Их заменяли растительной массой, вводили консервирующие вещества. В некоторых случаях мускулатуру оставляли нетронутой.

Обычай бальзамирования маркирует собой определенную стадию развития общества, когда происходит сакрализация власти, становление теократии. Вероятно, в пазырыкском обществе правитель наделяется божественной властью и после смерти приобретал божественные качества: бессмертие, нетленное тело.

Иногда в одном и том же кургане одновременно хоронили и мужчину, и женщину. Так было во втором, четвертом и пятом Пазырыкских курганах, во втором Башадарском, в Катандинском. Во втором и пятом Пазырыкских курганах оба тела были положены в одном и том же саркофаге-колоде, в четвертом Пазырыкском и во втором Башадарском тела находились в отдельных саркофагах-колодах.

По сообщению Геродота, причерноморские скифы вместе с царем хоронят «одну из наложниц, предварительно задушив ее». Известно, что у азиатских «скифов» женщины занимали очень высокое положение. Об этом свидетельствуют также их одиночные захоронения в ряде больших курганов. Значит, трудно допустить, что в загробный мир их сопровождали собственные жены. Отсутствие захоронения женщин в некоторых больших курганах, по всей вероятности, можно объяснить тем, что эти вожди не имели наложниц. Тела наложниц в захоронениях также бальзамировались.

Хоронили вождей и их наложниц в парадных одеждах. Мужчины с оружием, женщины – с туалетными принадлежностями. В камерах устанавливали светильни, клали рабочие инструменты, ставили столики, блюда для еды, подушки для сиденья. Умерших снабжали пищей: сыром, мясом овец и лошадей. Глиняные и деревянные сосуды содержали, по всей видимости, напитки. По числу погребенных клали и принадлежности для курения. Наложницы, похороненные во втором Пазырыкском и во втором Башадарском курганах, были, по-видимому, и музыкантшами. С ними был положен их музыкальный инструмент типа арфы. В некоторых курганах были найдены ритуальные, односторонние роговые барабаны.

После похорон совершались очистительные обряды. Об этом обряде Геродот писал так: «Окончив погребение, скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы, с телом поступают так: после того, как они поставят три древка, наклоненные один к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту, как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... В Скифии прирастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней: брошенное курится и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого. Скифы, восхищенные подобной парильней, громко ликуют. Это служит им вместо омовения, ибо они вовсе не моют тело водою» [цит. по Руденко, 1952, с. 243].

Во всех Пазырыкских курганах были найдены связанные между собой вверху не три древка, а шесть. Число шесть, по-видимому, с тех самых пор имеет на Алтае сакральное значение: преимущественно шестиугольные жилища характерны и для современных алтайских поселений; известна также распространенная на Алтае метафора «Шестигранный Алтай»; да и само имя «Алтай» содержит в себе корень «алт», который также содержится и в числительных «шесть» и «шестьдесят», в алтайском языке звучащих, как «алты» и «алтан».

Во втором Пазырыкском кургане сохранились и другие принадлежности для курения конопли. Шестиноги там были установлены над медными сосудами прямоугольной формы, на четырех ножках и в форме скифского котла на поддоне. Оба сосуда были наполнены побывавшими в огне камнями, в них же были обнаружены семена конопли, частично обуглившиеся.

Свидетельством переходного состояния цивилизации пазырыкцев от кочевого образа жизни и типа хозяйствования к земледельческому, оседлому, является существование развитого погребального культа с традицией мумификации (сохранения тела вождя или жреца для последующей реинкарнации), а также наличие мегалитических комплексов, выполнявших роль храмово-ритуальных сооружений.

В предгорьях Алтая в долине реки Сентелек археологом П.И. Шульгой в 1993 году было обнаружено уникальное сооружение, которое он атрибутировал как поминально-астрономический комплекс. На сегодняшний день это самый западный сакральный комплекс пазырыкцев. Как определяет П.И. Шульга, «курган вождя («царя») не просто могила. Прежде всего, это своеобразный храм, построенный в соответствии с существовавшими тогда архитектурными решениями, при строгом соблюдении принятых жрецами мер длины. Храм предназначался для поклонения предкам, богам и светилам, проведения общеплеменных торжеств и обрядов. С этим связано устройство вокруг курганов коридоров из плит, колец и установка стел» [Шульга, 1995, с.107-109]. От царского кургана (диаметром 46 м. и высотой до 2 м.) в восточном направлении выстроен ряд из 22 каменных стел. Высота этих каменных столбов от 2,5 до 4,55 метра – это самые высокие стелы на Алтае и одни из самых высоких в центральной Азии. Расстояние между ними везде равно 3 метрам 20

сантиметрам, и все они стоят в одну линию. В строго определенные моменты дня и ночи тень от каждой стелы складывается в одну линию протяженностью около 80 метров. Все это дало возможность археологам реконструировать уникальный комплекс и определить его назначение как место проведения религиозных обрядов на священной площадке у царского кургана.

Еще один из интереснейших и загадочных памятников раннего железного века Алтая – это **оленные камни**. Они представляют собой скульптурные изображения со сложной изобразительной символикой. Свое название они получили от изображений «летающих» оленей с ветвистыми рогами. Оленные камни условно антропоморфны. Главные элементы символики – пояс, кольца-серьги, параллельные линии на месте лица и оленя, летящие в галопе. Нередко на них встречаются изображения оружия – чеканы, акинаки, стрелы. На Чуйском оленнем камне (728 км) даже изображен гуннский лук. Находки оленных камней с человеческими личинами единичны.

По мнению исследователей, оленные камни представляют собой, с одной стороны, схематизированный антропоморфный образ мужчины-воина, а с другой – это сложный семиотический знак, часть общей «модели мира» древних кочевых племен. Такие сооружения служили надёжно зафиксированной точкой в ритуально важном месте. Сами изваяния разделены на три пояса по вертикали и четыре грани, что отражало структуру мироздания. Вертикаль, соединяющая верх, середину и низ, а также четыре стороны света, является естественным центром и основой этой структуры – «осью мира», «мировым деревом», «мировой горой». Фигура, находящаяся в сакральном центре, обладающая организующей функцией и атрибутами воина – это военный вождь, который является социальным центром. В основе семантики этих изваяний лежит образ воина, вождя-первопредка, связанного с небом и солнцем, находящегося в сакральном центре мира, обладающего значительной мужской силой и организующего пространство, включая социальное.

Все образы и линии на оленных камнях строго отобраны и отражают бытовавшие в тот период мифологические представления [Худяков, 1987, с. 136-162; Кубарев, 1979; Савинов, 1994]. Поскольку олень считается солнечным животным, то, вероятно, оленные камни связаны с культом поклонения солнцу. Большинство каменных изваяний имеет скошенный верхний край – высокую восточную и низкую западную части. Вероятно, это связано с тем, что солнце, поднимаясь вверх, восходит на востоке и опускается вниз на западе. В большинстве случаев изваяния установлены в долинах с низкими восточными и западными, но высокими северными и южными сторонами горизонта.

Основными для оленных камней были сакрально-магическая и ритуальная функции. Они нередко являлись важным составным элементом погребальных и жертвенно-поминальных комплексов. Их основное назначение связано с идеей жертвоприношений, около них проводились соответствующие обряды. Об этом свидетельствуют округлые выкладки около них, в которых обнаружены следы кострищ, фрагменты керамики, кости животных и т. д.

ГЛАВА 3. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МИР КУЛЬТУРЫ СИБИРИ

3.1. Языки и народы Сибири

Этнический состав населения огромных сибирских просторов был весьма пестрым по составу и неравномерным по плотности. В более населенных южных областях несравнимо богаче, нежели на севере, была представлена палитра народов и культур, различных по языку, хозяйственному укладу и социальному развитию.

Тюркскими племенами была представлена самая многочисленная языковая группа, в основном обитавшая на юге Западной Сибири: на среднем Иртыше и его притоках – Ишиме и Тоболе – сибирские татары; на Алтае и в верховьях Оби и Енисея – томские, чулымские и кузнецкие татары (их потомки – шорцы, алтайцы, хакасы, телеуты); енисейские киргизы, карагасы (современные тофалары) также проживали на верхнем Енисее, а многочисленное население якутов – по рекам Лене, Вилюю, Яне.

Народы тунгусо-маньчжурской группы языков, родственной алтайской группе, были предками эвенков, эвенов, негидальцев. Ими была заселена почти вся Восточная Сибирь от Енисея до Охотского моря и от тундры до Монголии; на верхнем и среднем Амуре проживали дючеры; в низовьях Амура и Приморье – натки, гиляки (нивхи), предки нанайцев, ульчей, удэге.

Северные склоны Уральских гор и полуострова Ямал занимала большая группа самодийских родов. Они пришли с юга, оставив в верховьях Енисея малочисленные самодийские племена моторов, качинцев, эудинцев; а обосновавшись в тундре от Урала до реки Хатанги, образовали более крупные народности: ненцев, энцев, нганасан (русским современникам эти народы были известны под названием «каменской самоеди»), а на средней Оби и ее притоках – селькупов (русские звали их «остяки»). На восток от них в бассейне р. Таза сосредоточивались кочевья мангазейской «самоеди». По соседству с ними обитал самодийский род бай.

По данным новосибирских генетиков, пазырыкцы, скифская народность, строители знаменитых курганов на Алтае, также относились к ирано-самодийским племенам, которые во время великого переселения народов, теснимые гуннами, двинулись на Север, вдоль Оби. Частично смешавшись с селькупам, воинственным местным племенем, пазырыкцы выбили энцев и расселились в районе Томско-нарымского Приобья, явив миру прецедент самого северного земледелия; часть пазырыкцев, смешавшись с тюркскими племенами, участвовала в этногенезе алтайцев.

Самодийцы занимались оленеводством и охотой вплоть до XIV-XVI веков. Развитие кочевого хозяйства и военные набеги на соседей способствовали более высокому уровню общественного развития самодийцев по сравнению с соседними народами, накоплению богатства в руках отдельных родов и их старейшин. Хозяйственными ячейками самодийского общества по-прежнему оставались родовые патриархальные общины. О господствующем положении мужчин в родовых коллективах говорят старинные ненецкие сказки.

Южными соседями самодийцев на склонах Уральских гор и в лесном Приобье были угроязычные племена, составившие основу для формирования хантов (вогулов) и манси (русские также звали их остяками, как и селькупов и кетов). Русские люди до XVI века называли район расселения угорских групп и жителей его «югрой».

Название «вогулы» впервые появляется в летописях в 1136 году. Так обозначалось население, жившее в бассейнах Туры, Тавды и Конды, в Зауралье и в бассейне Камы к западу от Урала. Вогул обычно связывают со словом «вэгул», что в языке коми значит «дикий».

Монголоязычные скотоводческие племена эхиритов, булагатов, икинатов, хори-туматов, табунатов, хондогоров, впоследствии составивших этническую основу бурят, кочевали в Забайкалье, по рекам Онону и Селенге, в Прибайкалье, в верховьях Лены, а оседлые дауры – на верхнем и среднем Амуре.

Кетозычные племена (русские их называли татарами): котты, асаны, аринцы - заселяли верхний Енисей.

Самую древнюю группу автохтонных народов Сибири составляли палеоазиаты: юкагиры, проживавшие на северо-востоке от низовьев Лены до Анадыря; коряки – на севере Камчатки и побережье Берингова и Охотского морей; чукчи – на Чукотке и в низовьях Колымы; эскимосы – на побережье Чукотки; ительмены – на Камчатке; гиляки – на Амуре. Эти племена делились на «оленных» (кочевых) и «сидячих» (проживающих оседло). Палеоазиаты некогда населяли всю Сибирь, но были оттеснены в самые суровые районы северной Азии пришельцами с юга – тюрками, монголами, тунгусами и самодийцами, а с запада – финно-уграми. Несмотря на свою древность, палеоазиаты так и не вышли из состояния каменного века и пользовались каменными и костяными орудиями. Только юкагиры, общавшиеся с тунгусами и якутами, имели немного железных изделий.

Земледелие существовало в Сибири с древнейших времен, но было примитивным, играя второстепенную роль по сравнению со скотоводством и охотой, и развивалось на ограниченных территориях: на юге Западной Сибири, в предгорьях Алтая, Минусинской котловине, Прибайкалье и Приамурье. Именно эти территории и оказались очагами развития культуры Сибири, т.к. наличие земледелия является индикатором социо-культурных процессов, когда природные условия благоприятствуют культуртрегерской деятельности. В то время как суровые условия крайнего северо-востока Сибири, отнимающие все силы человека на борьбу за выживание, не позволяли ему эволюционировать не только в области материальной культуры, но и в социальных отношениях, к приходу русских на эти территории у палеоазиатов все еще сохранялись пережитки матриархата вплоть до группового брака.

На стадии разложения первобытнообщинного строя в этот же период находились ханты, манси, якуты, забайкальские «конные» тунгусы. Их общественный уклад начинает стратифицироваться: происходит выделение родовых и племенных старейшин, вождей, профессиональных воинов, формируется институт шаманства. Уже сложившееся подобное общество

русские застали у бурят, дауров и дючеров. А енисейские кыргызы и телеуты оказались на стадии разложения первобытнообщинного строя в результате утраты тех цивилизационных накоплений, которыми они обладали в период расцвета Первого и Второго тюркских каганатов (VI-VIII века).

Причины столь разных, подчас диаметрально-противоположных процессов культурогенеза Сибири коренятся, в первую очередь, в природно-климатических условиях региона, в так называемом «вмещающем ландшафте» (Л.Н. Гумилев).

3.2. Первая евразийская кочевая империя

Единственным народом Сибири, достигшим уровня цивилизации в раннем средневековье, оказались тюрки, сыгравшие значительную роль не только в историко-культурных процессах данного региона, но и всей Евразии.

Сразу же стоит договориться о терминах: в современных гуманитарных науках понятие «тюркский» является лингвистическим. Средневековые тюркоязычные народы (казахи, телеуты, уйгуры, кыргызы, чики, кыпчаки, курыкане и др.) тюрками себя не называли и не были прямыми физическими потомками древних ту-кюэ, но говорили на языках одной с тюрками группы или же заимствовали язык этой группы в ходе ассимиляции.

Колыбелью тюркской цивилизации стал Горный Алтай, расположенный на стыке Великого пояса евразийских степей и просторов Центральной Азии. Оказавшись как раз на пути движения огромных масс кочевников, Алтай сыграл роль своеобразного конденсатора евразийского культурного многообразия, сочетающего в себе элементы культур почти всего Евразийского региона. Н.К. Рерих, будучи незаурядным археологом, утверждал: «Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романеска и ранней готики» [Рерих, 1992, с. 160].

Период Средневековья, начавшийся во всей Евразии поистине тектоническим сдвигом Великого переселения народов, создавший предпосылки для возникновения новой цивилизации в Европе, на азиатском континенте приобретает специфические черты, обусловленные особыми социокультурными отношениями, в свою очередь, сформированными иными, нежели в Европе, «вмещающими ландшафтами» (Л.Н. Гумилев).

В этот период, по мысли Л.Н. Гумилева, большая часть лавины кочевников двигалась в направлении с востока на запад по Великой степи через горный кряж Алтайских гор, пересекающий на востоке Арало-Каспийскую равнину. После монотонных степных ландшафтов, после гибельных пустынь и болот Монголии Алтай воспринимался как благословенное место. Гумилев не случайно называет его «укрытием». «Склоны этих гор, – пишет он – одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей степи... По отношению к степным соседям, Алтай – крепость, «Крутой скат» (Эргене Кун), где при любых переменях вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику. Пищи там

достаточно. Для скота есть прекрасные пастбища...» [Гумилев, 1993б, с. 151]. А.М. Сагалаев также акцентирует внимание читателя на определении «укромный»: «После открытых просторов слегка волнистой равнины погружение в горные долины воспринимается как переход от пространств незащищенных к местам укромным, которые дадут человеку приют и надежную защиту. Алтай обступает, обволакивает, принимает в себя человека. Но он же требует и ответных усилий души...» [Сагалаев, 1992, с. 61].

Поэтому вполне естественно допустить, что, оказавшись в долинах Горного Алтая, кочевники не спешили покидать эти места, пока не вытеснялись «вновь прибывшими» потоками переселенцев. Таким образом, происходило тесное взаимодействие, взаимовлияние, ассимиляция культур разных племен, нередко враждовавших друг с другом. «Алтай – самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся совсем в других местах; потому так богата и разнообразна археология Алтая» [Гумилев, 1993б, с. 151].

Широкие степные просторы Срединной Азии с достаточно жесткими климатическими условиями, а также многочисленные предгорья с сочными альпийскими травами и защищенными от ветров долинами идеально подходят для занятий перегонным скотоводством и малопригодны для примитивного (не механизированного) земледелия. Следовательно, в данном регионе, во-первых, достаточно поздно возникают городские поселения земледельческого либо ремесленно-торгового типа (как правило, с приходом носителей качественно иной культуры – русских), а значит, намного позднее (по сравнению с Европой) осуществляется переход к культуре нового времени – лишь в XVII-XVIII веках; во-вторых, ранние формы кочевой цивилизации перманентно преобразовывались в феодальные государства кочевого типа – каганаты, не переживая, подобно Европе, цивилизационного разрыва, когда в степенно текущую реку времен земледельческой культуры стремительно ворвался бурный поток европейского эллинизма; и в третьих, средневековая культура данного региона приобретала собственные специфические черты, сочетая в себе элементы как кочевой, так и оседлой культуры.

Кочевая модель развития, обладавшая высокой мобильностью и свободой маневра, была залогом победы над пространством, что, в свою очередь, порождало широкий кругозор, тонкое знание природных процессов, особое мироощущение, делавшее тюрков космополитами, «господами полумира» (Л.Н. Гумилев). Постоянные перекочевки и военные походы делали этот народ адаптивным, выработали высокую восприимчивость его к иным этническим реалиям. Неблагоприятные природные, климатические или ландшафтные условия становились фактором, разогревающим пассионарные процессы этногенеза.

По большому счету, кочевники были движущей силой практически всего евразийского историко-культурного процесса, когда оказывались в условиях, отличных от устоявшихся.

Условия кочевого быта порождали своеобразную социальную структуру общества, основанную на демократических традициях, замешанных на аберрации «свой-чужой». Основная социальная единица общества – род –

играла роль цементирующего начала. В отличие от кастовой отчужденности земледельческих обществ, социальные отношения кочевников были насковзь пронизаны родственными узами, даже несмотря на различные формы экономической эксплуатации между социально неравными родовичами.

Названные факторы породили особый психологический тип представителей кочевой культуры. По утверждению Л.Н. Гумилева, «арабы и персы-сунниты ценили их «львиноподобные качества»: гордость, свободу от противоестественных пороков, отказ выполнять ручную домашнюю работу, «стремление к командным постам», что толкало их на усердие в боях и походах» [Гумилев, 1993б, с. 208].

В суровых условиях выживания кочевники осознавали неразрывную взаимосвязь с вмещающим ландшафтом, что порождало экософийное мировосприятие, когда человек не столько стремился подчинить себе среду обитания, сколько сохранять баланс между био- и социосферой.

Этнические корни коренного населения Алтая – колыбели тюрков – просматриваются в исторических пластах Великого переселения народов. С конца III века до н.э. до IV века н.э. племена Алтая находились в политической зависимости от гуннов; с конца IV и до половины VI веков они оказались в составе нового союза орд и племен, возглавлявшегося жужанями, кочевавшими у Хинганских гор.

В тот период среди кочевников Центральной Азии жужани занимали господствующее положение. Образовав государство – каганат, жужани, вероятно, монголоязычные, подчинили себе племена туюку, поселившиеся на южных склонах Монгольского Алтая. Одним из основных занятий туюку была добыча и выплавка железа, изделиями из которого они и платили дань жужанам (так, жужанский хан называл предводителя туюку своим «плавильщиком»). Судя по исследованиям археологов, добыча железа тюрками осуществлялась сыродутным способом и, по утверждению Л.Н. Гумилева, содержала до 99,45% чистого металла [Гумилев, 1993а, с. 66]. Способствовали этому и особенности алтайских руд. Древние металлурги выделяли различные месторождения, дающие руду для твердого либо, наоборот, мягкого и ковкого металла.

В подчинении у жужан также находились и племена теле, кочевавшие на территории Тувы, Алтая и Монголии, предки таких будущих крупных родо-племенных объединений, как телеуты, телесы и теленгиты. О значительном территориальном распространении клана племен теле свидетельствует большое количество гидронимов: река Теле в Монголии, в горах Алатау – река Деле, Телецкое озеро в Горном Алтае, озеро Теле-Коль в Казахстане и др.; а о политическом влиянии говорит тот факт, что после распада первого тюркского каганата в восточной части Центральной Азии по северной стороне пустыни Гоби возник каганат теле.

В результате объединения племен туюку и теле и вооружения их железным оружием и металлическими доспехами, которые производили туюку, образовалась мощная армия, оказавшаяся способной наголову разбить жужаней зимой 552 года. С уничтожением господства в центрально-азиатских степях жужаньских ханов возникла новая кочевая держава – Первый тюркский

каганат, ставший первой евразийской империей (552-604 годы н.э.). В течение трех лет тюрки завоевали господство в Центральной Азии, а в 576 году территория Тюркского каганата простиралась от Маньчжурии до Боспора и от Енисея до Амударьи. Горный Алтай являлся северной границей Тюркского каганата. Могущество же империи было таково, что спустя лишь пятнадцать лет после ее создания Византия посылает своего посла тюркскому кагану.

Для управления столь обширной империей, называемой самими тюрками «Вечный эль», необходим был развитый государственный аппарат. Верховная власть в государстве принадлежала кагану и была практически неограниченной. Правящая чета – каган и катун (госпожа) – считалась божественной по происхождению, как и подвластная ей держава – «вечной», так как порождена богами. Данный факт легитимизации мифа не только оказывал консолидирующее влияние на неустойчивые связи между племенами, входящими в империю, но также свидетельствовал о том, что государственная структура приобрела некоторые черты государства земледельческого типа. На смену военной демократии с выборной должностью правителя (вождя) и простой военной иерархией (десятник – сотник – тысячник – темник – гвардия вождя – вождь) приходит теократический режим с правителем-деспотом во главе и развитым чиновничьим аппаратом. Л.П. Потапов различает у тюрков 28 классов чиновников с целым рядом должностных лиц, осуществляющих свою власть в различных областях государства. При этом институт наследования власти приобрел промежуточные черты между военно-демократическими выборами древнего кочевого государства и прямым наследованием монархического государства – так называемая удельно-лестви́чная система, когда власть передавалась от старшего брата младшему, от дяди – племяннику. Данный принцип позволял, с одной стороны, сохранять некоторую свободу выбора, а с другой – закреплял за определенным родом правящие позиции. У тюрков, этническую основу которых составляли 10 родов (потомки десяти сыновей волчицы), правящим родом был род Ашина (см. раздел 2.3. данного издания – И.Ж). Непосредственными помощниками властителя были: тегин (наследник престола), шады (командующие армиями, обычно сыновья или братья кагана), ябгу (высшие правители правой и левой сторон государства – также члены каганской семьи и прочие близкие родственники). При этом должностные лица различного ранга являлись и удельными собственниками отведенных им пастбищ и кочевий, что также вносило элементы оседлости и стабилизировало государственные отношения.

Создание имперской кочевой суперкультуры требовало формирования определенной философско-религиозной парадигмы, которая отражала бы официальную идеологию государства и стала бы воплощением менталитета самого народа. Необходимая доктрина была выстроена на идее Вечного государства – эля - как основы, стержня Миропорядка, раз и навсегда установленного Небом-Тенгри, что, свою очередь, обуславливало небывалый всплеск национального самосознания и порождало идею тюркского превосходства и богоизбранности.

Однако «Вечный эль», создавший прецедент первой евразийской кочевой империи, несмотря на поистине грандиозные цивилизационные достижения, не смог удержать этот титул. В результате внутренних распрей и переворотов тюрки теряют свои политические позиции, и бывшие их данники карлуки и уйгуры, консолидировав свои силы, при поддержке китайского корпуса смогли разгромить империю. В 745 году Второй тюркский каганат перестал существовать.

Тюркские племена и участники событий периода Тюркского каганата, рассыпавшись по просторам Азии, вошли в состав нарождающихся новых народов: переселившись с Алтая, карлуки оказались в Семиречье и впоследствии вошли в состав узбекского и казахского народов; некоторые тюркские племена сыграли решающую роль в складывании туркменского, киргизского и якутского народов; в названиях крупных алтайских родов сохранились названия племен периода Тюркского каганата (телес, кыпчак, кыргызы, тиргеш, туба). При этом «имперский» дух тюркского суперэтноса, сформированный в период обоих каганатов, с их падением не был утерян. Он получил как бы «второе дыхание» в новых исторических условиях монголо-татарских завоеваний, когда начался интенсивный процесс этногенеза современных тюркских народов.

После разгрома Второго тюркского каганата в 745 на политическую арену выходят уйгуры, которые под предводительством весьма дальновидного кагана Моюн-чура укрепляют свои северные границы на территории Хакасско-Минусинской котловины и завоевывают Туву в 750 и 751 годах. Для этого им пришлось воевать с жившими там чиками, возглавлявшими самоуправление местных племен на территории Тувы после падения восточных тюрков – тукю. Чики в союзе со своими северными соседями – древними хакасами – стремились препятствовать захвату рудных земель бассейна Енисея. Но именно эти богатые ресурсы в дальнейшем стали причиной порабощения народов Тувы и Хакасии монголами.

3.3. Культурный космос евразийских номадов

3.3.1. Мифология и эпос древних тюрков

Культурное наследие кочевых народов средневековой Сибири и, в частности, древнетюркской этнокультурной общности содержит в себе уникальные памятники материальной и духовной культуры, к которым можно отнести героический эпос и рунические тексты эпохи каганатов, особенности быта и погребально-поминальных обрядов, памятников архитектуры и монументальной скульптуры. Все они являются великолепными источниками изучения особенностей генезиса ментальности автохтонных народов Сибири. Небывалый всплеск явлений художественной культуры номадов явился результатом пассионарного взрыва молодого суперэтноса, проявившегося на всех уровнях бытия. Но все эти явления невозможны были бы без коренной перестройки самосознания тюрков, проявившейся через кристаллизацию религиозно-философской системы, которую ученые-тюркологи определяют как

«тенгрианство». Основу этой философской парадигмы древних тюрков составляет космогоническая мифология, включающая в себя теогонию, модель мироустройства и постижение законов космического и человеческого бытия.

Уже в ранних рунических надписях, оставленных древними тюрками на реке Орхон в Монголии, упоминаются такие божества, как Тенгри (Небо), Йер-Су (Земля-Вода), Умай (покровительница домашнего очага и плодородия). Особого внимания требует **культ Тенгри** – Божественного Синего Неба. Это высшая абстрактная персонифицированная сила, несотворимая и неуничтожимая. Эта Божественная категория встречается во всех эзотерических доктринах, лежащих в основании развитых религиозных систем, таких, как древнеегипетская (Атум), древнеиндийская (Брахман), древнееврейская (Элохим), древнеславянская (Род) и т.п. Тенгри распоряжается судьбами человека, народа и государства.

Культ Тенгри, возникший ещё в дотюркскую эпоху, в почти неизменном виде фигурирует и у средневековых тюрков и монголов (Монхе-Тенгри, «Вечное Небо»). Образ единого благодетельного, всезнающего, правосудного божественного неба в наибольшей мере сохранился у хакасов и у монголов, но со временем культ Тенгри девальвируется. В позднейших преданиях название «Тенгри» иногда прилагается к верховному небесному божеству, но теперь уже персонифицированному; чаще оно обозначает бога вообще (например, в буддийских, манихейских, мусульманских текстах). Когда происходит распад первичного монотеизма на политеистические религиозные системы, термин «тенгри» закрепляется за классом небесных богов. Место же верховного бога в шаманской мифологии у тюрков и, особенно, у монголов занимают другие персонажи (Ульгень, Хормуста).

В период расцвета Тюркского каганата (VI-VIII вв.) верховными правителями трехчастной Вселенной являются:

1. Тенгри – безличное высшее небесное божество, не имеющее каких-либо иконографических признаков: ему могли камлать только «белые» шаманы – «манжак жок кам», т.е. «кам, не имеющий ритуального костюма». Жертвоприношение происходило, как правило, на вершине горы, и в жертву приносили коня бело-серой масти;

2. Антагонист Тенгри – Эрлик, бог подземного мира: ему камлали «черные» шаманы, обязательно с бубном и в культовом облачении – «манжаку кам», т.е. «кам, имеющий маньдяк». В жертву ему приносили черного коня или черного барана;

3. Йер-Су (Дьер-суб) – высшее земное божество (его имя переводится «Земля-Вода»), живущее на высоких снежных вершинах Алтая. Ему шаман вечером камлал с бубном в обычном облачении, а следующим утром, когда приносилась жертва, менял свой костюм на длиннополый халат и шапку с пришитым пучком совиных перьев и с тремя длинными, спускавшимися по спине белыми лентами. Йер-Су приносили в жертву коня рыжей масти на берегу озера или реки или у истока реки.

Таким образом, ясно видна трехчастная символика и в формировании структуры культа, и в божественной атрибутике, и в ритуальном реквизите. В

дальнейшем, в период распада Тюркского каганата, у народов, унаследовавших ему, продолжается эволюция божественной «Троицы». Рассмотрим этот процесс на примере алтайской мифологии.

Теперь это - три брата, поделившие между собой Вселенную: верховное небесное божество – демиург Ульгень, который творит словом Вселенную за 6 дней, отдыхая в 7-й день (кстати, его второе имя Уч-Курбустан – «Трижды Курбустан» – триединое небесное божество); средний брат – Дьайачы, хранитель земли и создатель человека, и младший брат – Эрлик, владыка подземного царства, антагонист и, в то же время, помощник Дьайачы.

В алтайской иконографии почти не разработан образ верховного небесного божества. Известно лишь несколько его изображений на бубне шамана и несколько петроглифов, которые изображают антропоморфное существо с солнцем вместо головы. Очень бледен и невыразителен образ Дьайачы, творящего идеально правильную по форме землю, только полезных животных, создавшего человека, но так и не сумевшего вдохнуть в него душу. Зато тщательно и эмоционально проработан портрет Эрлика – это «старик с могучим телосложением, с черными, как сажа, глазами и бровями. Раздвоенная борода его свисает до колен, длинные усы заложены за уши...». Благодаря вмешательству Эрлика в демиургический процесс Дьайачы мир приобретает свою амбивалентность: верх – низ, добро – зло, день – ночь и т.п. Именно Эрлик вдыхает жизнь в человека, разнообразит мир горами и реками с озерами и болотами, обучает людей кузнечному искусству, музыке и шаманству, фактически являясь культурным героем тюрков. Образ владыки подземного мира, в отличие от многих других мифологических систем, вызывает почти симпатию, так как он как нельзя более актуален для «черной» веры – шаманизма. Ульгень – далеко, небеса равнодушно взирают на людские судьбы, а Эрлик – всегда рядом, под ногами, именно в его руках нити жизней человеческих. Поэтому шаман в своих камланиях в основном путешествует по нижнему миру.

Одухотворение природных сил, характерное для шаманистских представлений, в период становления тюркской государственности локализуется в универсальной мифологической структуре – **трехчастной Вселенной**, где есть светлые небесные боги, демонические силы подземного мира, а также боги и духи, покровительствующие срединному миру, где обитает человек. Сама трехчастная структура Вселенной держится на Мировой Оси, в роли которой может выступать Мировой Дерево или Мировая Гора.

Бай-Терек (Золотой тополь) – это ось мира, гарант нерушимости бытия. Так, герой-антагонист в алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара», объявляя войну народу Алтая, вырывает с корнем Бай-Терек. Мировое древо алтайцев также имеет трехуровневую атрибутику: на вершине сидят две золотые кукушки, ведающие судьбы мира, на нижних ветвях – два беркута стерегут границы Алтая, а у корней – два черных пса сторожат выход из подземного мира, не давая нарушить законы бытия: духам подземного мира не место среди живых.

Характерное для шаманизма одухотворение стихий вылилось в особое почитание вод (белых – небесных, текущих с гор, и черных – бьющих из-под земли родников) и гор. Белуха – высочайшая вершина Алтая – почитается как место пребывания Алтай-ээзи – духа, хранителя Алтая: «на священной горе Ак-Сюмёр («Белая Сюмёр») – на самой высокой горе, увенчанной тремя белыми пиками». [Сагалаев, 1992, с. 62]. В эпическом сказании «Маадай-Кара» священная гора называется «Сюмер-Улом». В индийском, китайском, монгольском буддизме упоминается Меру или Сумеру - Белая Гора на севере, с которой многие исследователи ассоциируют именно Белуху. В индийском, китайском, монгольском буддизме упоминается Меру или Сумеру – Белая Гора на севере, с которой многие исследователи (как уже говорилось выше) ассоциируют именно Белуху. Так, индийский ученый Падмашри В.Р. Риши, отыскивая первоначальную родину арийцев, находит ее на Алтае. К этому выводу он пришел путем сравнения русского языка и санскрита, религии арийцев и славян, праздников индийцев и древних славян. Доктор Р.Г. Харш из Агрского университета высказывает гипотезу, что «родиной арийцев является гора Меру или Сумеру Парбата, как упоминается в некоторых Пуранах и Махабхарате..., что Меру в Пуранах – это ни что иное, как Алтайские горы в Центральной Азии..., что основное местопребывание Бога Творца, Брахмы, было на самой Меру» [Падмашри, с. 22]. Сравним у Рериха: «...Сибирь – Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов...» [Рерих, 1992, с. 291]. Он однозначно приравнивает Белуху мировой горе Сумеру.

Главным этиологическим мифом тюрков является миф об Ашине – первом тюрке, родоначальнике тюркского суперэтноса. Л.Н. Гумилев в своей монографии «Древние тюрки» приводит легендарные и исторические сведения об их происхождении: «Две последние легенды (о происхождении телесцев от волка и дочери хуннского шаньюя, а тюрков – от хуннского царевича и волчицы – И.Ж.) возникли очень давно, по-видимому, еще в период обитания этих народов на южной окраине пустыни Гоби, так как мифология в некоторой степени корректируется фактами политической истории и этногенеза... Когда в 439 году тобасцы победили хуннов., то князь «Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев» [Гумилев, 1993а, с. 221]. Текст повествует о происхождении не всего народа древних тюрков, а только их правящего клана... Легенда свидетельствует об «отрасли дома Хунну от западного края на Запад», т.е. о державе Аттилы. Эта отрасль была начисто истреблена соседями; уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей. Род размножился, и «по прошествии нескольких колен некто Асянь-ше вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана» [Гумилев, 1993б, с. 21 – 23]. Также легенда указывает на место окончательного формирования тюркского суперэтноса, которым оказались алтайские горы, не случайно ассоциирующиеся с пещерой (вспомним метафору «укромное место»). Под определением «Алтай» имеется в виду не только тот Алтай, что входит в состав

современной России, но также Монгольский и Гобийский. Еще одну легенду приводит Н.Я. Бичурин в своем труде «Собрание сведений о народах...», где указывает на то, что предки тюрков происходят «из владетельного Дома Со, обитавшего от хуннов на север», и упоминает о доблестном малолетнем сыне младшей жены тюркского правителя Ашине [Суразаков, 1994, с. 9].

Особое место в мифологических представлениях древних алтайцев занимает героический эпос, который, собственно, и является специфической формой существования мифологии кочевников. Ученые-тюркологи, его исследовавшие (Н.А. Баскаков, Л.Н. Гумилев, С.С. Суразаков и др.), сравнивая алтайские эпические сказания с орхоно-енисейскими эпитафиями, пришли к выводам, что во времена Тюркского каганата уже существовал развитый эпос со сложившимся стилем, архитектурной, набором устойчивых мифологем. Исследователи различают три типа эпических сказаний, соответствующих этапам исторического развития племен Алтая:

1. периоду патриархально-родового строя;
2. периоду военной демократии;
3. периоду развития феодальных отношений.

Каждый этап социо-культурных отношений формирует в сознании людей особую картину мира, которая отражается в специфических художественных формах.

Так, сюжеты древнего «охотничьего» эпоса отражают борьбу человека с враждебными ему стихиями, приобретающими в мифологическом сознании образы чудовищ, хтонических существ. Герой эпоса – охотник, воин. В основе сюжета лежат социальные противоречия эпохи смены матриархата патриархатом: женские персонажи нередко приобретают деструктивные черты (злостность, уродливость и т.п.), хотя в их характеристиках атавистически проступают элементы архаического культа хранительницы, защитницы, праматери. Для охотничьего эпоса характерны приемы гиперболизации и даже космоизации образов, что замещает на раннем этапе формирования номадического эпоса как мифологической системы отсутствие космогонических мифов. Наиболее известным эпическим сказанием данного периода является «Алтай-Буучай».

Второй этап формирования алтайского эпоса соответствует периоду родоплеменных объединений древних тюрков Алтая (VI-VIII века). Этот период – золотой век тюркского эпоса. Слагаются крупные, развернутые эпические произведения со сложной композицией. Героями становятся не только основные персонажи по линии отец – сын – внук (что характерно и для родового эпоса), но и побочные персонажи; повествование сближается с исторической действительностью. По структуре, композиции, проблематике, уровню развития мифологического мышления тюркский эпос второго периода можно с полным основанием сравнивать с «Иллиадой» и «Одиссеей». Помимо образа героя эпического сказания, формируется специфический тип правителя, выполняющий функцию идеологического клише, – добрый, рачительный каан, по-отечески заботящийся о благе народа. Типичными произведениями этого периода являются выдающиеся эпические полотна «Маадай-Кара», «Очы-

Бала», по образному выражению алтайского искусствоведа и философа М.Ю. Шишина, – это «Тайная доктрина» алтайцев, содержащая законченную духовно-философскую космогоническую систему, близкую тем, что даны в учениях Тибета, Китая, Индии.

Эпос третьего периода изменяет свои формы и содержание. В нем находят отражение события позднего тюркского средневековья – периода джунгарского (ойратского) господства и антифеодальной борьбы алтайских племен. Изменяются образные характеристики основных персонажей: каан становится выразителем класса угнетателей; герой-бедняк же вступает в борьбу уже не с сильными, а с богатыми претендентами на руку невесты. Классическим примером эпоса третьего периода является поэма «Когуэтэй».

В этот же исторический период зародился эпос о богатыре Ойроте, вестнике Белого Бурхана, который в начале XX века вылился в религиозно-политическое движение, получившее название «бурханизм», попытавшийся противопоставить все еще сильным шаманистским верованиям и ритуалам некое подобие монотеистического культа. В нем нашли отражение как типичные черты тюркского героического эпоса, так и буддийские влияния, пришедшие на алтайские земли из Монголии (Белый Бурхан – Белый Бог, Белый Будда, в противовес шаманским черным богам).

В 1897 году был установлен факт существования у южных алтайцев рода ойрат. Л.Н. Гумилев в своих трудах говорит о могущественном еще в XVIII веке племенном союзе ойратов, которые сдерживали китайскую агрессию на север, как раньше это происходило благодаря хуннам, тюркам и уйгурам. Ойраты – это самая воинственная часть монголов, поселившихся в Джунгарии, в начале XIV века, в результате разделения монголов на восточных и западных, и вплоть до 1758 года, когда маньчжуро-китайские войска династии Цинь истребили этот этнос. В системе алтайских космогонических мифов упоминается «Ойрот-книга». Именно в этом мифологическом сюжете исследователи отмечают значительное количество монгольских терминов, а также сюжетных параллелей и содержательных связей с постулатами буддизма, проникшего на Алтай из Монголии. О культурной значимости мифологического персонажа по имени Ойрот говорит тот факт, что долгое время земли, где проживали коренные алтайские племена, назывались Ойротия, а административный центр Горно-Алтайской автономной области до середины XX века носил имя Ойрот-Тура.

Произведения эпической поэзии кочевников нельзя рассматривать отдельно от традиций музыкального творчества. Они представляли собой синкретичный комплекс словесно-музыкального искусства. Специфика творчества алтайских сказителей – кайчи – заключалась в особенностях их пения – кая, исполнявшегося низким гортанным голосом, в речитативной манере, в сопровождении двухструнного музыкального инструмента – топшуура, имеющего некоторое сходство с балалайкой: того же квартового строя, но менее звучного, т.к. струны его сделаны не из металла, а из конского волоса.

Кайчи обладали феноменальной памятью, удерживавшей тысячи строф. Во время праздников устраивались песенные состязания, где, подобно европейским бардам и миннезингерам, кайчи состязались не только в своем песенном мастерстве, но и в искусстве импровизации, причем происходящей в форме полилога, где каждый вступающий в состязание должен поразить слушателей остроумием, метафоричностью, умением ответить сопернику и поставить его в затруднительное положение собственным поэтическим посылом.

Процесс исполнения кая наполнялся глубоким мистическим смыслом. Считалось, что эпическое сказание имеет своего духа, и если кайчи пропустит отрывок, какой-нибудь мотив или перепутает имена героев, то тогда появится дух сказания или дух богатыря – главного героя эпоса – и накажет сказителя. Классические сказания исполнялись в исключительных случаях, при большом скоплении народа: на свадьбах, при проходах на войну, по случаю смерти выдающихся людей, а также с целью исцеления больных (во время шаманского ритуала).

В религиозной практике шаманы (по-тюркски – камы) использовали для своих камланий бубны. Их можно назвать музыкальными инструментами с некоторой долей условности, т.к. они являются сугубо культовой принадлежностью. Но в 30-е годы XX века была осуществлена попытка включения шаманского бубна в ансамбль алтайских музыкальных инструментов, и весьма удачная, т.к. его раскатистый вибрирующий звук оказывает очень сильное эмоциональное воздействие.

В быту для сопровождения песен и инструментальной импровизации древние тюрки использовали музыкальные инструменты различных конструкций: чадыган (ныне сохранившийся только у хакасов и тувинцев), отдаленно напоминавший гусли; икили – струнный смычковый инструмент; шоор – типа продольной флейты; в легендах упоминается девятиязычковый железный варган; до наших дней сохранилась одна из его разновидностей – комус, весьма распространенный среди современных тюрков. Также встречались шумовые музыкальные инструменты, сопровождавшие трудовую деятельность тюрков сугубо функционально: амыргы – духовой инструмент с коническим каналом – имитировал крик марала и использовался исключительно для охоты; шатра – деревянная трещотка, ее шумом сгоняли овец, но могла использоваться и в музыкальной импровизации.

Одним из первых исследователей и инициаторов научного изучения устной народной литературы и этнографии юга Западной Сибири стал русский миссионер протоиерей В.И. Вербицкий. Он ввел в научный обиход принцип разделения племен Алтая на северные и южные по типологии их языка, быта и музыкального творчества; первым описал музыкальные инструменты и манеру пения алтайцев. В хоровой манере пения алтайцев Вербицкий выявил предпосылки возникновения одного из видов раннего многоголосия – так называемого «бурдонного», когда запаздывание запевалы или хора, задержка на последнем звуке позволяют различным выкрикам на определенной высоте создавать кратковременное двух- и трехголосие. Это положение подтверждает

наличие у алтайцев и народных инструментов бурдонного звучания. Также Вербицкий попытался описать манеру пения кайчи – народных сказителей, исполнявших свои сказания «низкой дребезжащей октавой, которая своим тембром напоминает летящего жука». Это так называемое горловое пение, когда певец извлекает из своих связок двойные низко- и высокочастотные звуки, диапазоном в несколько октав.

3.3.2. Древнетюркская литература

Культура сибирских кочевников достигла расцвета в своем развитии в VI–VIII веках н.э. Развитие ее было тесно связано со всем историческим процессом, протекавшим на территории восточной части Центральной Азии. Как уже указывалось, Первый Тюркский каганат (552–604 годы н.э.) положил начало первой кочевой евразийской империи, административный центр которой (ставка кагана) находился в Монголии, на реке Орхон (Монгольский Алтай). Наиболее убедительным свидетельством формирования государственности в среде номадов является возникновение развитой рунической письменности. Самым выдающимся памятником тюркской письменности является Большая надпись погребального комплекса великого тюркского военачальника Кюль-Тегина на реке Орхон. М.Б. Абсалямов утверждает, что на огромной территории Центральной Азии и Южной Сибири «был распространен общетюркский литературный язык и существовала длительная письменная традиция» [Абсалямов, 1995, с. 166], появляются светские мыслители, имена которых дошли до наших дней. Так, одним из наиболее известных тюркских писателей VIII в. был Йолыг-Тегин. Его руке принадлежит большое количество рунических текстов, в том числе эпитафии в честь его дяди, наследного принца Кюль-Тегина, и отца – Бильге-Кагана.

Вообще древнетюркские тексты исследователи разделяют на орхонские, связанные с культурой Центральной Монголии, и енисейские – культурное наследие другого тюркского государства – енисейских кыргызов. Несмотря на то, что и те, и другие имеют общую природу происхождения (в научном обиходе принято определение «орхоно-енисейская руника»), существуют вполне определенные жанровые различия данных литературных памятников. Так, орхонские тексты представляют собой описание исторических событий и личностей периода становления и укрепления Восточнотюркского каганата. Но в них история служит только фоном для создания образов героев тюркского народа и их прославления. Как видим, авторские литературные произведения явно испытывают на себе влияние эпической традиции, с использованием характерных приемов: эпическая идеализация героев, гиперболы, использование устойчивых мифологем – что весьма характерно для средневековой литературы в целом (ср. с европейскими и русскими литературными памятниками данной эпохи).

До нашего времени дошло три исторических документа: надпись на погребальном комплексе Кюль-Тегина, описывающая жизнь и деяния великого полководца, брата Бильге-хана; надпись Тоньюкука, представляющая собой

обращение к народу опального просвещенного тюрка, получившего китайское образование и бывшего, вероятно, советником хана Кутлуга, стремящегося заставить хана признать его заслуги и вернуть ко двору; «Онгинский камень», представляющий собой, по определению Л.Н. Гумилева, «апологию Алп Эльтмиша, умершего в 719 году... В надписи заповедано сыновьям и младшим братьям хранить верность Бильге-хану, которому он передан во время переворота 716 года» [Гумилев, 1993а, с. 331].

Все три надписи написаны в жанре обращения к широким слоям тюркского общества с явно выраженными интонациями убеждения, агитации. Само наличие подобного жанра свидетельствует о высоком уровне общественного развития. Если слово обладает реальной силой в обществе, значит, в нем уже существует общественное мнение. И еще один аспект: названные документы – самые ранние свидетельства существования публицистики – текстов, апеллирующих к массовому читателю, что позволяет предположить наличие далеко не единичных фактов грамотности населения.

Енисейские тексты представляют собой эпитафии, обращенные к читателю от лица самого погребенного, скорбящего о том, с чем он расстался в жизни. Эти тексты глубоко лиричны, содержат в себе разнообразные средства поэтической изобразительности, такие, как эпитеты, аллегории, метафоры и т.д., что свидетельствует о существовании выраженного художественного стиля:

Потомок «Барсов», на земле людей
я доблестью своей не наслаждался.

Когда стрелял, то был героем я.

Когда приобретал, был сильным я.

Волк от волчат навеки отлетел...

С собой не возьмешь все свое:

Упитанных коней и всех людей...

Обычаи, заветы, чем я жил,

Пусть не исчезнут с гибелью моей...

Печалься, мой народ: грома врагов,

Я умер – горе! – но погиб в бою.

Я тяготы – большой верблюжий выюк –

На братьев, чтоб несли, переложил. (цит. по: Абсалямов, с. 175)

Древнетюркские тексты содержат в себе сведения о политических и социальных отношениях центрально-азиатских племен, философские рассуждения о смысле и ценности человеческой жизни, о принципах тюркского летоисчисления (основанного на двенадцатилетнем цикле), об особенностях загробного культа и др. Эпитафии становились средством монументальной пропаганды. Они отражали и формировали картину мира, провозглашали жизненные и нравственные идеалы. Также рунические надписи нередко встречаются на бытовых предметах, сообщая об их принадлежности.

3.3.3. Архитектура и монументальная скульптура тюркского средневековья

Помимо наличия уникального литературного памятника, погребально-храмовый комплекс Кюль-Тегина имеет поистине бесценное значение для истории культуры кочевников, так как вообрал в себя все культурные достижения своего времени: строительство зданий, оборонительных сооружений, создание монументальной скульптуры, письменности, поэзии. Сооружения подобного рода свидетельствуют не только о высоком уровне цивилизационных накоплений, но и о зачатках формирования городской культуры у кочевников. Подробное описание реконструированного комплекса находим у Л.Н. Гумилева: «Все сооружение, размерами 80х40 м, вытянуто с востока на запад. Оно обведено рвом, прерывающимся перед воротами, и стеной из глины, которая была крыта сверху черепицей, оштукатурена и побелена. У ворот – две статуи баранов из мрамора. За ними мощеная дорога и пруд для дождевой воды с керамической трубой, которая отводила излишек влаги. За ним, на спине мраморной черепахи (китайский символ вечности), была укреплена знаменитая стела с надписью. По мнению археологов, стела помещалась в павильоне, крытом черепицей... Дорога идет от павильона к храму; по бокам ее стояли статуи сановников и слуг в натуральную величину, составляя как бы почетную стражу. Храм в плане квадратный, 10,25х10,25 м. Его белые стены были украшены красными разводами; крыша черепичная, окаймленная перламутром; на стенах терракотовые маски драконов. Внутри храма помещался жертвенник с очагом и мраморные статуи Кюль-Тегина и его жены.

Голову статуи Кюль-Тегина удалось найти. Она выполнена вполне реалистически: монголоидные черты – скуластость, монгольское веко, низкий прямой нос и косой разрез глаз – не оставляют сомнений в расовой принадлежности рода Ашина. На голове надет венец с пятью зубцами, на котором изображена птица, похожая на орла... К памятнику тянется цепь балабалов на целых три километра...» [Гумилев, 1993а, с. 328-329].

Балбалы – особые памятники, имеющие информативное значение о воинских победах умершего. В.В. Радлов перевел это слово как каменный столб. Правильность этой догадки подтверждает одна из китайских летописей (неоднократно упоминавшаяся Н.Я. Бичуриным и Л.Н. Гумилевым) описывающая погребальный обряд рядового тюрка: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» [Бичурин, 1950, стр. 22-263, Гумилев, 1959, с. 105-114].

Само устройство погребального комплекса Кюль-Тегина напоминает сооружение городского типа. Устройство заупокойного здания, упоминаемое также и в приведенной выше китайской летописи, указывает на то, что кочевникам периода расцвета Тюркского каганата не были чужды навыки

зодчества, так как атрибутика заупокойного культа в любой мифологической системе строится по принципу аналогии миру живых.

Подтверждение градостроительным начинаниям тюрков находим в центральной части Русского Горного Алтая – в месте впадения р. Большой Яломан в Катунь, где расположены остатки тюркского города-крепости (Городище Большой Яломан) с сохранившимся фундаментом крепостной стены, глубоким рвом и валом, фундаментами квадратных привратных башен и круглыми, реже прямоугольными цоколями жилищ. Город расположен в месте древней караванной дороги, он контролировал путь из Центрального Алтая в Чуйскую долину, а также в северные предгорья и Западную Сибирь.

Замечательными памятниками градостроительного искусства кочевников периода монгольской империи на территории Забайкалья является Кондуйский «городок» (на берегу р. Барун-Кондуй, Читинской обл.). Он оказался развалинами крупного дворцового комплекса второй половины XIII в. Однако он простоял недолго и окончил свое существование в результате пожара. Как по всей планировке, так и по архитектурным деталям Кондуйский дворец во многом напоминал дворец великого хана Угэдэя в древней столице чингисидов Харахорине (Каракоруме).

Вообще, в период монгольской империи на территории Сибири возникает много городов в Хакасии, Туве, Бурятии, в бассейне Енисея и др., что свидетельствует о явно наметившемся процессе стабилизации, оседлости в среде кочевников, начавшемся еще на заре формирования цивилизационных отношений и получившем свое логическое продолжение в имперском строительстве.

Не менее ярким свидетельством тенденций стабилизации и оседлости является становление монументальной скульптуры, выросшей из заупокойного культа тюрков. Это так называемые «кезеры», (по-алтайски «витязи»), по странной логике в археологии получившие определение «каменные бабы». На самом деле они изображают воинов и являются менгиropодобными сооружениями с ярко выраженными антропоморфными чертами: лицо с клиновидной бородкой, левая рука лежит на поясе с подвешенными на нем кинжалом, огнивом, кинжалом или саблей, в правой руке – сосуд, подобный тем, что находили в курганах. Обычно кезеры устанавливались в восточной части прямоугольных каменных оградок. Отсутствие погребений в памятниках названного типа позволяет сделать вывод, что это, скорее всего, ритуальные, поминальные сооружения. По мнению археолога С.В. Киселева, в каменных изваяниях следовало бы видеть изображения усопшего представителя древнетюркской знати. Данная форма отправления культа предков воплощает имперские черты военно-аристократической идеологии древних тюрков.

Исследования современных ученых подтверждают также влияние на иконографию тюрков Алтая буддийского пантеона. Существует определенное сходство между древнетюркскими каменными изваяниями и скульптурными изображениями Будды, известными в Средней Азии еще в дотюркский период. У некоторых изваяний на голове просматривается подобие буддийской

ушниши – «шишковидного» выпячивания на темени, символизирующего связь с высшими силами.

Среди изобразительных артефактов древнетюркской эпохи необходимо упомянуть также рисунки – граффити и петроглифы, как правило, изображающие сцены войны и охоты или множественные изображения оленей и горных козлов, являющихся символами солярного культа кочевников. Подобные рисунки встречаются в основном на открытых скальных породах, хорошо освещаемых солнцем в течение большей части дня. Вероятно, данные места были связаны с отправлением солярного культа. По мнению некоторых исследователей (В.В. Горбунов и др.), изображения горного козла играют также функцию тамговых знаков и являются гербом правящего рода тюрков Ашина.

В отличие от земледельческой культуры, доминантой развития которой являлась традиция как системообразующий фактор, что, в свою очередь, возводило в ранг абсолютного авторитета опыт предков, который слагался в процесс исторического развития, кочевники жили в ином пространственно-временном континууме. Их реальный мир складывался из внутренних циклов, которыми жили их животные, а над ними расстилалось бесконечное Вечное Небо. Все это порождало бинарную логику культуры кочевников, как бы распятую на двух временных осях: повседневной, творящей вещный мир, описывающей и запечатлевающей в камне конкретных живых людей и их ближайших предков; и вечной, постигающей законы мирового, космического бытия.

3.4. Народы Сибири в позднем Средневековье

Культура коренного населения Алтая и сопредельных с ним территорий после распада тюркского каганата не имела в себе внутренних резервов не только для дальнейшей эволюции, но даже для восстановления былого уровня. Однако вслед за свершившейся трагедией история нанесла еще два сокрушительных удара, окончательно разрушив культурный слой недолгого расцвета «Вечного эля». Эти два удара относятся к двум периодам господства монголов на юге Сибири (XIII-XIV и XVI-XVIII веков).

Первый удар был нанесен в период господства Чингисхана и датируется XIII – первой половиной XIV веков. Пребывание алтайцев (телесов и теленгитов) под властью сподвижника Чингиза, его темника-нойона Хорчи, а затем потомков из дома Чингиза имело пагубное влияние на их культуру. Монгольские ханы осуществляли свое правление в режиме систематического жесткого террора, прямым результатом которого явился культурный упадок. Налоги натурой (скотом, пушниной, железными изделиями), трудовые, военные повинности, содержание почтовых станций, работы по устройству дорог и переправ тяжким бременем ложились на плечи покоренных алтайских племен.

В результате распада империи Чингисхана возникает последнее государственное образование сибирских кочевников, татар, в процессе этногенеза которых приняли участие многие этнические группы, в том числе

угры и кыпчаки. Но основу его составляло тюркоязычное население, которое даже на позднем этапе, смешавшись с монголами, сохранило свой тюркский язык. Это было Сибирское ханство. По своим масштабам оно уступало Тюркскому каганату, но его территории тоже были значительны: на западе оно граничило с Пермскими землями, Казанским ханством и Ногайской ордой, на востоке с объединенными племенами нарымских селькупов – «Пегой ордой», на севере достигало низовьев Оби, а на юге – казахстанских степей.

Основу его экономики составляло пастбищное скотоводство в сочетании с земледелием, ремеслом (обработкой металла, гончарным и скорняжным делом, ткачеством) и торговлей. В этот период, когда слава о богатстве края «пушным золотом» привлекает в регион торговцев разных стран, приток азиатских купцов становится господствующим.

Налаженная торговля со Средней Азией, вероятно, была одним из факторов изменения идеологической сферы региона, проявившейся в выборе религии – ислама, который узбекские ханы пытались внедрить через последнего правителя Сибирского ханства – Кучума, сына бухарского эмира Муртазы. Ислам, начавший распространяться с конца XIV века на территории Сибирского ханства, повлек за собой изменения в быту и обрядности аборигенов. Начинают возводиться мавзолеи; традиционные формы погребений, связанные с ранними религиозными воззрениями (ориентация по частям света, снабжение умершего бытовым инвентарем, что является следствием веры в загробное существование и т.п.), сочетаются с новыми религиозными атрибутами: ориентация по мусульманским традициям (в сторону Мекки), сооружение в могилах подбоев, постепенное исчезновение погребального инвентаря. Однако магометанская религия не нашла отклика в душе тюркоязычного населения Сибири.

Система государственного устройства напоминала тюркскую (феодално-кочевая): во главе государства стоял хан, при котором находились визирь и советники, далее – мурзы и беки, управлявшие своими родами (улусами) и использовавшие в своих хозяйствах труд ясырей (рабов-военнопленных) и обедневших общинников. Основную массу народа составляли «черные», улусные люди – «кара-халк», которые были теперь не только воинами, но должны были ежегодно приносить владельцам улуса «дары» пушниной, рыбой, скотом. Сравним: у тюрков «кара-бодун», «черный народ» был маргинальным слоем, состоявшим из преступников и рабов-военнопленных. Налицо динамика развития феодальных отношений: от военной демократии «Вечного эля» до закрепощения сородичей в Сибирском ханстве. Сибирское ханство имело несколько административных центров: Кашлык – ханская ставка на берегу Иртыша, недалеко от современного Тобольска; несколько укрепленных городков – Кызыл-Тура, Касим-Тура, Явлу-Тура, Тонтур, которые являлись военно-опорными пунктами господствовавшего класса феодалов.

Ханство при Кучуме представляло собой крайне непрочное объединение улусов, державшееся на военной силе. Поэтому достаточно было одного хорошо организованного похода Ермака, чтобы государство Кучума перестало существовать.

Кочевой образ жизни большинства сибирских народов не способствовал стабильности государственных образований, т.к. в его основе лежала борьба за новые территории, а рудиментарные элементы военной демократии проявлялись в непрекращающихся эlementальных заговорах и переворотах. Сильные народы (такие, как енисейские кыргызы, телеуты, буряты) подчиняли себе более слабых, превращая их в кыштымов, данников, обязанных выплачивать ясак. Но и они, в свою очередь, находились в разной степени подчинения более могущественным монгольским ханам.

С начала II тысячелетия начинают складываться устойчивые связи между «белым царем» и сибирскими удельными правителями. Официально уже со второй половины XI века Югорская Земля в Зауралье считалась одной из «волостей» Великого Новгорода, куда новгородские феодалы направляли вооруженные отряды для сбора пушнины с местного населения. Вторая половина XV века ознаменовалась активным присоединением сибирских земель вогулов (манси), угров, Тюменского ханства «под руку» Ивана III. Заселение русскими Северо-Восточного Поморья в XVI веке и активная эксплуатация местных природных богатств устанавливают более прочные торговые связи русских с жителями Зауралья.

Но в Восточной Сибири политику определяют совсем другие силы. В Саяно-Алтайском регионе XIII-XVIII века определяются как монгольский период. Этнический состав Восточных Саян был весьма многообразен: здесь проживали самодийскоязычные, кетоязычные и тюркоязычные группы. Но доминировали, по всей вероятности, тюркоязычные группы, этнически близкие уйгурам. Позднее этноним «туба» – самоназвание одного из «лесных народов», проживавших в Восточных Саянах и завоеванного сыном Чингисхана – Джучи, стал самоназванием всех тувинцев. Монголы для того, чтобы закрепиться на завоеванных территориях, не только уничтожали и выслали непокорных местных жителей, но уже в начале XIII века стали насильственно колонизировать захваченные территории. С этой целью создавались военно-пахотные поселения (города без крепостных стен), в которых поселяли значительные количества захваченных в плен и угнанных на север земледельцев.

Много коренных жителей Тувы, выступавших против завоевателей, было уничтожено. Утратились многие достижения культуры домонгольского времени. Вместе с тем, в XIII-XVI веках в Туве произошли крупные этнические изменения. Местные племена восприняли многие черты монгольской материальной культуры, в язык местного населения вошло значительное число монгольских слов. Ряд монгольских этнических групп, поселившихся на территории Тувы, смешался с местным населением, в связи с чем в Туве начинает преобладать центрально-азиатский антропологический тип.

Вообще моноязычные племена появляются на территории Сибири довольно рано, придя в VI-IX веках на смену исчезнувшим курыканам; к востоку от Байкала исчезает еще один крупный племенной союз байегу (байырку), а вместо него появляются монгоязычные баргуты. Монгольские переселенцы проникли на Лену и Селенгу, вероятно, с востока, из бассейна рек

Онона, Керулена и района оз. Буирнур. Им принадлежат, очевидно, первые погребения, найденные в районе с. Зарубино и на р. Селенге и характеризующие культуру собственно монгольских кочевых племен.

В начале X века в Маньчжурии возвышаются кидани – народность, близкая к монголам. В X веке они вытеснили уйгуров из Монголии и распространили свои владения на западе до Алтая включительно. Согласно сведениям среднеазиатского писателя XII в. Тахира Марвази, в 30-х годах XI века под давлением киданей уходит на запад многочисленный народ хун, который преследуется народом кай. Волна перемещения кочевых племен достигает берегов Каспийского моря и вызывает вторжение на Русь половцев.

Ранние события истории монгольской империи, основанной Чингисханом, также происходили в Сибири, на забайкальской земле и на территории Монголии, граничащей с Забайкальем. В Забайкалье родился и сам Чингисхан, в местности Делон-Болдок на реке Онон. Открытые в Читинской области Кондуйский и Хирхирирский «городки» свидетельствуют о достаточно серьезном намерении монголов обосноваться на территории Сибири. Кондуйские развалины оказались остатками дворца феодала, а расположенное неподалеку от них Хирхирирское городище – сравнительно крупным поселением городского типа, представлявшим собой не только укрепленный пункт, но и ремесленный и торговый центр. На его территории были обнаружены остатки кузнечной мастерской, железные шлаки и крицы. Но оба эти «городка» просуществовали недолго. Об этом свидетельствуют незначительность культурного слоя и следы пожара, от которых погибли оба поселения.

Предки бурят и лесные племена Прибайкалья (булагаты, эхириты и хоригтуматы), постоянно боровшиеся за свою независимость, не желали быть рабами Чингисхана. Они оказывали упорное сопротивление или уходили от завоевателей в глубь своих лесов. Есть основание полагать, что после нападений монголов на земли, заселенные предками бурят, некоторые прибайкальские племена, в том числе отдельные группы хора-туматов, частично откочевали на север, в нынешнюю Якутию, и вошли в состав якутской народности.

К XVII веку население Прибайкалья этнически становится более однородным. Связь между племенами укрепляется. Племенное имя «буряты», ранее относившееся к небольшой части племен, теперь начинает объединять все монголоязычные племена края. Они занимали обширную территорию по обе стороны оз. Байкал, по долинам рек Ангары, Лены, Баргузина и Селенги. На западе самыми крайними пунктами их расселения были реки Бирюса и Чуна.

К моменту первоначального соприкосновения с русскими буряты представляли собой самую многочисленную и сильную в экономическом и военном отношении народность Восточной Сибири. Бурятские племена делились на родовые группы, во главе которых стояла родо-племенная знать. В 1625 году атаманы Поздей Фирсов и Василий Тюменец доставили в Енисейск известия о том, что у бурят более 20 тыс. чел. «на конь садитца», что это «люди

пашенные». В донесениях русских казаков бурятские племена контрастно противопоставляются их ближайшим соседям – тунгусам и палеоазиатам (кетам).

Если в Бурятии принятие буддийской идеологии произошло вполне органично (хотя бурятский ламаизм и включает в себя специфические черты местных шаманских верований), то попытки ойратских феодалов насадить в среде тюрков ламаизм не увенчались успехом – господствующей формой религиозного сознания здесь так и остался шаманизм.

Монгольская экспансия в Сибири, несмотря на то, что вносила элементы централизации и имперской культуры, в целом оказала весьма пагубное влияние на сибирские народы. В период XIV-XVIII веков многие тюркские племена достигли наибольшего упадка и застоя. Когда они оказались под игом западномонгольских или ойратских ханов, то почти до первобытного уровня снизились способы ведения скотоводческого и охотничьего с примитивным земледелием хозяйства; были утрачены навыки добычи и обработки металла, особенно золота и серебра; утрачена руническая письменность, а вместе с нею и грамотность, пришли в забвение литературные достижения периода тюркских каганатов. Только некоторые представители зайсанской аристократии владели монгольским квадратным вертикальным письмом (ойрот-бичик). Единственной формой сохранения культурного самосознания оставался эпос и песенное народное творчество, донесшие до наших дней подлинные имена и жестокие образы ойратских ханов и тайши.

Даже погребальный культ испытал на себе негативное влияние происходящих социальных процессов. Теперь южные кочевники хоронили своих сородичей на поверхности земли, вместе с конем, закладывая их камнями, либо подхоранивали в насыпи древних курганов, а северные алтайцы заворачивали своих покойников в бересту и подвешивали на дерево.

Феодальная система различных платежей и повинностей истощала материальные и духовные силы тюркских племен. Когда же Джунгария (государство ойратов) стала ареной феодальных междоусобиц и предметом завоевательной политики Китая, социальное и экономическое положение алтайских племен стало просто невыносимым, и тогда двенадцать алтайских зайсанов в 1756 году обратились с просьбой к русским пограничным властям о принятии их со своими подданными под покровительство России. Просьба их была удовлетворена, и с этого момента начинается новый этап истории культуры тюркских племен.

ГЛАВА 4. СИБИРСКАЯ КУЛЬТУРА В НОВОЕ ВРЕМЯ

4.1. Цивилизационная динамика Сибири – закономерности и специфика

Существуют три точки зрения на причины присоединения Сибири к России. Н.М. Карамзин, А.П. Щапов, С.В. Бахрушин, М.Н. Богданов, И.С. Фишер, В.А. Кудрявцев и др. отождествляют присоединение Сибири

с колониальными захватами, аналогично тем, которые вела Европа, осваивая континенты Азии и Африки. Другая точка зрения акцентирует свое внимание на добровольном характере присоединения народов Сибири к России. Ее придерживаются А.П. Окладников, Е.М. Залкинд, Б.Д. Цибилов и др. Третья точка зрения рассматривает движение России на восток как естественный процесс формирования многонационального государства, в котором вновь присоединенные области Сибири не были колониально вассальными, а втягивались в единую государственную народно-хозяйственную систему. Эта точка зрения особенно была близка евразийцам.

Простираясь с восточного берега до запада Евразии, Россия исторически оказалась на пересечении двух волн колонизации, идущих одна – на запад, другая – на восток. Порожденная панмонгольским средневековым евразийством, Великая русская держава совершенно органично вращалась в евразийское всеединство: и этнографически, и географически, и политически. Евразийцы Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский считали, что движение России в сторону востока по своему историческому замыслу не имело ничего общего с завоеваниями в европейском колониальном смысле. Это было такое же расширение Евразийской державы для собирания разрозненных народов восточной Евразии, каким было в свое время движение панмонгольской державы на запад, собиравшее разрозненные народы западной Евразии. По их мнению, именно монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя. Степь сформировала важнейшие этнические, психологические и семиотические доминанты, ставшие основой нового типа культуры Московской Руси. Этому немало способствовало активное включение в новый суперэтнос соседних, угро-финских, тюркских и монгольских этносов.

Если рассматривать Сибирский ареал как целостность, то его культурно-исторический анализ позволяет выявить черты межэтнической культурной общности с определенной спецификой культурного взаимодействия населяющих ее этносов, получившей в современных культурологических исследованиях определение «локальной цивилизации».

Со времен скифов здесь складываются определенные формы и компоненты хозяйственного уклада, обусловленные специфическими эколого-ландшафтными и гео-культурными условиями. Несмотря на колоссальные пространственные масштабы и богатый спектр климатических зон (от тундры и тайги до засушливых степей и альпийского разнотравья), здесь проживают многочисленные этносы и народы, образующие целые культурные системы племенного и этнического типа, имеющие общую историческую судьбу, вырабатывающие единообразную структуру социальной организации, систему ценностей и рациональных представлений, картину мира, отражаемую в сходных символах. По определению Л.Н. Гумилева, подобные процессы обусловлены этнической комплиментарностью, некоей взаимной симпатией различных суперэтносов.

Формирование типологических признаков локальной цивилизации, начавшееся на территории Сибири в скифский период, достигает своего апогея

в средневековье, объединив в едином процессе культурогенеза племена и этносы, разные по крови и по уровню историко-культурного развития, сыгравшие роль этнического субстрата в «момент» пассионарного толчка, высвободившего энергию становления тюркского суперэтноса. Но с распадом кочевых государственных образований (каганатов и ханств) процесс становления локальной цивилизации не прекратился, а перешел на качественно иной уровень, соединив в общую историческую судьбу теперь уже два суперэтноса – Степной и Русский.

Специфика их межэтнического взаимодействия определялась характером и уровнем потребностей этнического развития каждого.

Этносы, ведущие природопользующий образ жизни (охотники, рыболовы, собиратели), ориентированы на поддержание баланса с экологической нишей, в которую они вписаны как верхнее, завершающее звено. Потребности таких этносов могут быть удовлетворены только при условии сохранения традиционного для них природного ландшафта, стабильность которого гарантирует успех культурно-хозяйственной деятельности и, в конечном счете, стабильность существования этнической общности.

К моменту появления русских в Сибири большинство коренных народов этого региона в той или иной мере переживало разложение первобытно-патриархальных связей. Их хозяйственная деятельность в основном не вела к преобразованию природного ландшафта в антропогенный. Народы севера Сибири практически являлись элементом биоценоза как его верхнее завершающее звено. Скотоводческая деятельность кочевников Южной Сибири вела к преобразованию ландшафта, но ничтожному в количественном отношении. Их тип хозяйства также зависел от сохранения баланса с окружающей средой.

В противоположность этим народам русский этнос формировался в процессе земледельческих миграций и преобразования природного ландшафта. На протяжении всей истории русские люди, по преимуществу земледельцы, искали нетронутые земли. Пространства, осваиваемые переселенцами, превращались в земледельческие области. Завоевание и правительственная колонизация шли, как правило, позади естественного расселения.

Теперь уже во взаимодействие вступают разные типы культур, которые, сосуществуя по принципу дополнительности, в какой-то мере создали базу для комплиментарных отношений. Русский этнос представлял собой более сложный социальный организм в сравнении с большинством сибирских этносов, традиционных по характеру социальной структуры. Их взаимодействие приобрело многоуровневый характер. Имеет смысл выделить два уровня межэтнических взаимодействий в регионах Сибири. О первом уровне корректнее говорить как о воздействии на традиционные культуры сибирских этносов носителей модернизационных процессов – русских переселенцев, старателей, казаков, а в XVIII-XIX веках – представителей технической интеллигенции. Второй уровень – это уровень взаимодействия представителей традиционных культур: русской старожильческой и коренных сибирских этносов.

Коренные народы Сибири, которые оказались в зоне промышленного освоения природных богатств региона, осуществляемого по преимуществу представителями русского этноса, столкнулись лицом к лицу с угрозой поглощения их самобытной культуры техногенной цивилизацией.

Особый интерес в этой связи вызывает положение малочисленных народов Севера Сибири. Это – уникальный регион, обладающий богатейшими природными ресурсами, способными обеспечить стабильное развитие мировой экономики. Однако процесс его активного хозяйственного освоения, начавшийся несколько десятилетий назад, сопровождается серьезными негативными изменениями в его экосистемах, лежащих в основе существования традиционной культуры коренного населения. И, в конечном счете, это ведет не только к разрушению традиционных культур, но и грозит колоссальным ущербом будущему благополучию всей планеты.

Ко времени прихода русских людей в Сибирь в государстве уже имелся богатый опыт управления «иноземцами» – народами Поволжья и Приуралья, основанный на практике, применявшейся здесь ранее монголо-татарами, а именно: минимальное вмешательство во внутренние дела, поддержка внутреннего самоуправления, обеспечение защиты от внешних врагов, обычно невмешательство в религиозные дела и неприменение (за редкими исключениями) прямого насилия при христианизации, взимание достаточно небольшой по размерам дани. Для народов Поволжья – Приуралья и большей части коренного населения Сибири это был единственно возможный и приемлемый способ управления, поскольку в данном случае не происходило ломки устоявшихся традиций, не нарушались стереотипы поведения и мировоззрения, местные жители испытывали минимум тягот и неудобств. Более того, в ряде случаев размеры дани ясака (ясак – от монгольского «яса»), т. е. закон, установление) в пользу царя определялись в меньшем размере, чем они были, например, при Кучуме или у народов, подвластных енисейским кыргызам (так, ясак, введенный сибирским ханом, с приходом русских людей был снижен с 11 до 9 соболей, а на 1600 г. он был вовсе отменен по случаю приема Борисом Годуновым семьи Кучума). Поэтому в целом коренные жители спокойно восприняли факт их вхождения в новое подданство, и огромная территория Сибири была быстро включена в состав Русского государства.

Таким образом, в практике управления народами Сибири русское самодержавие широко использовало имперский административный опыт татаро-монголов, основные принципы которого (наряду с некоторыми дополнениями) просуществовали до начала XX века.

Страх потерпеть ущерб от ясачных недоборов побуждал власть внимательно относиться к жалобам коренных жителей, препятствовать их закабалению. Например, указами 1635 и 1649 годов запрещались всякие земельные сделки с аборигенами Сибири; суды не принимали к рассмотрению иски против ясачных на суммы, выше установленных законом; в судах они выступали на равных правах с русскими людьми; с ясачных не разрешалось брать долговые расписки, ими нельзя было торговать, превращать их в холопов и привозить «на Русь»; запрещался ввоз к ним вина, табака, золота, не

позволялся наем на частную работу и т. д. Власть защищала коренное население от набегов, наказывала людей, уличенных в жестоком обращении с ясачными, снабжала голодающих продовольствием, обеспечивала медицинское обслуживание и начальное образование. Например, в 1835 году было разрешено учреждение больниц для «инородцев» за казенный счет; с 1868 года коренное население могло бесплатно обучаться в прогимназиях и в первом классе гимназий до 15-летнего возраста. В местах, где быстро устанавливалась твердая государственная власть (что было характерно почти для всей территории Сибири), коренное население испытывало минимум лишений. Там же, где это из-за значительной удаленности или по каким-либо иным причинам происходило с запозданием (например, в Приамурье, на Камчатке, Курильских и Алеутских островах), местные жители, как известно, сильно страдали от бесконтрольного хозяйничанья пришельцев.

Таким образом, отношение к коренному населению Сибири объяснялось не загадочностью, широтой русской души или убежденным гуманизмом, особой комплиментарностью русского народа, а чисто практическим интересом, связанным с пополнением казны. В основе лежал насаждаемый правительством и наработанный в течение столетий положительный стереотип восприятия коренных жителей, позволявший в реальной жизни терпимо относиться к их инокультурной традиции. Несмотря на мощные тенденции ассимиляции, это способствовало и сохранению вплоть до настоящего времени подавляющего большинства сибирских этносов. Народы Сибири не были истреблены пришельцами, как это произошло, например, с индейцами многих регионов Америки или тасманийцами.

Но, с точки зрения синергетического подхода, освоение Сибири русскими – это бифуркационный скачок, происходящий не мгновенно, а после постепенного «обострения ситуации» (С.П. Курдюмов). Неустойчивость последующих номадических государственных образований, так и не сумевших достичь уровня государственности Тюркского каганата (высшей фазы этногенеза), свидетельствует о нарушении состояния равновесия, внутренних флуктуациях или «фазе надлома» (Л. Гумилев), которые с необходимостью привели к качественной перестройке всей системы локальной цивилизации Сибири.

Процесс развития и кристаллизации цивилизационных «симптомов» на территории Сибири происходит не стихийно, как это могло бы показаться на первый взгляд, но определенно демонстрирует детерминанты самоорганизации и саморазвития. Причем чем моложе этнос, тем большим зарядом пассионарности он обладает. Палеоазиаты, самые древние автохтонные народы Сибири, так и остались на стадии первобытнообщинного строя, вероятно, растратив свой пассионарный заряд в борьбе за выживание в суровых условиях северной Азии. Однако известно, что ранее они населяли практически всю Сибирь, до того, как начались приливы волн великого переселения народов. И тогда, теснимые с запада финно-уграми, а с юга самодийцами и тюрками, палеоазиаты, находившиеся в состоянии фазы обскурации, вынуждены были

занять самые неблагоприятные районы Заполярья и тундровой зоны, превратившись в социокультурный реликт.

Тюрки, напротив, появившись на исторической арене лишь в VI веке н.э., в считанные десятилетия осваивают колоссальные пространства, заявляя о себе веским словом на международной арене и, достаточно быстро объединив вокруг себя группу племен и этносов, втянув их в общий историко-культурный процесс, превращаются в суперэтнос. Как настаивает Л.Н. Гумилев, «суперэтнос не есть общность духовная или политическая, это – явление географическое» [Гумилев, 1993в, с. 169], т.к. суперэтнос существует в границах определенных этноландшафтных зон. Однако границы суперэтносов подвижны как в пространстве (что обусловлено климатическими изменениями), так и во времени. Причина этой подвижности заключается в действии сил внутреннего взаимодействия, внутренних стимулов этногенеза, а также во вмешательстве внешних факторов, таких, например, как взаимодействие с соседями.

Кочевничество – это явление мирового масштаба, существовавшее около трех тысячелетий и возникшее на периферии земледельческой эйкумены как способ приспособления человека к изменившейся природной обстановке. Однако этот цивилизационный организм, всю свою историю живущий в ситуации стресса и, казалось бы, выработавший необходимые адаптивные механизмы, оказался весьма хрупким в силу своей подвижности, а значит – неустойчивым. А как известно, «из-за снижения уровня стабильности даже относительно незначительные флуктуации внешней среды могут перевести эволюционное развитие на совершенно новые рельсы» [Моисеев, 1998, с. 70]. И такими рельсами оказалось освоение Сибири русскими. Но сначала этому предшествовал процесс дивергенции (расхождения) тюркского суперэтноса, давший начало таким разным в культурно-хозяйственном и природно-детерминированном отношениях народам, как горные киргизы, таежные якуты, равнинные садоводы и хлопководы туркмены; а также множеству племен и родов, рассеявшихся не только по территории Сибири, но и далеко за ее пределами. Бифуркационный механизм, запущенный вышеозначенными процессами, стал источником возникновения новых форм организации межэтнической коммуникации, все более усложняющейся и вылившейся в форму комплиментарного сосуществования Русского и Степного суперэтносов, в свою очередь, формирующую новый социокультурный континуум.

В XVII-XIX веках большая часть коренного населения Средней Сибири входила в состав Русского государства и жила рядом с пришельцами, в основном, представителями великорусской части восточного славянства. Под Средней Сибирью современные географы понимают, в основном, территорию бассейна Енисея и некоторые соседние районы бассейна Оби. Здесь проживали народы различного происхождения, этническая консолидация которых в большинстве случаев еще не была завершена. Наиболее многочисленными были тюрки – кыргызы, качинцы, шорцы и другие. Тунгусоязычные, кеты и самоеды в совокупности уступали тюркам по численности. В течение XVII века пришельцы-славяне в Средней Сибири расселялись, в основном, в зоне тайги и

лесостепи, к северу от г. Красноярска, т. е., в местах проживания, в основном, тунгусов, кетов, северных самоедов и, частично, тюрков. Со второй половины XVIII века в связи с широкими процессами аграрного освоения региона происходит заселение и районов к югу от Красноярска (вплоть до Западных Саян). С этого времени зона контактов с тюркоязычным населением и южными самодийцами (камасинцами) значительно расширилась. Славянское крестьянское население к концу века достаточно плотно заселило здесь все территории, пригодные для земледелия: левобережье Енисея до границы сухих степей и более увлажненное правобережье вплоть до хребта Западных Саян на юге.

В течение указанного периода времени в силу тесного соседства славян с коренным населением проходили достаточно интенсивные процессы этнического смешения. Наиболее масштабными они были именно в местах широкого крестьянского расселения. К числу таких районов относятся территория бассейна средней Ангары, Красноярской лесостепи, среднего Чулыма и, в меньшей степени, правобережной части Хакасско-Минусинской котловины.

Монгольская народность ойратов, как и всякий представитель кочевой цивилизации, нуждалась в торгово-обменных связях с оседлым населением, которые и осуществлялись через возникавшие российские города. В 1604 году в верхнем течении р. Томь построили Томск; здесь, по утверждению Ли Шэна, у русских возникли первые контакты с кочующими в верхнем течении Оби ойратами, сведения о которых появляются в русских летописях еще в конце XVI века. Дальнейшее взаимодействие русских и ойратов сосредоточилось главным образом в бассейне Иртыша. Это взаимодействие не всегда было гладким. Случались набеги на русские города и данников России, борьба за ясачные сборы с пограничного населения, возникали споры из-за беглых, сопротивление российскому продвижению по Иртышу, происходил обмен посольствами. С другой стороны, ойраты вступали в подданство России, обращались к России за военной помощью в войне с цинским Китаем. В то же время между ойратскими кочевниками и городками русских в Западной Сибири поддерживались торговые связи, начавшие развиваться в силу объективных взаимных потребностей. Сношения ойратов с российской стороной не ограничивались пределами сибирских городов. Посольства и группы торговцев добирались и до европейской части – Москвы, хотя временами доступ посольств в столицу запрещался.

Вожди племен ойратов, а затем правители объединившего их Джунгарского ханства ради выгод союза с Россией поступали на службу русскому царю. Со своей стороны русские, при еще не развитом местном животноводстве, нуждались в главных поставляемых кочевниками товарах – продуктах скотоводства и лошадях. Это обусловило принцип беспопытной торговли с ойратами (с 1670 года десятой пошлиной облагались ввозимые и двадцатой вывозимые с посольствами товары). Ранними центрами торгового обмена стали Томск, Тара, Тобольск, а также Кузнецк. В конце первой четверти XVIII века –

важные пункты торговли на новых освоенных Россией территориях – Семипалатинск и Ямышевская крепость.

Основной формой торговых отношений был обмен на рынках Сибири: ойраты пригоняли скот, привозили меха, ремень, выделки из кож, а также рабов, и меняли на оружие, армейское снаряжение, ткани, медные и оловянные украшения, посуду, скобяные изделия, пшеничную муку, бумагу. Ружья, свинец, порох и золотые монеты впоследствии, как и дорогостоящие меха соболей, бобров и лисиц, были включены в список заповедных товаров. В период правления Батур-хунтаджи у ойратов уже возникло и развивалось посевное земледелие вокруг устраиваемых монастырских городов. По просьбам джунгарских правителей к их двору посылали свиней, куриц, собачек, жалованные «за службу» панцири, пищали, свинец. Преподношение даров правителями Джунгарии местным сибирским и московским властям и ответные подарки с российской стороны по ассортименту, объему, цене заслуживают того, чтобы считаться второй формой торгового обмена русских и джунгар, удовлетворяющей потребности ойратской знати в предметах роскоши.

В 1674 года ойратское посольство в Москве сообщило о разрешении русским проходить через Джунгарию в Китай и о желании мирной торговли. По сообщению одного из купцов, по всему ханству русские ездили свободно и получали пропускные письма. В 1678 году Галдан-хан вновь направил в Москву посольство и караван с товарами на сумму около 6,5 тысяч рублей. Следуя политике сближения и налаживания добрососедских отношений, Россия пошла навстречу джунгарским требованиям вести торговлю, но запретила допускать калмыцких купцов в Москву и установила пошлину с товаров по стоимости выше 15 000 рублей. Однако в дальнейшем главное внимание Галдан-хан сосредоточивал на борьбе против халхаских монголов на востоке, и регулярная торговля с Россией практически приостановилась.

Однако этот процесс не был однозначным и безболезненным. Продвижение русских в степи Южной Сибири и предгорья Алтая столкнулось со встречным движением кочевников – казахов, киргизов, джунгар.

Когда российское колонизационное движение устремилось по Иртышу, встречая вооруженное сопротивление джунгар, политические отношения стали ухудшаться, что вновь отразилось на торговле.

В 1635 году в верховьях Иртыша и на Алтае возникло мощное кочевое государство западных монголов – джунгар (русские также называли их «черные калмыки»). Джунгарское ханство подчинило себе киргизов, тувинцев, барабинцев, ряд алтайских племен, а в 1667 году наголову разгромило северомонгольского алтын-хана Лубсан-тайджи. Само Джунгарское ханство, ведя завоевательные войны на Тибете, в Казахстане и в Средней Азии, весьма неудачно воевало с Цинской империей. Россия придерживалась политики невмешательства в джунгаро-китайские отношения, имея слабые позиции на южносибирских границах. В 1755-1758 годах Джунгарское ханство было разгромлено Цинской империей и перестало существовать как самостоятельное политическое образование. Уцелевшие от почти полного истребления джунгары и алтайцы спасались в российских пределах, в

результате чего бывшие джунгарские владения в верховьях Иртыша и Южного (Горного) Алтая сильно обезлюдели. Нередко маньчжурская армия, преследуя беженцев, вплотную подходила к русским границам, а в 1764 году даже захватила и сожгла несколько редутов на реках Бухтарме, Семи и Коксе, являвшихся территорией Русского Алтая. Но это были последние всплески китайской интервенции: укрепляя свои имперские позиции, Россия стала надежным щитом для сибирских народов.

После захвата Джунгарии цинскими войсками в 1758 году в торговых отношениях России с этой территорией наступает новый этап.

Во первых, возникновение торговли с ойратами было вызвано необходимостью российского освоения Сибири. За армией приходили купцы. Они рассматривали казачьи деревни и села как базы, дающие возможность продвигать торговлю на юг и на восток.

Во-вторых, торговля с джунгарами была важна для укрепления России на занятых территориях. Регулярные поставки лошадей удовлетворяли потребности казачьих гарнизонов сибирских городов и крепостей. Крупнорогатый скот, овцы и продукты скотоводства были важной составной мясного рациона городов и сел.

Активное продвижение русских на Восток от границ Московского государства несло с собой дух креативизма, почерпнутый из общения с Европой и напитанный идеями чисто русской ментальности: тяга к широким просторам и личной свободе, молодецкий авантюризм, все вместе маркирующиеся в понятии «вольница». Н. Моисеев, анализируя типологию техногенных и традиционных цивилизаций, усматривает причины различия векторов культурогенеза в существовании «некой системы внутренних установок, присущих целому народу и даже группе народов, этносам», которые могут привести к качественно различным результатам в одних и тех же условиях. «...Не японцы открыли и осваивали лежащие у них под боком Курильские острова и Камчатку. Это сделал русский мужик, который пешком прошел через всю Сибирь. Он пришел из Европы, неся динамизм ее культуры» [Моисеев, 1998, с. 267].

4.2. Становление в Сибири новой межэтнической общности

Основную роль в присоединении и покорении Сибири в XVII веке сыграли служилые и промышленные люди (в этот период промышленниками называли людей, занимавшихся промыслами – пушным, рудознатским). Они шли рядом, а нередко и опережали государевых ратных людей, стремясь войти в «новые земли» до того, как их население будет обложено государственным ясаком. Немногочисленные казачьи и промышленные отряды относительно быстро, всего за 60-70 лет сумели покорить огромную территорию от Урала до Тихого океана.

Можно назвать несколько причин столь стремительного продвижения русских.

Во-первых, низкий уровень социально-экономического развития туземного населения, его слабая плотность, а также межплеменная вражда не позволили сибирским аборигенам отстоять свои земли. Сибирское ханство при первых же ударах пришельцев развалилось и перестало существовать.

Во-вторых, доходность соболиного промысла толкала промысловиков все дальше, в глубь «незнаемой земли», невзирая на тяготы и лишения, сопровождавшие первопроходцев.

В-третьих, в Сибирь, прельщаясь слухами о ее богатствах и труднопроходимости земель, в большом количестве вместе с промышленниками проникали крестьяне, искавшие вольных и сытных земель, старообрядцы, гулящие люди (от обычных уголовников до участников крестьянских и казачьих восстаний).

В-четвертых, государство стояло на страже интересов коренного населения, предпочитая действовать «не жесточью, а лаской», пресекая произвол и злоупотребления на местах, т.к. это ущемляло его (государства) фискальные интересы. По мнению историка П.Н. Буцинского, «московские цари относились к инородцам несравненно гуманнее, чем к своим подданным» [Буцинский, 1999, с. 327]. Немаловажен тот факт, что среди гражданских и военных представителей административно-бюрократического аппарата присоединенных территорий было много коренных жителей, а представители родовой аристократии аборигенного населения нередко занимали административные должности.

М.В. Шиловский более категоричен в формулировке обозначенных причин, называя два основных фактора: во-первых, в условиях политической нестабильности – первоочередная необходимость пополнения государственной казны и, во-вторых, наличие определенных социальных групп, способных осуществить требуемое. Эти группы: «...первая – казачество, поставленное развитием государства в XVI-XVIII веках перед альтернативой: или уничтожение как сословия, или включение в систему «государевой службы». Вторая – черносошное и посадское население Севера Руси, слабо затронутого Смутой, потерявшего традиционные связи с некогда богатым Новгородом и имевшего избыточное население из-за ограниченных возможностей развития сельского хозяйства» [Шиловский, 1998, с. 85]. Причем автор называет этот процесс «организованным переселением», когда «всем переселенцам выдавались жалованье и «подорожные», а отправляли их на государевых подводах из города в город, «не задержав ни часу». Вскоре эти мероприятия стали дополняться «штрафной колонизацией» – ссылкой и поселением преступников (как уголовных, так и политических) и военнопленных. По-видимому, проблема пополнения казны была решена весьма успешно. Так, в период царствования Алексея Михайловича (1645-1676) добываемая в Сибири «рухлядь» (пушнина) ежегодно приносила в казну до 600 тыс. руб., что составляло третью часть всех государственных доходов. Действительно, можно сказать, что возрождение России после Смуты шло за счет ресурсов Сибири.

И еще одним немаловажным фактором успешного освоения Сибири явились сами люди, которые впоследствии сформировали особый

региональный тип ментальности, получивший атрибутивное определение – *сибиряк*. Это были яркие личности, обладавшие отчаянной храбростью, поразительной настойчивостью, железной волей и жадной неизведанного. Сибирь выковывала характеры людей, обладавших жилкой авантюризма: из них получались дерзкие землепроходцы и смелые воины.

В результате вышеперечисленных факторов русское население Сибири очень быстро по численности стало преобладать над местным и к 1720-м годам уже составляло около 70%.

К середине XVIII века русские доходят до самых труднодоступных районов Сибири, осваивая тундровые, таежные окраины, высокогорные долины. Селившиеся вдоль рек Бухтармы, Белой, Тихой беглые крестьяне, солдаты, заводские мастеровые стали называться «каменщиками», т.к. жили в горах, «в камнях». Данный процесс освоения русскими Горного Алтая дал основание для объявления этой отдаленной территории русским владением в 1792 году. Но это был двусторонний процесс. В 1756 году несколько зайсанов, предводителей алтайских племен, выступили с челобитной «Великой государыне российской» о добровольном вступлении «в подданство со всеми нашими улусы, з женами и детьми в вечныя роды и по соизволению великия государыни, где повелено будет, тамо и селитца» [Международные отношения..., 1989, с. 39].

На территории Алтая, ставшего пограничной зоной Российской империи на юге Западной Сибири, возводились крепости и редуты. Так, к 1760-м годам была создана от Усть-Каменогорской крепости до Кузнецкой целая оборонительная линия, огибающая с севера Алтайские горы, призванная защитить Южную Сибирь от вторжения маньчжурских войск и получившая название Колывано-Кузнецкой.

Начиная с XVI века на царскую службу стали привлекать представителей коренного сибирского населения. Татарские отряды принимали участие уже в военных действиях против Кучума как составная часть служилых. Постепенно в этот процесс вовлекались и другие народы, в том числе угры – ханты и манси (остяки и вогулы). Чаще всего это происходило в отдаленных городах, таких, как Пелым, Березов, Сургут и др., где явно ощущалась нехватка людских ресурсов.

Чтобы попасть в этот престижный слой общества, получать жалованье, иметь оружие, пользоваться определенными льготами и статусом человека, состоящего на государственной службе, прежде всего необходимо было принадлежать к единственно признававшейся государством конфессии – православию. В полиэтничной Сибири этническое самосознание в большей степени было связано с осознанием религиозной принадлежности. Первым и необходимым условием для поступления на государственную службу неправославных было крещение. Следует отметить, что в XVII веке (с развитием миссионерской деятельности) определенная часть сибирских угров (особенно это касается манси, проживающих вблизи Урала), а также алтайцев, довольно безболезненно приняла православие. В подавляющем большинстве новоявленные христиане, будучи фактически «двоеверцами», носили кресты,

посещали по праздникам церкви (если такие имелись в близлежащей округе), назывались данными при крещении именами, но не понимали и не делали попыток понять чуждую им религию, оставаясь в душе приверженцами своих богов и духов.

Освоение Восточной Сибири шло через тундровые и таежные районы, т.к. главным стимулом в этом процессе было «мягкое золото», в изобилии добываемое промысловиками в названном районе. Причем на реках Таз, Турухан, в низовьях Енисея русские «промышленные люди» появились задолго до присоединения Западной Сибири. Уже в 1570-х годах русские поморы на своих кочах проходили из Белого моря в устье Енисея, проникая в легендарную Мангазею, налаживая там оживленную торговлю с местными племенами, устраивая зимовья. Поморами был налажен Мангазейский морской ход, которым они из Поморья вдоль побережья доходили до полуострова Ямал, преодолевали его волоком и попадали в Обскую губу. В 1619 году русское правительство, обеспокоенное попытками голландцев и англичан освоить дорогу на Обь и Енисей, а также недовольное беспошлинным вывозом сибирской пушнины, запретило Мангазейский морской ход. Эти события положили начало освоению южных путей из Западной Сибири в Восточную по притокам средней Оби, особенно по реке Кеть. Недалеко от ее истока, на берегу Енисея, в 1619 году был поставлен Енисейский острог (ныне город Енисейск).

Местное население: селькупы, кеты, самодийцы - достаточно быстро признало русскую власть, т.к. терпело большие притеснения от «немирных тунгусов», в этот период также осваивавших новые территории и оказавших пришельцам упорное сопротивление. Около 10 лет длилось противостояние русских и тунгусов, пока вооруженный отряд в 30 человек под командованием Петра Бекетова не нанес поражение тунгусам на р. Ангаре.

Во многом успех освоения Сибири был обязан деятельности таких выдающихся землепроходцев, истинных пассионариев, как П. Бекетов. Он отличался не только личной храбростью, предприимчивостью, но также дипломатическими способностями, предпочитая в отношениях с сибирскими инородцами мирные переговоры и убеждения. П. Бекетов стал основателем многих сибирских острогов: Рыбинского, Братского, Ленского, Олёмкинского, Усть-Прорвинского, Иргенского, Ингодинского, Нерчинского – большинство из них стали впоследствии городами. По его приказу в 1654 году казаками была распахана и засеяна земля около Иргенского и Шилкинского острогов, чем было положено начало земледелия в Забайкалье.

Освоение Прибайкалья шло под знаком ожесточенного сопротивления бурятов, спровоцированного насилием над местным населением отрядами енисейского воеводы Я. Хрипунова и красноярскими казаками, хотя годом ранее П. Бекетов смог установить с бурятами мирные отношения и даже получил ясак¹. Необоснованное насилие, а также строительство Илимского и

¹ Интересна этимологическая подоплека этнонима «буряты» – он происходит от названия тюркоязычного племени бурутов, обитавшего в Приангарье в XII-XIII вв. и постепенно омонголившееся. Енисейские татары звали их «пыраты», а русские переименовали в «братья», «брацкие люди», распространив это название на монголоязычное население Прибайкалья и Забайкалья. В этой форме этнонима прослеживается не только

Братского острога на «породных» землях бурят, привели к настоящей войне, длившейся около 30 лет. Но это противостояние сопровождалось постройкой острогов (Нижеудинского, Верхоленского, Осинского, Балаганского), которые медленно, но верно закрепляли сибирские земли за русским правительством. С основанием в 1661 году на Ангаре Иркутского острога присоединение Прибайкалья было закончено.

Забайкальские земли осваивались преимущественно мирным путем. К реке Лене, в якутские земли шли служилые люди, промышленники за ружьядью, а также «для проведыванию о серебряной руде и прииску новых земли». Буряты и большая часть тунгусов, страдавших от набегов северомонгольских ханов, добровольно признали русское подданство, в то время как сами монголы, находясь в сложных отношениях с маньчжурами и джунгарами, не могли воспрепятствовать русскому продвижению в Забайкалье.

Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, это был еще и сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию. С установлением новых государственных границ имперская политика не завершается, а только начинается, переходя в фазу длительного процесса интеграции новых территорий и народов в общеимперское пространство.

В условиях изменившегося характера войн, которые перестали быть династическими или колониальными, превратившись в национальные, внимание имперских политиков и идеологов устремляется к вопросам «племенного состава» империи. Народы империи начинают разделяться по степени благонадежности, имперскую верноподданность этнических элит стремились дополнить чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Население национальных окраин русское правительство стремилось разредить «русским элементом», стараясь минимизировать инонациональную угрозу как внутри, так и извне империи.

Для укрепления имперских земель необходимо было помимо решения военных и административных задач создать необходимую критическую массу русского населения, которое и станет демографической опорой государственной целостности. Русское население на окраинах становилось проводником и заложником имперской политики.

Таким образом, важнейшую роль в строительстве Российской империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Это была сознательная политическая установка.

Вольно или невольно, крестьянская колонизация становилась важным компонентом имперской политики, а крестьяне – самым эффективным проводником имперской политики. Так, освободив ссыльных и каторжных и направив их в Приамурский край, Н.Н. Муравьев-Амурский напутствовал: «С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...» [Ремнев, http://zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation/].

попытка русифицировать тюркское слово, но и придать ему понятный, а, значит – актуальный, смысл. Мирные инородцы, обладающие меньшим набором цивилизационных признаков, воспринимались русскими нередко как младшие братья, нуждающиеся в опеке и защите от более воинственных соседей.

Промышленные и служилые люди двигались в авангарде новых поселенцев Сибири, осуществляя культуртрегерский марш-бросок, налаживая контакты с инородцами, закрепляя свои позиции постройкой острогов, заимок, тем самым закладывая основы городской культуры новой стадии цивилизационного процесса в Сибири. Но была еще одна субэтническая группа русских переселенцев, которая в своем землепроходческом устремлении имела свои специфические особенности, свои особые цели и ценности и, в конечном счете, свои результаты культурогенеза. Речь идет о староверческих поселениях на юге Сибири (так называемых кержаках или раскольниках).

По устным преданиям самих староверов, а также по сведениям томских епархиальных властей известно, что раскольники появились в кузнецкой черневой тайге сразу же после раскола, принеся с собой традиции русской жизни московского царства рубежа XVII-XVIII веков и законсервировав их в неизменном виде вплоть до XX века. Несколько позже раскольники переселяются в отдаленные горные места Южного Алтая, в верховьях рек Бухтармы и Катгуни, на «Камень», за что и получили прозвание каменщики. Здесь переселенцы вступают в тесные контакты с аборигенами, потомками средневековых кочевых культур, а также с китайской цивилизацией, т.к. этот край в течение длительного времени играл роль буферной зоны между Россией и Китаем. Нередко к раскольникам «прибивались» солдаты, спасавшиеся от рекрутчины, мастеровые, не выдержавшие каторжного труда на горных заводах и рудниках, и другие.

Старообрядцы сформировали специфический хозяйственно-культурный тип социума, заняв свою экологическую нишу, обеспечившую им эффективные способы выживания. Если поначалу они селились в отдаленных горных ущельях, скрываясь от преследования государства, то с объявлением императрицей Екатериной II в 1791 году прощения южносибирских староверов они переселяются в широкие благодатные Бухтарминскую и Уймонскую долины, где, как им казалось, они нашли земли обетованные – Беловодье. Более того, принятие их в Российское подданство закрепило за царским Кабинетом геополитически важный и весьма обширный район, ставший форпостом русского государства в этом районе Азии. Интересную субкультурную группу представляют забайкальские старообрядцы – *«семейские»* (названы так потому, что «выгонялись» в забайкальскую глушь целыми семьями для развития хлебопашества в регионе).

Широко практикуя заимочную форму поселений, раскольники расселялись в инородческой среде без ущерба для нее. Они также стали впервые в этих районах применять дисперсный (рассеянный) способ использования природных ресурсов. Такой способ хозяйствования позволил старообрядцам органично вписаться в сопредельный мир кочевых оседлых племен региона. Уникальность хозяйственно-культурного типа, сложившегося в старообрядческих поселениях, заключалась в том, что, обладая европейскими традициями и способами хозяйствования, они сумели за короткий срок вжиться в непривычный высокогорный таежный

ландшафт, освоить опыт местных народов и на этой основе создать высокорентабельное товарное многоотраслевое хозяйство, включавшее в себя, помимо земледелия и скотоводства, такие промыслы, как охота, сбор кедрового ореха, горное пчеловодство. Раскольники активно развивали мараловодство и селекционное коневодство. Они также весьма охотно занимались торговлей со среднеазиатскими купцами. Но наиболее выгодной считалась торговля с китайцами и монголами, большим спросом у которых пользовались панты маралов и пантовая продукция. Можно сказать, что старообрядцы стояли у истоков русско-китайской торговли, активно продавая в Китай, помимо пантов, сельскохозяйственную продукцию (хлеб и муку).

В основе социокультурного мироустройства кержаков лежали такие культурные смыслы, как «семья», «община», «культ старших», «вольница», формирующие поведенческий тип данного субэтноса. В хозяйственной деятельности эти культурные смыслы (логосы) реализовывались в виде промысловых артелей и семейных коопераций; социальные отношения вылились в новую модель местного самоуправления, основанную на сочетании патриархальных устоев со стремлением предприимчивых личностей к самостоятельности, к «вольнице» – своеобразный вариант крестьянской демократии, основанной на духовно-нравственных стимулах хозяйственной и предпринимательской деятельности. С одной стороны, необходимость выживания в экстремальных условиях горной тайги, с другой – восприятие жизни старообрядцами как постоянного труда, сформировали у них особую систему ценностей, доминирующую роль в которой играл концепт трудовой аскезы, сочетавшийся с ценностями зажиточности, жизненного благополучия. Все эти качества способствовали формированию высокого уровня зажиточности: добротные дома с большими застекленными окнами, яркая шелковая и хлопчатобумажная одежда, китайские халаты, в обиходе фарфоровая посуда и лаковые деревянные изделия и, как следствие, большинство раскольников были долгожителями [Мукаева, 1998, с. 112].

4.3. Города Сибири

4.3.1. Особенности сибирской урбанистики

Практически все города Сибири сформировались в результате колонизации, из опорных пунктов, представлявших собой одновременно военно-административные центры и торгово-промысловые фактории, вместо естественных процессов перерастания сельских поселений в городские (как это происходило на остальной территории Руси).

В отличие от европейской части России, города в Сибири возникали раньше, чем села. Это определяло специфику формирования социальной среды поселения, ее архитектурной застройки. Сибирские города, как определяет Д.Я. Резун, «стали средоточием военно-служилого населения, самого энергичного и «культуртрегерского» слоя сибиряков, горизонт мировидения которых был несколько шире, чем у крестьян» [Резун, 2001, с. 3]. Их пространственная среда обладала определенным набором компонентов, не

только отличавшим городское поселение от деревни, слободы, но и определенным образом формировавшим городской облик культуры. Так, воеводский двор с приказной избой играли роль органов управления и официальной информации; рынок, помимо экономических функций, выполнял функционал «зрелищно-информационно-сервисного центра» [Резун, 2001], где не только продавали различный товар, но и оглашались распоряжения властей, производились экзекуции, завязывались знакомства; кабаки также вносили свой, совершенно неизвестный деревне компонент в формирование городской культуры. Все это разнообразие товаров и людей, сутолока и повседневный распорядок осенялись городскими воротами, которых, как минимум, было двое, символизирующих креативность и открытость городского уклада, уподобление его потоку, совершенно отличающемуся от замкнутого циклического жизненного уклада деревни.

Если в XVII веке городская и сельская культура Сибири имела незначительные различия по уровню экономики, социально-имущественной дифференциации, то к XVIII веку в связи с развитием капиталистических отношений, возникновением промышленных центров, привлечением в Сибирь технической интеллигенции и исследователей-естественников в города начинается приток товаров элитарного быта и культуры, а также импортных товаров. Появляются собственно городские сословия – купцы и мещане (так, по переписи 1782 г., они составляют в Тобольской провинции 33%, в Томской – 38%). Постепенно увеличивается численность дворянства, военных и чиновников: в Тобольской провинции их насчитывается 22%, а в Томской – 28% всех горожан. Многоуровневость сибирской городской культуры проявляется не только в заметном уже социально-имущественном неравенстве горожан, но и в начинающихся складываться соответствующих уровнях субкультуры: крестьянской, полупролетарской, мещанской, купеческой, чиновничьей и дворянской, что теперь качественно отличает городскую культуру от деревенской.

Изменяется облик городов, что свидетельствует об изменении материальных условий жизни горожан. Каменные постройки теперь уже охватывают не только церковное строительство, но и казенное, общественное и даже частное. «Наиболее предприимчивые и удачливые купцы строят свое жилье и торговые помещения уже не просто «по старинке», стремясь лишь к дороговизне и роскоши построек, а привлекают местных и иногородних архитекторов, которые строят здания определенных архитектурных стилей, применяя различные приемы «малой архитектуры» [Каменева, 1994, с. 44]. Каменное строительство явилось важным фактором осознания самими горожанами степени своей зажиточности, о чем свидетельствует тот факт, что наличие каменного дома или даже только первого этажа принимались в качестве объявленного капитала при вступлении в купеческую гильдию. С 1825 по 1847 годы число каменных строений в городах Западной Сибири возросло более чем вдвое – с 66 до 148 домов [Статистические таблицы..., 1852, с. 30-31].

Новым элементом благоустройства сибирских городов становятся городские сады. Их возникновение свидетельствует о складывающемся в органах городского управления интересе к социальной и культурной политике, эстетике формирования городского пространства. Разбитые с учетом паркового искусства периода классицизма, украшенные малыми архитектурными формами, городские сады становятся любимыми местами проведения городских мероприятий и отдыха горожан. Так, даже в провинциальном Ачинске «один из исправников – любитель природы и знаток ботаники – разбил сад на высоком берегу омывающей город реки: посадка деревьев, нечто вроде павильона, аллеи, цветники, – все было устроено как следует» [Резун, 1984, с. 163]. В вечерние и ночные часы города регулярно освещаются керосиновыми фонарями.

Указанные экономические изменения повлекли за собой изменение уровня образованности и просвещенности людей: в городах открывается немало светских школ, библиотеки и даже кое-где – театры. Так, в начале XVIII века в Тобольске открывается церковный театр, в Барнауле – оперный. Изменяется даже празднично-зрелищная культура горожан. Теперь, помимо официальных церковных праздников, а также тезоименитства и дней рождения царей, прибавились празднования «викторий» и царских указов, сопровождавшиеся балами и фейерверками. Судя по различным городским летописям, круг культурно-бытовых явлений сибирских горожан был весьма разнообразен. Их одинаково волновали постройка церквей, присылка колоколов и открытие кружечных дворов; набег калмыков и составление «Написания о взятии Сибири»; явление мощей Семена Верхотурского и падение метеорита; указы о бритье бород и усов, ношении «немецкого платья» и описание празднования «виктории» в Полтавской баталии и т.п. [Резун, 2001, с. 6]. Города Сибири постепенно начинают обретать каждый свой облик, соотносясь с собственными ландшафтными условиями и культурно-хозяйственной деятельностью горожан, нередко оглядываясь на обе столицы и черпая в их силуэтах вдохновение для собственного архитектурного творчества.

Идеи Просвещения, основанные на принципах гражданственности, значительно повлияли и на характер благотворительности: теперь сибирские меценаты не только жертвуют деньги на строительство церквей, но и много вкладывают средств в строительство или содержание школ и училищ, больниц и богаделен. Появляются первые периодические издания – так, в Тобольске начинает издаваться первый литературно-общественный журнал «Иртыш»; несколько позже появляются первые городские газеты в виде губернских ведомостей, включающих в себя как официальные разделы, так и неофициальную городскую хронику.

Главным показателем складывающейся в XIX веке городской культуры в Сибири является процесс формирования особого социального слоя – сибирской интеллигенции. Ее ряды пополнялись не только за счет приезжающих на службу из Петербурга и Москвы служащих горного, металлургического, военного и других ведомств, но также за счет ссыльных правонарушителей,

ссылавшихся в Сибирь со второй половины XVII века и использовавшихся правительством для принудительного освоения территории («штрафная колонизация»); декабристов, оставшихся в Сибири на поселении после тюрьмы и каторги; собственно выходцев из Сибири, получивших образование в столичных вузах и вернувшихся на родину.

В 60-х годах XIX века политическая ссылка в Сибирь приобретает массовый характер. В дальнейшем поток «политических» неизменно возрастал.

Широкое воздействие политических ссыльных на внутреннюю жизнь Сибири показал выдающийся ученый-геолог В.А. Обручев (1894): «Политические же преступники обычно пользуются всеобщей симпатией... Преимущественно преступники этого рода переносят в Сибирь отечественную культуру, пробуждают народную мысль, основывают школы, способствуют процветанию кустарных промыслов и ремесел, занимаются изучением страны» [цит. по Батура, 1996, с. 123]. «Интеллектуальный десант» декабристов в регион не ограничился чисто просветительской деятельностью. Впоследствии ссыльные, в том числе декабристы: Г.С. Батеньков, Н.А. и М.А. Бестужевы, М.С. Лунин, В.Ф. Раевский и др. - стояли у истоков сибирского учительства, положили основания просветительской и культурной жизни регионов. Они выступали за создание ланкастерских школ, т.е. школ взаимного обучения, разрабатывали программы развития культуры и просвещения в Сибири; за создание сети начальных школ и средних учебных заведений, предоставление ссыльным права на обучение детей, казенное содержание в учебных заведениях столицы выпускников сибирских гимназий, открытие университета в Сибири.

Многие идеи патриотов Сибири постепенно воплощались в жизнь. В конце XIX века в Западной Сибири было уже несколько десятков городских приходских училищ, действовали семинарии в Тобольске, Иркутске и Томске, развивалось среднее образование. Сами города непрерывно росли, население их увеличивалось, происходили качественные перемены в мировоззрении людей и в их ожиданиях.

Формирование достаточно устойчивого слоя сибирской интеллигенции способствовало зарождению регионального самосознания, вылившегося в форме «областных» идей и настроений и собравшего вокруг себя многие светлые головы сибирских ученых-естественников, экономистов, философов, деятелей искусства.

Немало этому процессу способствовало развитие краеведения. Доминантной идеей областничества являлась концепция «Сибирь – колония». Причем областники четко разводили понятия: процесс колонизации (заселения и освоения) и колониальная политика самодержавия. Наиболее полное толкование эта концепция получила в фундаментальной работе Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (вышедшей в 1882 и 1892 годах), где весь обширный регион Сибири рассматривался как колонизируемая окраина, в которой царское правительство проводило политику в интересах помещиков и буржуазии центральной России.

На рубеже XIX-XX веков философия сибирских областников определяла главную линию изменений в художественной, научной и общественной жизни

сибирского общества, его культуре в целом. В это же время родилась идея сибирского университета, получившая поддержку в выступлениях Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова и др. На право стать университетским центром претендовали семь городов Сибири. Предпочтение было отдано Томску как городу с самым значительным в то время приростом населения. В 1888 году с медицинского факультета, на который зачислили 72 студента, началась жизнь Томского университета.

Если абсолютное большинство городов Сибири возникало в качестве крепостей и острогов, стратегически закреплявших за Российским государством вновь освоенные земли, то весьма специфичными процессами характеризуется история возникновения и становления города-завода Барнаула, ставшего вторым подобным в России после Екатеринбурга. Как и Екатеринбург, Барнаул появился в результате целенаправленной политики Царского Кабинета, ориентированной на создание горного города, обслуживающего нужды горнопромышленного и металлургического производства, что, в свою очередь, способствовало формированию определенного специфического культурного пространства.

4.3.2. Барнаул – «маленький Петербург»

Петербург, став второй столицей Российской империи, сконцентрировал в себе черты города нового типа – регулярного города, соединив в себе несколько типов городов: «города-крепости, города-порта, города-завода, города-резиденции, которые были гармонично связанными водным простором, доминантами в его облик» [Кобзев, 1998, с. 11], что, по мнению И.И. Кобзева, порождает специфическую топографию новых городов России, ориентированную на какой-либо аспект столицы и выраженную посредством определенных городских архитектурных доминант. Автор утверждает, что в городах-заводах проявлялись архитектурно-топографические аналогии с петербургским Адмиралтейством, в городах-крепостях – с Петропавловской крепостью, в приморских городах-резиденциях – с дворцово-парковыми пригородами Петербурга. Этот процесс формирования градосферы сегодня принято в культурологии называть «феноменом Петербургии» в оппозиции с «феноменом Московии», олицетворявшей материнскую, «горнюю» топографическую субстанцию средневекового русского города.

В Сибири данная константа отчетливо проявилась в облике, городском укладе, социо-культурной политике Барнаула - города-завода, который действительно строился в XVIII – первой половине XIX века по образу и подобию Санкт-Петербурга. Основные типологические черты, связывающие культуру Барнаула и подчинявшихся ему заводов со столичной культурой, заключаются в следующем:

– город строился планомерно как промышленный и культурный центр региона;

– планировка улиц – регулярная, параллельно-перпендикулярная, в отличие от общероссийского принципа градостроения – радиально-концентрического (первые улицы Барнаула: Олонская, Тобольская, Петропавловская - назывались «линиями»);

– первый храм г. Барнаула носил имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла, был построен в стиле барокко архитектором Д.П. Макуловым, в плане имел вытянутый, латинизированный крест и по многим параметрам напоминал петербургский собор Петропавловской крепости;

– первые зодчие Барнаула учились в Петербурге: А.И. Молчанов работал на строительстве сооружений Дж. Кваренги, а Я.Н. Попов на протяжении семи лет учился у К.И. Росси, привезя на родину главный принцип русского творчества – формирование городского пространства через ансамблевые архитектурные комплексы, и воплотил этот принцип в ансамблях Барнаульского завода, Петропавловской улицы, Соборной и Демидовской площадей;

– комплекс Демидовской площади, воплощающий в своем облике основные принципы русского классицизма, напоминал приезжим «уголок Петербурга»;

– обучение интеллигенции, технических работников и деятелей искусства (урожденных барнаульцев или жителей Алтая) в Санкт-Петербурге, в том числе губернатора П.К. Фролова, начальника Колывано-Воскресенских заводов Г. Качка, врача, члена-корреспондента Академии наук П.И. Шангина, архитектора А.Д. Крячкова;

– в Барнауле работали и служили многочисленные выходцы из петербургских средних и высших учебных заведений, впоследствии выдающиеся деятели науки, техники и искусства: художник-пейзажист В.П. Петров, первым зарисовавший заводы, горные выработки, быт и типажи жителей Алтая; академики Санкт-Петербургской Академии художеств: архитектор И.П. Петров (псевдоним Ропет), художник М.И. Мягков; изобретатель русского булата П.П. Аносов, внедривший несколько технических изобретений в металлургическом, золотопромывочном производстве на Алтае, а также организовавший две горно-разведочных партии;

– по эскизам К.И. Росси, Дж. Кваренги, В.П. Стасова на Колыванской камнерезно-шлифовальной фабрике изготовлялись вазы, каминные, колонны, торшеры, столешницы для церквей и дворцов Петербурга, Павловска (в том числе, знаменитая «Царица ваз», хранящаяся в Эрмитаже).

История Барнаула, начавшаяся во времена царствования Петра I, является ярким примером и результатом его новаторской деятельности. При этом неутомимом строителе нового государства Россия вела кровопролитные войны за выход к морю. Для войн требовалось много металла, в это же время в обиход вводится медная монета – возникает крайняя необходимость добывать свои медь, железо, золото, серебро. Царь, направляя рудознатцев на поиски руд в сибирскую глушь, издавал указы: «За объявление руд от великого государя будет жалованье, а за сокрытие – горькое битье батогами и яма». Одновременно с этим Петр I старался приставить к рудному делу самых энергичных людей.

Одним из них был Демидов, точнее, Никита Демидович Антуфьев, в прошлом тульский кузнец. Никита Демидов возглавил железодельное производство на Урале, перепоручив его затем своему сыну – Акинфию. После смерти отца Акинфий Демидов становится полноправным владельцем всех «сибирских заводов».

Первый на Алтае вододействующий Колывано-Воскресенский завод был построен в 1728-29 годах на реке Белой, а в 1736 году Демидов начинает строительство второго медеплавильного завода на притоке Оби – реке Барнаулке. Завод был построен к лету 1744 года – были возведены 6 печей для получения «черной» меди (полуфабрикат) и 3 горна для ее очистки. В 1742 году к строящемуся заводу приписали по 100 дворов крестьян Кузнецкого и Томского уездов.

С 1747 года весь Колывано-Воскресенский горный округ принадлежит царской фамилии, что закрепляет особую внутреннюю регламентацию социокультурного пространства Барнаула, определяющуюся вне действия гражданской власти.

Город-завод находится на полувоенном положении, где существует специальная горная полиция, военный суд, исправительные казармы, гауптвахты, усиленный состав войск внутренней стражи. На заводе сохраняются феодальные порядки, используется крепостной труд рабочих; осуществляется царская монополия на землю, полезные ископаемые, лес. Это влечет за собой запрет на создание крупных частных предприятий, а также запрет на водворение ссыльных и свободное поселение.

Не случаен такой пристальный интерес Царского Кабинета к Алтайским заводам. Алтай становится воистину сокровищницей России. Например, в период с 1786 по 1800 годы алтайские заводы давали серебра около 20 тонн в год, в то время, как нерчинские заводы – около 3-х тонн в год, а европейские – 0,16 тонн в год. Алтайская медь содержала в себе примеси золота и серебра, что позволяло чеканить из пуда меди до 25 рублей медной монеты, в то время, как по России обычно из такого же количества медной руды получалось лишь 16 рублей медью.

Ввиду своего особого положения Барнаул выступает как крупный культурный центр Сибири. Политика Кабинета в отношении города была направлена на создание учреждений культуры, ориентированных на служащих горного округа, в большинстве своем – интеллигентов, выпускников Петербургских учебных заведений – Университета, Кадетского корпуса и Горного училища (позже Горного института). В первой половине XIX века в Барнауле уже существуют театр, картинная галерея, военный оркестр, первые в Сибири метеостанция, ботанический сад, научно-техническая казенная библиотека с системой библиотек Колывано-Воскресенских заводов, типография, архив, в 1823 году открывается первый в Сибири краеведческий музей.

Большую часть населения Барнаула (57,08 %) составляли служащие горного ведомства и заводские мастеровые с семьями. Последние должны были иметь хотя бы начальное образование; наиболее прилежные и даровитые

получали среднее образование и даже могли быть посланы в Санкт-Петербург для обучения в высшем Горном училище или в Университете. Поэтому на Алтае в каждом заводе или при руднике были частные училища, в том числе, в Барнауле – на 250 учеников; также при Окружном управлении в Барнауле было открыто окружное горное училище и два его практических отделения: заводское – для образования заводских уставщиков и горное – для образования горных уставщиков.

Значительная прослойка технической интеллигенции способствовала формированию элитарной основы общекультурного фона; в то же время отсутствие ссыльных, считавших просветительство одной из главных задач своей деятельности, тормозило развитие народного просвещения.

О культурных процессах дореформенного (1861) Барнаула с удивлением отзываются современники: «...подобного гостеприимства я не встречал нигде. Все чиновники находятся в хороших взаимоотношениях друг с другом... В обществе – приличный тон. Среди молодых горных инженеров нередко встречаются люди образованные. Многие из них знают музыку. Господа и дамы танцуют... И мне казалось невероятным, что все, чему я был свидетелем, происходит на расстоянии 5 000 верст от столицы. Дамы являлись одетыми в дорогие нарядные платья, сшитые по последней столичной моде. На столе – самые изящные кушанья. Всю обстановку я нашел такой, какой она бывает только в утонченных европейских кругах. Я был поражен тем, что увидел Барнаул таким цивилизованным» [Ледебур, 1829, с. 254]. А П.П. Семенов-Тянь-Шанский, путешествовавший по Алтаю в 1856-57 годах и проведший в Барнауле всю зиму 1856-57 годов, наделил Барнаул ёмкой культурологической метафорой: «Общество, всё однородное, состояло из очень хорошо образованных и культурных горных офицеров и их семейств, сильно перероднившихся между собою, а также семейств 2-х-3-х золотопромышленников, отчасти бывших в свое время также горными офицерами. Жили они весело и даже роскошно, но в их пирах не было той грубости, которой отличались оргии членов Главного управления Западной Сибири в Омске. Эстетические наклонности горных офицеров проявлялись не только в убранстве их комнат и изящной одежде их дам, но и в знакомстве как с научной, так и художественной литературой и, наконец, в процветании барнаульского любительского театра, который имел даже свое собственное здание. Одним словом, Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, и я прозвал его *Сибирскими Афинами* (курсив мой – И.Ж.), оставляя прозвище Спарты за Омском» [Барнаул..., 2000, с. 13].

Только после реформы 1861 года в Барнауле появляются ссыльные, что приводит к демократизации культуры (в частности, через активизацию народного просвещения – создание бесплатных школ, библиотек, Народного дома как центра народной культуры). А к концу XIX века в результате кризиса горного производства (истощение рудных запасов, вследствие этого – перепрофилирование барнаульского сереброплавильного завода в лесопильный), миграции мещанства и крестьянства из центральных областей России культурные процессы города утрачивают свой элитарный характер.

Статус Барнаула понизился с главного центра региона до уровня провинциального центра, однако к концу XIX века город становится торговым центром округа по купке зерна и других продуктов. Удивительно точная характеристика этим процессам была дана в «Сибирском торгово-промышленном календаре на 1911 год»: «Из мирного и безмятежного «уголка Петербурга», с повадкой не спешащего в делах аристократа, Барнаул становится весьма крупным торговым центром, живым и бойким коммерсантом» [Сибирский торгово-промышленный..., 1911, с. 31]. «Уголком Петербурга» назвал Барнаул и Ф.М. Достоевский, трижды побывавший в Барнауле за время ссылки в Семипалатинске.

Весьма показательной для истории культуры Барнаула является закономерность смены архитектурных стилевых доминант, формировавших облик города и несущих в себе знаковую историко-культурную характеристику.

В конце XVIII – первой половине XIX века в Барнауле градообразующим стилем является классицизм. В этот период Россия становится могущественной империей, сумевшей противостоять натиску бонапартистской империи. Обе державы воплощали свои имперские амбиции в художественных образах классицизма и его наиболее помпезном и декларативном виде – ампире. Но «Русский ампир» отличался от французского более мягким характером. Олицетворением «Петербургского ампира» был К.И. Росси, «он и смягчил своим итальяно-русским вкусом жесткость наполеоновского стиля». (1; 59). Как уже указывалось выше, Я.Н. Попов следует заветам своего учителя, обустроявая далекий сибирский город планомерно и респектабельно. Причем не только жилые и административные здания приобретают стройные классические формы, но и промышленные сооружения оказываются включенными в единое социо-культурное пространство: ансамбль заводского двора был похож на столичную площадь. Ордерные фасады плавильных фабрик, монументальные аркады их стен, обращенные к заводской плотине, напоминали римские сооружения.

Интенсивное освоение Сибири и, в частности, Алтая совпало с Русским Просвещением и созданием Российской Империи в XVIII – начале XIX века. В облике Барнаула, строившегося по образу и подобию столицы империи, эти процессы воплотились в классицистских формах, символизировавших общегосударственные имперские амбиции.

После угасания на Алтае горнорудного производства Барнаул утерял свой статус города-завода, но приобрел славу одного из форпостов международной торговли. И в этот период доминирующим становится так называемый «кирпичный» или купеческий стиль, воплощающий в красном кирпиче фантазии эклектики и модерна.

В период строительства новой «империи» – тоталитарного советского государства – вновь возвращаются классицистские формы, воплощающие свои смысловые константы на новом технологическом уровне сталинского классицизма. Сегодня, на рубеже XX-XXI веков, как и 100 лет назад, Барнаул опять становится купеческим городом. И теперь уже на смену

монументальному неоклассицизму сталинской эпохи приходит краснокирпичный постмодерн.

* * *

Вступление России в эпоху индустриального развития на рубеже XIX-XX веков не могло не отразиться на историко-культурных процессах Сибири. Главными факторами культурного развития этого периода являлось появление сети железнодорожных вокзалов, развитие парохозяйства по великим сибирским рекам, открытие в Томске первого сибирского университета, проведение телеграфа и телефона, а в самом начале XX века до Сибири «докатались» первый автомобиль, кинематограф, электричество. Элементы городского уклада стали проникать даже в сельскую местность, тем самым маркируя всепроникающий характер капиталистических отношений. Так, по свидетельству В.Я. Шишкова, в магазине бийского купца А.П. Фирсова в селе Алейском (ныне – город Алейск Алтайского края) «приказчики в воротничках и манжетах, кассирша в модной прическе – все на городской лад» [Краткая энциклопедия, 94, с. 61].

Сибирь воистину становится житницей России и активно начинает выходить на европейский рынок. Например, голландский купец Крюгер закупал барнаульское масло, вез в Европу и продавал как голландское; в овчинных шубках-барнаулах щеголяли самые заядливые парижские модницы и т.п.. В крупных сибирских городах, таких, как Тюмень, Омск, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск, открываются торгово-финансовые конторы различных английских, немецких, голландских, французских и других фирм и компаний. На сибирском рынке широко были представлены заграничные товары.

Вместе с тем отмена крепостного права повлекла за собой кризис социально-культурного феномена городской культуры. По мнению исследователя урбанистики Сибири Д.Я. Резуна, в этот период «в города и в бизнес хлынули толпы вчерашних крестьян, подчас неграмотных вообще и тем более не имеющих элементарной сословной «грамотности», которая была в ментальности бывших купцов и мещан. Они принесли из деревни жажду быстрого обогащения и утилитарного пользования городской цивилизацией без обогащения городской культурой. Из городской жизни они усваивают в основном традиции и обычаи «жизни на дне», создавая оппозицию внутри материка культуры города» [Резун, 2001, с. 12].

Средние же слои общества, собственно носители городской культуры, в условиях экономических кризисов и последовавших за ними революционных событий не успели сложиться в самостоятельную культуртрегерскую силу и были сметены новым строем, формировавшим уже новые социо-культурные процессы.

4.4. Культурное наследие Алтая в эпоху Нового времени: великие имена и памятники

История культуры Сибири богата на выдающиеся имена и события. Практически каждый её город, губерния, а ныне край, область имеют немало поводов гордиться тем вкладом, который был внесен в контекст общероссийской культуры. Достаточно упомянуть такие имена: композитор Александр Алябьев, уроженец Тобольска; тобольский учитель, уроженец тюменской деревушки, автор изумительной сказки «Конек-горбунок» Петр Ершов; красноярский гений русской исторической живописи Василий Суриков; писатель, актер, кинорежиссер с Алтая Василий Шукшин, космонавт № 2 Герман Титов, поэт Роберт Рождественский – также выходцы из алтайской деревни. Чтобы составить реестр сибиряков – деятелей культуры Российского масштаба, понадобятся десятки страниц.

Так, история культуры демидовского завода, города Барнаула содержит в себе страницы, связанные с деятельностью поистине пассионарной личности – главного командира Кольвано-Воскресенских заводов, позже губернатора Томской губернии (административный центр которой находился в Барнауле) Петра Козьмича Фролова. Сыграв ключевую роль в процессе превращения промышленно-крепостного города в «Сибирские Афины», он сам оказался по сути «сибирским Периклом».

Многими философами, культурологами замечено, что на переломе эпох появляются уникальные личности титанического склада, универсальных знаний, характер деятельности которых представляет собой ярко выраженный креативный тип. В начале XIX века, когда Россия вставала на путь развития промышленного производства, это, по сути, и был переход от средневековой Руси к капиталистической России, переход, основания которого заложил Петр I.

М.С. Каган в монументальном исследовании культуры Петербурга («Град Петров») подчеркивает, что петровский замысел формирования новой столицы решал не только политические, военные и экономические задачи, но он также свидетельствует «о рождении в Петербурге нового для России типа культуры – и материальной, и духовной, и художественной» [Каган, 1996, с. 49]. Первичный синкретизм, лежавший в основании петровской Академии, красноречиво свидетельствует о величии замысла Петра, который «хотел объединить науку, технику и искусство в некий целостный культурный континуитет или, по его собственным словам, «социетет художеств и наук» [Каган, 1996, с. 56].

Но царь также прекрасно понимал, что для развития культуры духовной и художественной необходима крепкая материальная база. Обеспечивая преимущественное развитие материальной культуры в новой России, Петр привлекал в Петербург иностранных мастеров, прикладывал огромные усилия для подготовки своих, отечественных специалистов, посылая их учиться в Европу, и наряду с этими основополагающими мероприятиями формировал новые культурные (художественные, этико-эстетические, просветительские)

реалии. «Вполне естественно, – заключает М.С. Каган, – что при подобном характере культуры *типичными ее представителями* (курсив мой – И.Ж.) становились *разносторонне развитые и многосторонне деятельные люди*» [Каган, 1996, с. 60].

Спустя менее чем сто лет аналогичные процессы разворачиваются в Сибири: появляются талантливые администраторы, уделяющие не только много внимания хозяйственным вопросам вверенных им земель, но и активно развивающие их культурный потенциал. Так, губернатор Сибири (с 1757 по 1763 годы) Ф.И. Соимонов приложил много сил для составления картографии и гидрографии Сибири, составил практический проект «Экстракт о хлебопашестве по всей Сибири», научный трактат «Плавания и открытия, сделанные русскими в Восточном море»; Иркутский губернатор Ф.Н. Кличка построил общественную библиотеку, открыл музей. В летописи Иркутска о нем написано: «... принимал и выслушивал всех ласково и благосклонно, словесные и письменные просьбы решал без отлагательства и мздоимства... Помогал сиротам и неимущим, поощрял торговлю и словом, благо радушием, добротой и благонамеренностью запечатлел в сердцах иркутских жителей надолго о себе славное воспоминание» [цит. по кн. Зуев, с. 193]. В этом же ряду следует особо рассмотреть фигуру П.К. Фролова.

Интересно сопоставить осуществляемые им мероприятия по формированию городской среды Барнаула с деяниями Петра в Петербурге.

Петр I:

- 1709 год – первая государственная школа в России;
- 1711 год – первая типография, выполнявшая и функции издательства;
- 1713 год – первая в стране общедоступная библиотека и книжная лавка;
- основан Ботанический сад;
- Придворный театр;
- 1715 год – Школа словесных наук для детей мастеровых, матросов и «протчих людей», которых готовили для работы на Адмиралтейской верфи;
- основаны хрустальная и стеклянная фабрики;
- 1718 год – заложено здание Кунсткамеры;
- открыта первая в России бумажная фабрика;
- 1720 год – при Берг-коллегии создана химическая лаборатория, а при аптекарских огородах – химико-фармацевтическая лаборатория;
- построен театральный и оперный дом и т.п.

[Каган, 1996, с. 45-48].

Петр Фролов – внук мастерового, сын изобретателя-гидротехника Козьмы Дмитриевича Фролова, «талантами подобного Ползунову», по отзыву одного из указов Царского Кабинета. В 1817 году П.К. Фролов был назначен начальником округа Кольвано-Воскресенских заводов, а в 1822 году – Томским гражданским губернатором. К тому времени он уже успел поработать на Змеиногорском руднике, для которого:

– в 1809 году построил по собственному проекту одну из первых в России чугунно-рельсовую дорогу между рудником и заводом в Змеиногорске. За годы своего правления много сделал по механизации рудников и заводов;

– в 1823 году по распоряжению П.К. Фролова, уже губернатора, построена первая в Сибири бумажная фабрика, для чего им был послан в заграничную командировку механик-изобретатель П.Г. Ярославцев;

– в 1824 году открыта первая типография, где первым мастером стал рудосборщик Д. Аркашев, посланный П.К. Фроловым в столицу для освоения типографского дела;

– основаны метеорологическая и магнитная станции;

– в период правления Фролова Барнаульский стеклянный завод стал выпускать не только зеленое техническое стекло, но и хрусталь, из которого изготовлялась изящная посуда, винные бутылки, сосуды для горно-химической лаборатории, а также одно время выпускался фарфор;

– по инициативе губернатора в Барнауле началось строительство архитектурного ансамбля на Демидовской площади, для чего специально был послан в г. Санкт-Петербург Я.Н. Попов с целью обучения искусству градостроения в Петербургской Академии, а затем для стажировки у К.И. Росси;

– начато строительство горного училища;

– совместно с Ф.В. Геблером основал первый в Сибири музей (1823 год), для которого были изготовлены 43 модели станков, машин, механизмов, в том числе и «огненная машина» И.И. Ползунова. Ф. Геблер подарил музею энтомологическую коллекцию, не потерявшую своей научной значимости и теперь. В музее была собрана богатая коллекция чучел животных Алтая, а также выписывали из других стран чучела «диких животных» – броненосца, хамелеона и т.п.;

– по распоряжению губернатора в Барнауле были разбиты два городских сада для отдыха горожан: один на месте бывшего аптекарского садика, с прямыми аллеями, «во вкусе Ленотра» [Барнаул..., с. 34], другой вокруг дворца начальника горных заводов, также доступный для народных гуляний. Благодаря усилиям П.К. Фролова Барнаул к середине XIX века становится одним из самых зеленых городов Сибири. На плане города 1837 года отмечены большие массивы зеленых насаждений на заводском дворе, плотине, по берегам заводского пруда; на центральной магистрали города – Московском проспекте – восемь бульваров с деревьями, посаженными в два ряда;

– помимо существовавшего в Барнауле с 1776 года оперного дома, П.К. Фролов создал оркестр и хор;

– Фролов был известным собирателем и знатоком старинных русских книг, картин и других произведений искусства. Часть своей коллекции (23 картины, в том числе 6 подлинников Н. Пуссена, Лафранка, Доньчи, М.И. Мягкова, а также копии Рембрандта, Лосенко и др.) подарил музею, казенной библиотеке, Дмитриевской церкви, а также Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге.

По словам К. Ледебурга, «он своим образованием и любовью к искусству дал жизни и вкусам барнаульцев совершенно иное направление». В 1830 году неожиданно вышел в отставку и уехал в Петербург [см. Юдалевич, 1992].

Особое место в истории культуры Алтая занимает камнерезное искусство, начавшее свою историю с указа Екатерины II, решившей построить на территории принадлежавших ей алтайских заводов третью (после Петергофской и Екатеринбургской) фабрику для обработки камня. Алтайские камни, не похожие на уральские, поставляли отличный материал, из которого создавались оригинальные изделия для украшения многочисленных залов Эрмитажа и других дворцов. В этот период в результате целенаправленных разведок были открыты уникальные месторождения зелено-волнистой ревнёвской яшмы, черного и серо-фиолетового каргонского порфира, необыкновенной красоты белореченского кварцита молочно-белого, полупрозрачного розового и желтовато-красного оттенков.

Большую роль в развитии камнерезного искусства на Алтае сыграл Филипп Васильевич Стрижков, прошедший путь от промывальщика руды в Змеиногорском руднике до руководителя каменнodelьного производства. Ф.В. Стрижков спроектировал несколько новых станков для обработки камня с большим количеством насадок, позволявших выполнять любые самые сложные конфигурации изделий. Также работа на станке позволяла сократить время обработки камня в 10 с лишним раз (по сравнению с ручной обработкой) и сэкономить железа до 50%, а наждака – до 80%. После посещения Петергофской гранитной фабрики В.Ф. Стрижков подготавливает чертежи, смету и описание 2-й Кольванской шлифовальной фабрики. Еще одной великой заслугой Ф.В. Стрижкова была разработка техники и технологии камнерезного производства по классу крупных изделий и создание единственной в мире школы мастеров резьбы на крупных поверхностях цветного камня.

Наиболее известные произведения алтайских камнерезов – это следующие: две квадратные чаши из каргонского порфира, одна из которых была подарена Александром I Наполеону и сегодня хранится в Париже, другая – в Эрмитаже; подлинным шедевром камнерезного искусства явилась «Царица ваз» из ревнёвской яшмы, украшающая сегодня один из залов Эрмитажа; в конце XIX века на кольванской камнерезной фабрике была выполнена изумительная по красоте и сложности резная яшмовая сень, вознесенная над местом гибели Александра II в храме Спаса на Крови в Санкт-Петербурге.

В области изобразительного искусства практически до конца XVIII века на Алтае профессиональная живопись отсутствовала и была представлена в основном иконописью и крестьянской стеной росписью, появившимися с первыми переселенцами-старообрядцами. Основными мотивами кистевой настенной росписи были цветочные кусты, вырастающие из вазона, цветы-круги, цветы-розетки - знаки цветущей жизни. Эта традиция стеной росписи сохранилась в староверческих («керажцких») селах Горного Алтая вплоть до середины XX века. До сих пор в этих селах сохранились росписи и воспоминания о талантливой русской художнице и поэтессе Агафье Семеновне Атамановой (1860-1942), или, как ее любовно называли в народе, – Агашевне. О ней упоминал в своих путевых записках во время путешествия по Алтаю в

1926 году Н.К. Рерих, остановившийся в доме Атамановых в Верхнем Уймоне.

Иконописное искусство на Алтае имело судьбу весьма трагическую. По мнению искусствоведа Л.Г. Красноцветовой, «...можно, к сожалению, с достаточной степенью уверенности сказать, что современным исследователям богатых произведений здесь ожидать невозможно» [Красноцветова, с. 2]. Виной тому, прежде всего, является предвоенное десятилетие XX века, когда большая часть церквей находилась в разрушенном состоянии, церковная утварь разграблена, ни один храм не действовал, а иконы, в большинстве своем, были либо сожжены, либо кощунственно использованы. Об этом с негодованием сообщал в своем выступлении на I Сибирском съезде художников в 1927 году барнаульский художник А.Н. Борисов: «Часть из них, написанных на полотне (вероятно, среди них были иконы, принадлежавшие кисти художника, академика живописи М.И. Мягкова, написавшего иконы для иконостаса церкви Дмитрия Ростовского, по заказу П.К. Фролова – И.Ж.), пошла на декорации в клубе, часть деревянных икон пошла на крышки отверстий в отхожих местах. Не думайте, что я шучу. Это факт» [Архив ГХМАК, с. 217].

По архивным данным, в XVIII – первой половине XIX веков на Алтае отсутствовала местная иконописная школа. Официальные заказы на иконописные работы заключались как с сибирскими мастерами (из Тобольска, Красноярска), так и с мастерами из центральных регионов России (из Москвы и даже из Риги). В старообрядческих общинах, вероятно, в основном довольствовались привозными иконами.

Среди местных мастеров иконописание в XIX веке приобретает вид «новообрядческого живоподобия», где используются элементы академических живописных стилей. Так, наиболее известен барочный образ «Георгия Победоносца» рубежа XVIII-XIX веков, отличающийся повышенной экспрессией изобразительного языка.

Также к условно местным мастерам исследователи относят упоминавшегося выше академика живописи М.И. Мягкова, преподававшего рисунок в Барнаульском горном училище и выполнившего несколько заказов для заводских церквей Барнаула, Змеиногорска, Сузуна, а также для Никольского собора в Омске. М.И. Мягков писал иконы так же, как и картины, на холстах, что не получило на Алтае распространения и остается редким явлением. Л.Г. Красноцветова, исходя из технологии московского иконописания, констатирует: «...поэтому (? – И.Ж.) ...все они отмечены печатью неодоухотворенности и безликости (во всех смыслах)» [Красноцветова, с. 3]. Однако современниками живопись М.И. Мягкова оценивалась в сибирских городах достаточно высоко, и было известно «много произведений его кисти, считающихся изящными...» [Степанская, 1998, с. 85].

Звание академика исторической и портретной живописи М.И. Мягкову принесло написание картины «Сцена из жизни дикарей», экспонировавшейся на академической выставке в Петербурге в 1833 году под названием «Сцена из семейной жизни бурятов». На самом деле художник изобразил семью кумандинцев, проживавших тогда в округе Телецкого озера. Ныне картина

хранится в Русском музее в Санкт-Петербурге. В произведении чувствуется неподдельный интерес художника к деталям национального уклада, к костюмам, предметам кочевого быта. Выполненная в традициях академической живописи первой половины XIX века, картина отличалась новизной сюжета – до Мягкова никто из русских художников не писал сцен из жизни аборигенов Сибири.

Первым пейзажистом, «первопроходцем в художественном освоении Горного Алтая» [Степанская, 1998, с. 55], создавшим также первые изображения Барнаула и его сереброплавильного завода, направленным по высочайшему повелению царя Александра I «на Уральские и Сибирские заводы и рудники для снятия внешних и внутренних видов оных» (там же), оказался выпускник С.-Петербургского Горного корпуса Василий Петрович Петров (1770-1810), первый профессиональный художник на Алтае, оказавшийся здесь в казенной командировке (около 10 лет), продлившейся до конца его жизни. После смерти художника Канцелярия Барнаульского сереброплавильного завода отправила в Петербург двести одиннадцать работ: акварелей, гуашей, эскизов маслом и рисунков карандашом с видами сибирских горных заводов, горных пейзажей Алтая, имевших не только ценность исторических источников, но и обладавших высокими художественными достоинствами (около ста семидесяти из них сегодня хранятся в отделе рисунка в Государственном Русском музее).

Художественная культура классицизма как одного из стилевых направлений раннебуржуазного типа культуры отмечена доминирующим влиянием принципов театральности во всех видах искусства. Разнообразные элементы театральной деятельности: маскарады, балы, фейерверки, музыкальные и литературные вечера, «живые картины» – чрезвычайно оживляли светский быт барнаульцев. Имелся в Барнауле и Театральный дом, построенный в 1776 году. Это было первое в Сибири и одно из первых в российской провинции специально возведенное для театральных представлений здание. По аналогии со столичным, екатерининским, театром его еще называли «Оперным домом», так как здесь ставились музыкальные спектакли. Сохранилось описание здания театра, представлявшего собой одноэтажное строение, срубленное из половинных бревен и крытое тесом, длиной около 30 м и шириной 13 м. Театр имел квадратную сценическую площадку (6,4 м x 6,4 м), приподнятую над полом на 0,7 м, и зрительный зал площадью около 100 м². В зале (вместимостью около ста человек) стояли два ряда скамей для публики и кресла для знатных особ. При сцене были «горенка убиральная», помещения для реквизита и декораций. При помощи большой кирпичной печи отапливались и зрительский зал, и фойе с гардеробом. Труппа театра набиралась из «охотников играть комедии» – добровольных актер-любителей из числа младших горных офицеров и солдат Кольвано-Воскресенского батальона, не более десяти человек. Спектакли устраивались обычно на праздники, а также в воскресные и «викториальные» дни. За зимний сезон труппа давала от двадцати до тридцати спектаклей, за летний – восемьдесят.

Помимо музыкальных спектаклей, на сцене театра нередко давались музыкальные вечера и концерты военного оркестра, которым руководил капрал Степан Иванов, один из передовых музыкантов того времени, создавший в Барнауле первую музыкальную школу.

К середине 80-х годов XVIII века театр становится полупрофессиональным, так как основной деятельностью «актеров» было еще не актерство, однако, собственно деятельность труппы становится сезонной (а не эпизодической) и профессиональный уровень спектаклей значительно возрастает по сравнению с ранним, любительским этапом. Немаловажным оказывается тот факт, что барнаульский Театральный дом являлся первой сибирской моделью екатерининского театра, которую царица сама и сформулировала: «Театр есть школа народная; она должна быть непременно под моим надзором, я старший учитель в этой школе, и за нравы народа мой первый ответ Богу». В Книге ведомостей казенных строений Барнаульской горной конторы за 1780 год есть уникальная запись, раскрывающая значение Театрального дома: «Во оном производится разного звания молодым людям обучение или разговоры от светских гисторий, для чего оный дом только и состоит» [цит. по кн. Барнаул..., 2000, с. 94]. Таким образом, русский классицистский театр (как в столицах, так и на периферии), подобно греческому классическому, являлся «школой жизни», выполняя главную задачу своей эпохи – просвещение молодого поколения, воспитания в нем благородных чувств и стремлений.

К концу 20-х годов XIX века сцена барнаульского театра из-за ветхости строения здания была перенесена в помещение Алтайского горного собрания – двухэтажное здание «высокой архитектуры». В период правления П.К. Фролова в Горном собрании устраивались благотворительные вечера, балы и обеды, сопровождавшиеся литературными чтениями, концертами и спектаклями. К середине XIX века, когда Барнаул становится признанной столицей горного дела в Сибири, самым культурным и просвещенным городом региона, театральная жизнь города достигает своего расцвета, о чем красноречиво свидетельствует П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своих дневниках: «...Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном здании барнаульского театра. Многие из членов барнаульского общества выдавались своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер Самойлов, младший брат знаменитого артиста (Василия Васильевича Самойлова, сорок лет игравшего на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге – И.Ж.), даже превосходивший своим природным сценическим талантом своего старшего брата и выделившийся еще в то время, когда оба они воспитывались в горном корпусе...» [Юдалевич, 1992, с. 102]. Среди драматических артистов знаменитому путешественнику запомнился «молодой горный инженер Давидович-Нащинский. В женских же ролях две из жен офицеров были тоже очень выдающимися артистками» (там же). Репертуар этого периода включал в себя произведения А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.Ф. Писемского, а также заметное место занимали комедии, драмы и сценки из городской жизни.

Еще один эпизод Барнаульской театральной жизни связан с творчеством Ф.М. Достоевского, первым сибирским произведением которого, написанным в ссылке, была комедия «Дядюшкин сон». Вполне возможно, что это произведение предназначалось для барнаульской сцены, наверняка известной писателю, который, будучи в Барнауле, останавливался у своего друга и соратника по петрашевскому периоду П.П. Семенова-Тян-Шанского. По этому поводу театровед И.Н. Свободная утверждает: «...и хотя Достоевский переделал начатую им комедию в комическую повесть, Сибирские Афины могут гордиться тем, что вдохновили писателя на первую и единственную серьезную попытку написания для театра» [Барнаул..., 2000, с. 97].

* * *

Эпоха Просвещения в России ознаменовалась стремительным процессом модернизации на всех уровнях бытия: социальном, политическом, экономическом и культурном, что позволило ей выйти на уровень европейской цивилизации. Причем следует отметить, что научно-технический прогресс осуществлялся не только позитивистскими и технократическими средствами, но и путем глубинных культурных преобразований. Согласно утверждению М.С. Кагана, «Русское Просвещение потому могло осуществить замыслы Петра, развитые Екатериной II, что и он, и она понимали необходимость формирования нового типа личности, способной их воплотить. Нужно было вырастить поколения новых людей, которые владели бы необходимыми для развития страны профессиями, но не ограничились бы этой частной деятельностью и становились просвещенными людьми, преданными национальному делу патриотами» [Каган, 2001, с. 161]. И такие люди появлялись и выполняли свою миссию не только вблизи трона. Далекая Сибирь перестает быть экзотической периферией, она активно включается в процесс формирования нового государства, с новой экономикой, новым человеком, новыми отношениями. И роль Алтая и, в частности, его административного и промышленного центра в данном процессе весьма существенна: он именно и был той кузницей, где создавался новый тип личности: человека нового времени – просвещенного интеллигента и патриота.

4.5. Эволюция духовных исканий на Алтае

4.5.1. Исконные верования жителей центрального Алтая

Центральный Алтай – это не только перекресток путей народов, это не только место встречи древности и современности, это ещё и котел, в котором переплавлялись духовные накопления народов: как тех, что населяли его, так и тех, что проходили через него: кто торговыми тропами, а кто и тропой войны.

Именно здесь, на территории Центрального Алтая, сошлись языческие верования алтайцев с двумя мировыми религиями: буддизмом и христианством. Здесь со слов «алтайского Гомера» А.Г. Калкина был записан героический эпос «Маадай-Кара», «Очи-Бала», который признан исследователями достоянием мирового уровня, не уступающим по своим

художественным достоинствам «Иллиаде» и «Одиссее» Гомера. Так же, как и названные поэмы для греков, эти эпические полотна для алтайцев представляют собой «Тайную доктрину», содержащую законченную духовно-философскую космогоническую систему, близкую тем, что даны в учениях Тибета, Китая, Индии.

Буддизм, пришедший сюда двумя путями (с алтайским ламой Боором и с ламами монгольских завоевателей), за 200 лет прижился на алтайской земле, вобрав в себя элементы «белого шаманизма», создал своеобразную форму алтайской духовной доктрины, получившей название «Ак јанг» или «бурханизм».

Христианство представлено здесь двумя ветвями: православием и старообрядчеством. Православие пришло в Центральный Алтай с миссионерской деятельностью первого алтайского священника Михаила Чевалкова, одного из основателей алтайской азбуки и первого алтайского писателя. Религиозно-подвижническая практика старообрядцев, пришедших на Алтай в поисках Беловодья, также сыграла большую роль в формировании духовной культуры края.

Но все начиналось гораздо раньше...

Во все времена человек, пытаясь постичь законы устройства мира, осознавал, что есть высшие силы, управляющие этими законами. Реальные наблюдения человека за окружающим миром, интуитивные ощущения и эмоциональные переживания от общения с силами природы – все это постепенно складывалось в определенную систему знаний, которую можно определить как МИФ. Миф – это не выдумка и не сказка. Это и есть те самые реальные наблюдения и интуитивные прозрения человека, которые он мог изложить только символическим, образным языком. В древности еще не существовало точного языка науки, да и он оказался бы слишком сухим и односторонним, чтобы передать то богатство переживаний, которые испытывал человек, общаясь с силами Природы. Позже из мифа выросли все искусства, все религии и науки в том числе. Но это произойдет гораздо позже, когда появятся на земле государства, цивилизации. А большую часть своей истории человек жил ритмами Природы.

Будучи сплавом сокровенных знаний о мире, космосе, о самом человеке, представленным в образной, метафорической форме, где перемежаются вымысел и реальность, художественность и история, мифы по сей день сохранили свою актуальность. В них в неразделимом единстве представлены поэзия и философия, религия и этика народа.

Мифология коренного населения Алтая обладает стройной структурой, представляющей собой целостную, непротиворечивую систему верований. Как говорилось выше, вера в Синее Небо Тенгри возникла задолго до того, как развилась первая евразийская кочевая империя Тюркский каганат. Тенгри – это Высшая Космическая Сила, несотворимая и неуничтожимая. Тенгри – это Закон мироустройства. Он распоряжается судьбами космоса, государства, народа и отдельного человека. Тенгри-хан мыслился огромных размеров, что отражало его космические масштабы небесного бога, тождественного

самому небу, а титул «хан» указывал на главенствующее положение — во Вселенной или в пантеоне богов. Отправление культуа Тенгри сопровождалось шаманскими практиками. И здесь необходимо особо обратить внимание на то, как связаны между собой шаманизм и тенгрианство.

Шаманизм, который пронизывает все стороны жизни алтайцев, некоторые исследователи, да и сами жители Алтая рассматривают как древнюю, а значит, примитивную форму религии. Это мнение, по меньшей мере, некорректно.

Все религиозные системы рассматривают трёхчастную структуру Вселенной: мир богов, мир людей, мир демонов. Шаманские камлания – это способ взаимодействия с этими мирами. Белые шаманы (камы) могут путешествовать по всем трем мирам. Это самый высокий уровень посвящения. Черные шаманы спускаются в мир подземный к Эрлику, они, как правило, занимаются решением бытовых проблем своих соплеменников, обращаясь к помощи духов срединного и нижнего миров. Шаманизм не имеет записанных священных книг (таких, как «Библия» у иудеев, «Ригведа» у индийцев, тибетская «Книга мертвых» и т.п.), но знания шаманов о мироустройстве соответствуют им и не противоречат этим священным текстам. По большому счету, шаманизм – это «технология» взаимодействия человека со Вселенной. Этими «технологиями» владели все древние ведические системы¹, к которым относится и тенгрианство.

Шаманизм как система взаимодействия с мирозданием выработал определенные условия устойчивой жизни в природной среде. Его законы и правила были взяты из наблюдений за природными силами, которые по всей планете одинаковы. Поэтому, в отличие от современных мировых и национальных религий, в шаманизме нет общепринятой догмы (правил) и, как следствие этого, – нет и почвы для разногласий, разных трактовок догматики. Шаманы разных народов взаимодействуют с силами Природы по единому принципу, но формы обрядов могут быть самыми различными. Единственное правило – вера в Живую Природу и её духов. А способ: как найти общий язык с ними – будет особым у каждого человека. В истинном шаманизме, в его высших идеалах, не существует противопоставления белого и черного. Нет оценки – разделения на плохое и хорошее. Есть только функциональная значимость во всем. Есть причинно-следственная связь. Каждый день, с наступлением нового дня, «правила» общения с духами природы меняются, так как с каждым днем их «настроение» может измениться так же, как и у обычного человека. Потому что изменилась все вокруг: за один день планета Земля и Солнце переместились в пространстве, ситуация вокруг нас изменилась – кто-то родился, умер, радуется или огорчается. А это все есть энергия, и она влияет не только на наше настроение, но и на состояние Природы. Поэтому

¹ **Веды** – (санскр. «знание», от индоевроп. «знать», «ведать») – в узком смысле: священные книги индуизма, представляющие сборники гимнов, богослужебных формул, легенд на ведийском языке. Их содержание составляет область сакрального мифологизированного знания [Яндекс.Словари > Религия, 2007] / В широком смысле: система древних сакральных знаний, рассматривающих универсальные законы мироустройства, высшую трансцендентную реальность. Из ведической системы знаний впоследствии выкристаллизовались все мировые религии.

правила, данные раз и навсегда, в шаманизме невозможны. Каждый раз надо начинать снова. Действовать здесь и сейчас!

В результате гибели Тюркского каганата и последующих волн монгольской интервенции происходило разрушение стройной духовной концепции древних жителей Алтая, основанной на вере в Тенгри. Религиозные верования распались на свои составные части, превращаясь во множество мелких религиозных культов. Но воспоминание о былом духовном единстве жило в подсознании народа, выливаясь в заимствование монотеистических культов и выстраивание на их основе собственной концепции. Так произошло с буддизмом и бурханизмом, а также с православием.

4.5.2. В поисках новых откровений: буддизм, бурханизм, православие

Одно из старейших сел Центрального Алтая, возраст которого уже превышает 400 лет – с. Боочи – расположено в самом сердце Алтая, в Каракольской долине.

Прямо за его околицей начинается один самых грандиозных комплексов пазырыкской культуры – урочище Башадар. По сей день скифские курганы вызывают живейший интерес как ученых (археологов, физиков, ботаников, культурологов и других), так и местных жителей, которые почитают их как места пребывания духов предков и хранителей Алтая.

Именно Каракольская долина и урочище за селом Боочи стали местом возникновения на Алтае буддизма. Это произошло в XVIII веке. Боор, предводитель сёока майманов (одного из родов южных алтайцев), 25 лет учился в Тибете и стал первым из алтайцев, получившим ученую степень доктора богословия. Он прожил 108 лет. Вернувшись на родину, лама Боор поселился в Каракольской долине. Местные жители помнят место, где любил медитировать лама Боор. А на месте кремации (посмертного сожжения) известного алтайского духовного лидера, принесшего в Центральный Алтай учение буддизма, в 1996 году была установлена двухметровая ступа (субурган) из белого гранита с верхней металлической частью, символизирующая Солнце и Луну. Внутри ступы были заложены священные тексты-сутры и благовония, переданные алтайским буддистам далай-ламой XIV специально для этого монумента. В настоящее время все это оказалось разрушено и разграблено. Сейчас буддисты Алтая, Бурятии и алтайские представители рода майман (к которому принадлежал и Боор) ведут сбор средств на восстановление памятника.

Тогда же, в XVIII веке, появляются первые святилища-тагылы, которые, с одной стороны, являются наследием древних традиций алтайского народа, но в период становления буддизма на Алтае испытали на себе его явное влияние. Так, знаменитое святилище Бозыр-Таш, расположенное в Еловской земле Онгудайского района, имеет планировку, соответствующую буддийской мандале. Вероятно, святилище имело большое значение для жителей Центрального Алтая, т.к. именно здесь (в Еловских землях) зайсаны утверждали важнейшие события в жизни своего народа: здесь формировалось войско для битвы между последними правителями Джунгарии – Табачи и Амур

Саной; здесь было принято и подписано двенадцатью зайсанами решение о вхождении Алтая в состав Российской империи в 1756 году. Есть свидетельство, что в этом судьбоносном событии принимали участие и монгольские ламы, которые расписывались за некоторыми неграмотных зайсанов.

Постоянное взаимодействие с Джунгарией и проникновение ойратов в Горный Алтай усиливали влияние ламаизма (монголо-тибетской разновидности буддизма). Еще в первой половине XVII века осуществлялись попытки джунгарских правителей насильственно ввести «желтую веру» (ламаизм) в «Кан-каракольской землице», расположенной на территории современных Онгудайского и Усть-Канского районов. Эта земля, в частности, западноалтайские горные степи (Канская, Теньгинская) долгое время входила в состав Джунгарии, где ламаизм был принят уже в 1616 году, а проникать туда он стал гораздо раньше. В будущем Кан-каракольская землица станет ядром новой народности алтай-кижи.

Известную роль в закреплении ламаизма здесь сыграло бегство джунгар после разгрома ханства и оседание их на территории своих бывших данников и союзников кан-каракольцев. Попавший в XVII-XVIII веках на местную религиозную почву, ламаизм не был воспринят целиком, но постепенно, в процессе культурного взаимодействия кан-каракольцев и джунгар, ламаизм перестал восприниматься как нечто инородное, адаптировался к местной религиозной среде. Будучи поначалу «чужим» и навязываемым пришельцами-джунгарами, за 150 лет после падения Джунгарского ханства ламаизм ойратского происхождения стал восприниматься уже как часть собственной, алтайской культуры и постепенно создал почву для возникновения новой веры, получившей название «бурханизм» или «Ак Янг» («Белая Вера»).

Кан-каракольская землица стала колыбелью «новой веры» не на пустом месте. Она подвергалась ламаистскому воздействию, по крайней мере, три столетия. Это легко проследить по следующим признакам:

– Имя Бурхан как имя, обозначающее бога, известно алтайцам издревле и является универсальным центральноазиатским понятием. В ламаизме же Бурханом называют как Будду, так и его изображения.

– Название бурханистских молений – «мургуль» (слово западномонгольского корня) – известно и в ламаистском мире.

– Наименование культовых сооружений бурханистов «курее», «суме» (прямоугольные жертвенники и алтари из дикого камня) – не что иное как использование названий ламаистских монастырей (хурээ, суме).

– Алтайцы помнят древние сказания о том, как ламаисты, борясь с религией местного населения, сжигали камов.

– Наиболее ярко ламаистское влияние проявляется в резком изменении отношения бурханистов к воде. Если шаманисты старались избегать соприкосновений с нею, то представители «белой веры» широко использовали воду в ритуале (омовения, купания в источниках-аржанах, сопровождавшиеся восхвалениями «целебной», «очистительной» силы воды).

В основе учения бурханизма лежала легенда о спасителе алтайского народа Белом Бурхане. Основоположником учения оказался простой алтайский пастух Чот Челпанов, который в мае 1904 года объявил родственникам и знакомым, что к нему явился всадник на белом коне и в белом одеянии. Таинственный всадник возвестил о себе, что он хан Ойрот, некогда добровольно ушедший от своего народа, что он скоро вернется, и велел Чоту объявить алтайцам через его приемную дочь, 12-летнюю Чугул, ряд заповедей и наставлений. Главным требованием Белого Бурхана, по утверждению Чота Челпанова, был отказ от старых шаманских божеств, от шаманов, и организация молений по новой вере.

Основное положение шаманизма – кровавые жертвоприношения – было заменено возжиганием «арчына» (горного можжевельника), кроплением (возлиянием) молоком, маслом или аракой, повязыванием на деревья белых лент или конского волоса, возложением белых, голубых, желтых цветов на жертвенники и т. п. Моления (коллективные!) должны были проходить в определенное время на открытых местах, где нужно было ставить березки и украшать их белыми же лентами (кыйра). В молитвах должно было обращаться к Бурхану, «который живет на небе». Верующие обязаны были ожидать прихода Ойрот-хана – героя, судьи и спасителя.

И Челпанов начал свою миссионерскую деятельность с того, что собирал в долине Теренг, недалеко от Кырлыка (Усть-Канский район) до пяти тысяч соплеменников на бурханистские богослужения, а камов велел сгонять со всего Алтая и заставлял их строить для себя тюрьму из камней, собранных в долине, и уничтожать бубны. Но, по сути, бурханизм оказался реформированным под влиянием ламаизма шаманством. Отбросив кровавые жертвоприношения, поклонение Эрлику, богу подземного мира, он возобновил почитание Уч-Курбустана (почитаемого еще со времен Тюркского каганата) как высшего божества и сохранил поклонение огню. Алтайцы называют новую веру «белой» или «молочной», в противовес шаманизму, который считается «черной» верой и широко практиковался на Алтае.

На ранних этапах бурханисты не принимали шаманизм (вплоть до избиения камов, уничтожения их бубнов и других атрибутов), что вполне закономерно для начального становления новой веры, для того, чтобы отмежеваться от той системы, которая его, по сути дела, породила. Но позже начинается процесс возвращения в «белую веру» собственно шаманистских представлений, разрастается его пантеон, единобожие фактически заменяется политеизмом. В бурханистских молениях поминаются Тенгри, Жер-Суу, Умай-Эне как божества верхнего мира – о них не забыли, хотя боролись с шаманизмом. Также почитают «ээзи» – духов-хозяев конкретной местности, слившихся в образ «Алтайдынг-ээзи» – Хозяина Алтая. Вновь применяется обязательное привязывание лент к деревьям на перевалах, у источников, как выражение благодарности их «хозяевам». А почитание «От-эне» – Матери-Огня - в бурханизме даже возрастает; делается более строгой система запретов, связанных с культом огня, поскольку в бурханизме велика роль идеи «ритуальной чистоты». Развивается особое отношение к «арчыну», связанное с

представлением об «очистительных» свойствах этого растения, «арчын» вообще становится символом принадлежности к «новой вере»: им обменивались при встрече, его клали в огонь, обеспечивая себе таким образом покровительство благих духов и, конечно же, Бурхана.

Но, пожалуй, самым ярким свидетельством преемственности бурханизма, шаманизма и тенгрианства является институт ярлыкчы. «Дьарлык» или «ярлыкчы» с изначальных времен, обладая Священным знанием, использовали его для гармонизации природных сил и взаимосвязей Человека и Природы, вдали от суетной обыденности, без вмешательства в повседневные дела людей. Их звание, произошедшее от корня «дьар» – «весть» - и родственное слову «дьярык» – «свет» - говорит само за себя: в ведической культуре таких людей называют Архаты, Великие Посвященные.

Есть еще одна особенность бурханизма. Ряд исследователей усматривает в нем наличие христианских мотивов. Это также имеет свои причины:

– Бурханизм способствовал выстраиванию системы религиозно-мифологических верований алтайцев, по сути осуществив возврат к монотеизму, утраченному с распадом культа Тенгри.

Некоторые исследователи [Гадышева, 2006, с.125 – 127] находят прямые параллели бурханизма с христианскими обрядами:

1. Православная церковь во время обряда крещения давала имя новокрещеному. Новые «байлу», имена, давали своим последователям и бурханисты.

2. Во время служб священники и их паства стояли. Служители бурханистского культа также читали молитву стоя.

3. Миссионеры вели проповедническую деятельность. Бурханистские агитаторы тоже обезжали юрты алтайцев, разъясняя суть новой религии, обучая хозяев совершению обрядов, пению, т.е. работали с шаманистами, чтобы те перешли в бурханизм.

4. Алтайская духовная миссия запрещала жениться не на христианке и выходить замуж не за христианина. Бурханисты также запрещали не только жениться на христианках и шаманистках, но и требовали даже отказа от общения с ними.

5. Миссионеры во время служб, работы постоянно использовали святую воду. У бурханистов вода с можжевельником также имела функцию очищения.

Эти совпадения не случайны, т.к. православное христианство также давало пример духовного единства и этим было привлекательно.

Православие пришло на Алтай значительно позже ламаизма – с началом деятельности Алтайской православной миссии, основанной в 1830 году преподобным Макарием Глухаревым, ученым архимандритом, одним из самых выдающихся миссионеров Русской Православной Церкви за всю ее многовековую историю.

Два алтайских Макария: преподобный Макарий (Глухарев) и святитель Макарий (Невский), ставший в будущем митрополитом Московским, за свои миссионерские труды прославлены Русской Православной Церковью и причислены к лику святых. Кроме них, Алтайской духовной миссией

руководили такие видные подвижники, как протоиерей Стефан Ландышев, архиепископы Владимир (Петров) и Иннокентий (Соколов) и другие. Их помощниками и деятельнейшими сотрудниками были известные миссионеры протоиереи Василий Вербницкий, Михаил Чевалков, Василий Постников, Гавриил Оттыгашев и многие другие.

Михаил Чевалков – верный помощник преподобного Макария (Глухарева) – будучи крещен архимандритом Макарием, стал первым священником-алтайцем в Алтайской Духовной Миссии, основателем династии православных миссионеров в Горном Алтае. Как писатель является основоположником алтайской литературы.

Алтайская Духовная миссия не была первой по времени учреждения Миссией Русской Православной Церкви в Сибири, не была она и самой большой по многочисленности паствы или по протяженности территории, на которой действовала. Но на Иркутском миссионерском съезде 1910 года она была названа «образцом и руководителем» для других Миссий как наиболее приблизившаяся к идеалу православного миссионерства. Столь высокое признание Алтайская Духовная миссия получила потому, что воспитала целую плеяду миссионеров-подвижников для Алтайской и других Духовных Миссий Русской Православной Церкви, а также потому, что православное просвещение народов Алтая совершалось алтайскими миссионерами в духе евангельской кротости и было подлинно апостольским служением. Некоторых алтайских миссионеров современники еще при жизни именовали равноапостольными или даже апостолами Алтая.

Алтайские миссионеры не только проповедовали Божественное Евангелие людям, еще не познавшим Христа, не только устраивали миссионерские станы, открывали храмы и монастыри. Они создали современную письменность для народов Алтая (взамен утраченной рунической письменности древних тюрков и монгольского письма), одарили их первыми книгами на родном языке, устроили школы и библиотеки, лечили своих подопечных, защищали их от самоуправства чиновников и нечистых на руку торговцев, обучали ремеслам и огородничеству, знакомили с русской культурой. Благодаря бережному отношению к языку и национальным традициям коренных жителей Алтая, содействовали становлению алтайской национальной культуры.

Все первое поколение алтайской интеллигенции – учителя, врачи, писатели, художники – были исключительно воспитанниками миссионерских школ, или детьми алтайцев-миссионеров, или бывшими сотрудниками Алтайской Духовной Миссии (достаточно вспомнить Г.И. Гуркина, М. Чевалкова¹). Миссия издавала книги на алтайском языке, имела врачебную

¹ Гуркин Григорий Иванович – (24 января 1870 – 11 октября 1937) – алтайский художник, ученик И.И. Шишкина. По происхождению – алтаец. Начав творческий путь как ученик И.И. Шишкина, алтайский художник от изображения конкретной природы в ранних работах переходит к созданию больших композиционных картин с передачей характера алтайского пейзажа. Наиболее известные произведения: «Хан-Алтай», «Озеро горных духов», «Корона Катунь» и др. В лучших своих работах он стремится к созданию собирательного образа величавой природы Алтая. В 1937 году художника обвинили в национализме. Погиб он в застенках НКВД. Обстоятельства смерти до сих пор остаются невыясненными. Реабилитирован в 1956 году.

службу в лице фельдшеров и оспопрививателей-миссионеров. Перед революцией 1917 года Миссия имела 30 миссионерских станций, более 40 церквей, десятки часовен, 84 школы, при каждой из которых была устроена библиотека.

Сами алтайские миссионеры успех Миссии видели не в количестве алтайцев, приведенных ко святому Крещению, а в доброй христианской жизни новокрещенных. Священник Макарий Абышкин в своих записках искренне отмечал: «Все больше можешь принести пользы человечеству, если будешь заботиться не столько о том, чтобы воздвигать крыши храмов и домов, сколько о том, чтобы возвысить душу каждого человека». Это изречение я не забываю, и я буду постоянно иметь его в виду и работать по его указанию».

В годы гонений на Русскую Православную Церковь репрессиям подверглись и алтайская интеллигенция, и национальная алтайская культура, бережно хранимая миссионерами. Даже буквы алтайского алфавита, созданного на основе кириллицы, было решено заменить латиницей. Однако лучшие алтайские писатели продолжали тайно использовать миссионерский алфавит.

Важно помнить, что деятельность Алтайской Духовной миссии была нацелена не на внедрение русской культуры, а на донесение до жителей Алтая идеи Единого Бога, проявляющего свою благодать через любовь к людям. Именно эту Любовь и демонстрировали первые алтайские миссионеры через свое служение, чем и привлекли в лоно православной церкви тысячи новокрещенных алтайцев.

Но справедливости ради стоит сказать, что образ национального героя-спасителя Ойрот-хана жителей Алтая был ближе и понятнее, чем образ Христа. И забыв о страданиях и притеснениях, чинимых коренному населению Алтая джунгарами (в Джунгарское ханство входили племена ойротов), алтайцы наделяют Ойрот-хана чертами доблестного воина, богатыря, как бы перенося «великое», «идеальное» прошлое на образ будущего, в котором наступит всеобщее благоденствие.

И эти мессианские настроения алтайцев не только являются наследием других религий: ламаизма (буддизма) или христианства. Алтайский Ойрот-хан – это не Майтрейя буддистов и не христианский Иисус. Это свой, древний, национальный герой, обладающий множеством характерных, специфически алтайских черт.

И поэтому можно сделать вывод, что бурханизм – это не просто «новая фаза» развития шаманизма или деградация какой-либо мировой религии. Это совершенно своеобразная религиозная система, в основе которой заложена идея становления собственной национальности, своей истории.

Особой строкой стоит сказать о **Беловодье** – устойчивой мифологеме русского народа, нашедшей реальное воплощение на земле Южного Алтая.

Чевалков Михаил Васильевич – (1817 – 4 сентября 1901). Протоиерей, первый алтайский писатель-просветитель, верный помощник преподобного Макария (Глухарева). Он прославился многими деяниями. Стал первым священником-алтайцем в Алтайской Духовной Миссии, основал династию православных миссионеров в Горном Алтае. А также он является основоположником алтайской литературы.

В трудные годы религиозных и политических преследований, от тяжкого ярма крепостничества русские люди бежали в глубь страны, в места недоступные, благословенные, туда, где *«текут молочные реки среди кисельных берегов»*, где живут люди счастливо и где хранится тайна мира.

Знающие люди рассказывали: «В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими – там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье» [Рерих, 1992б, с. 236]. Там есть *«белый Латырь-камень»*, всем камням отец... С-под камешка, с-под белаго протекали реки, реки быстрыя по всей земле, по всей вселенной, всему миру на исцеление, всему миру на пропитание...» [Голубиная книга, 1991, с. 35].

Такой Землей Обетованной для староверов стали Уймонская долина и долина реки Ак-Кем, которая вытекает из одноименного озера от подножья *Белухи*. «Ак-Кем» в переводе с тюркского обозначает *«Белая вода»*. И действительно, вода в реке молочно-белая, непрозрачная от огромного количества минеральной взвеси, собранной потоками тысяч ручейков и речек, стекающих с вершин Белухи. А долина реки Ак-Кем славится изобильными целебными травами, вырастающими в рост человека – воистину, «кисельные», сытные берега у молочной реки. Во время путешествия по Алтаю Н.К. Рерих писал в своих путевых заметках: «В области Ак-Кема следы радиоактивности. Вода в Ак-Кеме молочно-белая. Чистое Беловодье...» [Рерих, 1992а, с. 290]. «Белы снега, и бело серебро самой Белухи-Матери. И звучит все Беловодьем. Истинно Звенигород» [Рерих и Сибирь, 1993, с. 4].

Главная горная вершина Катунского хребта Белуха, расположенная на стыке России и Казахстана, издавна является особым сакральным местом и мистическим символом для алтайского, старообрядческого, русского, казахского населения. Белуха в историческом прошлом и настоящем играет важную роль в духовной культуре народов Алтая. Высота горы (4 506 м) такова, что в досоветское время местные староверы без всяких измерений понимали, что Белуха доминирует над остальными горными вершинами, они говорили: «Все горы оказались под горой».

Русские крестьяне так называли вершину, покрытую вечным снегом и отличающуюся необыкновенной белизной. Казахи, проживающие к юго-западу от Белухи, за сверкающие под солнцем ледники называли ее Мус-ду-тау (Ледяная гора) или Ак-тау (Белая гора). По сути, казахский и русский варианты топонима обозначают одно и то же. Существуют и другие названия на алтайском языке, такие, как Ак-Суру (с белой водой), Уч-Айры, или гора с тремя разветвлениями. В настоящее время более распространенным является алтайский топоним «Уч-Сумер».

Нередко в алтайских сказаниях рядом с горой Сумер упоминается Молочное озеро, Сют-коль, – небесный источник жизни. «Молочным оно названо потому, что молоко – символ чистоты и святости у скотоводов Центральной Азии» [Сагалаев, 1984, с. 66]. Удивительно, насколько разные мифологические системы (русская, алтайская, буддийская), тесно переплетаясь

между собой, дополняя друг друга, выстраивают стройную непротиворечивую картину мира.

Каждый народ хранит в своей памяти предание о центре Вселенной – о Мировой Горе. Буддисты говорят, что Мировая гора Меру состоит из чистого золота и находится на Севере, а у подножья ее Молочное озеро. Алтайцы называют ее Сумеру, также – «Белой горой» (Ак-Сумёр), ослепительно сияющей.

В русском апокрифе (неканоническом религиозном сказании) XIV века «О всей твари» Мировая гора зовется Адамантин. Адамант – древнерусское название алмаза. Это определение центра мироздания, Мировой горы повторяется в русских народных сказках и фольклорных текстах: хрустальная гора, стеклянная, ледяная. В славянских мифах и сказках центром мироздания называют «Бел-горюч камень Алатырь». Опять же символика ослепительного сияния белого цвета содержит в себе смысл духовной чистоты и божественного происхождения.

Белуха... Беловодье... «Северная Шамбала»... В книге «Сердце Азии» Н.К. Рерих приводит «Пророчества о Шамбале и Майтрейе», где не раз встречается понятие «Северной Шамбалы»:

«...Легендарная гора Меру по Махабхарате и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях – обе лежали на север...» [цит. по кн. Беликов, Князева, 1996, с. 128]. А с Алтая, с севера, из Беловодья, идут люди на юг, искать Шамбалу: «Истинно, Алтай-Гималаи – два магнита, два равновесия, два устоя» [цит. по кн. Рериховские чтения, 1976, с. 114].

В Уймоне Рерихи узнают о реальных путешествиях в Шамбалу (Беловодье). «Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье... В 1923 году Соколиха с бухтарминскими поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье» [Рерих, 1992 а, с. 281]. «Много народу шло в Беловодье. Наши деды Атаманов и Артамонов тоже ходили. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать» [Рерих, 1992 б, с. 236-237].

Для алтайцев образ священной Белухи окружен многочисленными мистическими запретами. Возле Белухи алтайские охотники никогда не охотились. На перевалах, ведущих к вершине, повязывались ленты (кыйра) и сооружались обоо-таш. Но в непосредственной близости от Белухи в досоветское время не было ни повязанных лент, ни обоо-таш. Мужчины могли прийти помолиться Хозяину Алтая, но только до определенной черты у подножья горы. Женщинам никогда не разрешалось близко подходить даже к этой черте.

С Белухой и окружающей ее территорией связано много легенд, мифов, преданий, поверий, былей. Есть такая легенда:

Будет на земле время землетрясений, наводнений. Начнется война, и погибнет много людей. Но перед Белухой все остановится. Из горы выйдет женщина, она прекратит войну, и после этого начнется «золотой век».

Интересно, что на Белухе есть пятно, напоминающее по очертаниям женщину с ребенком на руках. Его называют «Мать Мира». Есть и другая легенда о том, что перед концом света упадут все вершины Белухи. Вот почему изменение очертаний двух «спиц» (так местное население называло ее вершины) в начале XX века породило тревогу у населения и активизацию национального и религиозного движения, оформившегося в религиозную систему бурханизма.

В глазах местного русского и алтайского населения, южно-алтайских казахов и староверов Белуха – это сакральное место, имеющее важную этнокультурную ценность и мистическое значение. Общеизвестно, что у местных жителей высокие снежные горы, покой которых они старались не нарушать без особой нужды, всегда служили предметом духовно-мистического почитания. В досоветское время никто из них не смел подниматься на вершины гор, ведь дух (Хозяин) Алтая обитает на самой высокой горной вершине. Поэтому понятно особенное и трепетное отношение алтайцев к Белухе. Местные жители не подходили близко к этой священной горе, опасаясь потревожить Хозяина гор. Еще с большим трепетом к высочайшей вершине Алтая относились южно-алтайские казахи, которые боялись поднимать глаза на сверкающие величественные шапки двурогой Белухи.

Сокровенные сказания Алтая, как древние, так и ныне живущие, хранимые коренным и старожильческим населением, окутывают мистическим ореолом эту благодатную землю и создают почву для многообразной, порой противоречивой, но неизменно притягательной картины мира ее жителей.

ГЛАВА 5. КУЛЬТУРА СИБИРИ ОТ НАЧАЛА XX ВЕКА ДО РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

5.1. Становление советской культуры Сибири как специфического культурно-исторического типа

У каждого человека, кем бы он ни был, рано или поздно возникает пронзительное желание узнать – кто он и что значит для людей там, где живет?

В.Г. Мордкович

XX столетие приобрело в логике развития культуры Сибири особый смысл. Окаймленное двумя мощными переходными эпохами, оно само стало грандиозным рывком. По меткому метафорическому выражению И. Ильина, «это был великий подъем глубин, жажда света, стремление к небу, извержение творческой воли... Восстала мечта о новых, совершеннейших формах, о новом богатстве бытия, о приближении земли к небу...». Это цитата из книги «Поющее сердце» известного русского философа, из его новеллы «Горы». Именно в образе грандиозной горной гряды, в которой непредсказуемо сменяются подъемы и спады, плавные склоны переходят в отвесные обрывы, предстает культура Сибири XX века, если попытаться окинуть ее единым взором. Здесь явно просматриваются и неоднократные попытки подъема по ступеням просвещения, становления новой культуры в самых отдаленных «глубинах» сурового сибирского края, и неожиданные срывы и откаты назад в

социальном, экономическом и культурном развитии, и – то осознаваемое, то искусственно выстраиваемое руководителями государства движение народа к «свету», «небу», но, несомненно, – «извержение творческой воли»!

Происходящие в XX веке в Сибири процессы вполне можно прочесть как культурно-историческое воплощение «восставшей мечты» – мечты о новой стране, о новой пролетарской культуре, о новом человеке – строителе коммунизма – и о сказочном в своей идеальной недостижимости коммунистическом устройстве жизни. Мечта родилась, зрела и укреплялась, требовала своего воплощения. «...Это было буйное восстание, страшное и хаотическое. Но оно шло из последней глубины; оно было искренне, и искры его летели к небу: оно было пламенное, и пламя его молилось Творцу; и от этого огня плавилась утеса, и первобытные камни текли потоком...» [Ильин, 2006, с 140].

5.1.1. «Великий переход»: особенности модернизации культуры Сибири в предреволюционные годы

Типологическая общность культурно-исторического развития Сибири, России и человечества в целом на рубеже XIX и XX столетий проявляется в сходстве происходящих в них процессов, но их характер и темпы имели на всех уровнях ярко выраженные особенности. В эти годы культура Сибири (как и России в целом) вступает в новую фазу, сущность которой культурология характеризует через понятие «Модернизм». Мощные социальные катаклизмы – две мировые войны и две революции – обусловили линию ее развития на целое столетие, уже в самом начале которого многие присущие ей противоречия обострились до предела.

Если в предшествующие века в культуре Сибири было заметно достаточно четкое последовательное чередование стабильных и переходных состояний, то к XX веку скорости сжимаются, в результате чего все столетие можно с полным правом отнести к глобальному переходу, внутри которого, на других системных уровнях, тоже просматриваются периоды относительной стабильности. В Сибири, как и во всей России, на рубеже веков вступает в силу длительный процесс нарастающей модернизации, связанный с активным развитием городов и техники, но в сибирском регионе он имеет свою специфику.

Важнейшее свойство культуры Модернизма – устремленность к новизне, отрицание прошлого [см. Каган, 1997, с. 501]. Во всех регионах Сибири в начале XX века определяющим качеством культуры становится радикальный и бескомпромиссный разрыв с прошлым. Начало нового витка эволюции культуры отмечено в ней стальной линией Транссибирской магистрали, вечной границей отделившей прошлую эпоху от эры грандиозных перемен. Они не замедлили проявиться во всей полноте и силе буквально с первых десятилетий XX века.

Основным вектором развития Сибири становится движение от аграрного общества к индустриальному: «Именно этот процесс являлся главным движущим механизмом жизни страны, а прочие экономические, социальные и

политические процессы были производными от основного сущностного течения истории. Становление индустриального общества в каждом регионе России имело свои особенности, хотя в основном определялось общероссийскими факторами» [Зиновьев, 2003, с. 19-20]. Автор указывает три обязательных на этом пути стадии эволюции, которые непременно должны пройти все общества: аграрную, индустриальную и постиндустриальную, или информационную. Переход от аграрной стадии к индустриальной получил в науке название модернизации. Это важнейший для культурной эволюции процесс, так как показывает степень развития технологии жизнеобеспечения и определяет меру зависимости человеческого общества от окружающих условий. Грамотное освоение новой техники и технологий является движущей силой положительной эволюционной динамики общества.

В вопросе определения стадий развития Сибири мнения ученых расходятся. В. Зиновьев, А. Вишневский, В. Иноземцев отмечают противоречивость сибирского культурного пространства: активная модернизация в Сибири начинается уже в первой четверти XX века наравне со всей Россией, хотя даже 1950-60-е годы еще определяют порой как период «затянувшегося земледельческого освоения» (В. Зиновьев) в виде разработки целинных и залежных земель – современной формы экстенсивной аграрной колонизации Сибири и Средней Азии. Не завершив процесса аграрного развития, сибирское общество вместе со всей Россией начало переход в индустриальное состояние. Этим частично может быть объяснена неравномерность и нестабильность культурной динамики Сибири.

Значительное оживление сибирской экономики, вызванное промышленным подъемом 1890-х годов и строительством железной дороги, в 1900-1903 годах сменилось резким спадом, усилившимся в период Русско-японской войны, особенно в восточных областях Сибири. Но уже после революции 1905 года здесь снова начинается мощный промышленный рост, сменившийся в годы Первой мировой войны (1914) состоянием полного хаоса и перестройкой существующего на тот момент в Сибири производства.

Инновационно-креативная направленность культуры Сибири оказала влияние практически на все сферы деятельности и формы жизни, заложив преобразовательную тенденцию как основу ее культуры в XX веке. Рубеж столетий пробудил здесь настроения духовных поисков, подогреваемых стремительной сменой масштабных исторических событий. Активность революционного и реформаторского процесса в Сибири и во всей стране в целом свидетельствовала о значительности изменений в системе мировосприятия, в котором наряду с религиозным воспитанием населения все более серьезный вес начинает приобретать образование.

Исследователи отмечают, что грамотность населения в Амурской и Приморской областях и на Сахалине была выше, чем во многих европейских губерниях России, в том числе и в таких развитых, как Калужская и Нижегородская. В Сибири было много пришлого и временного населения – военных, торговцев, чиновников. Исключительно региональным фактором

развития грамотности и культуры местного населения Сибири являлась политическая ссылка.

Имелись в Сибири и территории, где постоянное русское население было полностью неграмотным, – например, область Ангары. У малочисленных сибирских народностей духовная культура в начале XX века находилась на родоплеменном уровне. Своей письменности эти народности часто не имели. Некоторые из них, например, коряки, были поголовно неграмотными. До 1917 года на национальных окраинах России письменность отсутствовала у 110 народов. К бесписьменным народностям относят алтайцев, тувинцев, хакасов, малочисленные народы Севера и Востока. Экономическая и культурная отсталость были здесь ощутимы во всем. Данные переписи 1926-1927 годов свидетельствуют, что даже в 20-е годы кочевое население было сплошь неграмотным. Недоставало учительских кадров.

Томск продолжал развиваться как научный и образовательный центр Сибири. В его университете работали выдающиеся ученые, сыгравшие ключевую роль в развитии русской геологии, ботаники, гляциологии, археологии и др. Томский Университет оказывал заметное духовное и просветительское влияние на весь сибирский край. Его профессура работала над региональной проблематикой: В.В. Сапожников создал ценные труды о горных системах и ледниках Алтае-Саянского региона, профессор М.Н. Соболевский – серию работ о сибирских хозяйственных проблемах. Профессора томских вузов читали публичные лекции для населения, вели работу в просветительских обществах, проводили научные экспедиции по исследованию истории культуры края и его природных ресурсов.

Первый в Сибири университет появился благодаря заботам сибирского купечества. На его устройство вложили крупные суммы известные предприниматели М. Сидоров, П.Н. Демидов, томский золотопромышленник З.М. Цибульский.

Осенью 1900 года в Томске был открыт и Технологический институт (ныне Томский государственный технический университет) для подготовки инженеров, потребность в которых в Сибири стала острой в связи со строительством Транссибирской магистрали.

Большую роль в развитии сибирского высшего образования сыграл Д.И. Менделеев, входивший в состав комиссии по организации Томского университета и Томского технологического института. Он оказал помощь в создании новых отделений технологического института, заботился о развитии духовной и материальной культуры Сибири. Именно он разработал проект развития производительных сил Сибири путем использования в производстве уральских руд и кузнецкого угля, реализованный лишь в советское время. С 1904 года он был Почетным членом этих вузов.

В эти же годы первый вуз – Коммерческий институт – был открыт и в Омске. Немного позже, в революционные годы, по всей Сибири будет проведен сбор средств для открытия в 1918 году Иркутского университета.

28 января 1901 года в Красноярске был открыт подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества при содействии

П.П. Семенова-Тян-Шанского. Он объединил вокруг себя исследователей, энтузиастов-краеведов с целью географического, этнографического и статистического изучения Енисейского края.

Сибирская экономика рубежа XIX-XX веков развивается при непосредственном и весьма активном участии иностранного капитала. «Обилие природных ресурсов, длительное отсутствие в регионе современной капиталистической организации в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, состояние свободной торговли (на Дальнем Востоке), слабая экономическая освоенность края» [Дорожкин, 1993, с. 66] были дополнительными обстоятельствами, которые притягивали зарубежных предпринимателей в эти плохо обжитые земли. «На Чукотке, Камчатке, Охотском побережье почти безраздельно господствовали американские бизнесмены и авантюристы, которые, используя слабость и немощность местной администрации, применяли изощренные приемы грабежа местных жителей под видом обменной торговли» [История Сибири..., 1968, с. 194].

По сравнению с европейской частью России, Сибирь имеет довольно короткую историю городского заселения (В.П. Андреев). Рост промышленности и торговли здесь также сопровождался ростом городов, но в Сибири населенные пункты формировались преимущественно вдоль железнодорожной магистрали. Традиционно в мире города вырастали на месте бывших крепких ремесленных центров, которые в процессе механизации постепенно перерастали в промышленное производство. Лишь намного позднее города обзавелись полицейскими, военными, информационными и другими функциями. В Сибири все происходит наоборот. Первыми ее индустриальными центрами были остроги, имевшие военно-охранительную функцию: Томский (1604), Кузнецкий (1617/18), Маковский (1618), Енисейский (1618/1819), Мелеский (1621), Тарханский и Рыбинский (1628), Ишимский (1629), Братский, Илимский, Киренский, Вагайский и Тебендинский (1631), Бийский (1709), Омский (1716). Своеобразное начало урбанизации Сибири сделало военное производство важной отраслью ее индустрии на многие годы. Особенно полно эта специфика проявилась в советское время, когда на военизированные истоки сибирских городов наложилась типологически сходная культура социализма.

Уровень промышленного развития Сибири в начале XX века находился на такой низкой отметке, что даже самые поверхностные аналитические замеры показывали картину не в ее пользу: «В отношении промышленности Сибирь представляет совсем еще непечатую страницу... Вернее всего техническую мощь человека измерять ныне количеством механической энергии, которой он располагает. А высшим выражением механической энергии является электричество. Данные, какие я нашел в сибирской литературе по электрификации, таковы: в Сибири один киловатт приходится на 500 душ, в Африке – на 400 душ (в Африке!), а в Соединенных Штатах – на 5 душ. Между тем, если взять запасы дремлющей энергии, то Сибирь ею весьма богата...» [Троцкий, 1927, с. 10]. Вывести Сибирь на должный уровень развития должно было строительство железной дороги. До ее постройки основным транспортом здесь был гужевой, и узловые центры Сибири соединяли 37 трактов.

Сибирская специфика проявилась и в особой логике модернизации системы культуры.

1. Если в центре России промышленный переворот начинался с легкой промышленности, затем охватил тяжелую индустрию, транспорт, связь, сельское хозяйство, то в Сибири модернизация имела обратную логику: она началась с водного транспорта и железной дороги, которые создали условия для промышленного переворота в других отраслях [Дамешек и др, 2007, с. 252].

2. Если в России в целом к 90-м годам XIX века промышленная революция победила, то в Сибири она делала первые шаги. Здесь она будет в основном завершена лишь в 30-е годы XX века после механизации горнодобывающей отрасли. Однако решающий шаг в развитии промышленности был сделан в рубежные годы, что позволяет ученым считать начало XX века окончанием мануфактурной эпохи в Сибири.

Перед первой мировой войной полноценно развивалась только угольная промышленность Сибири, но и ее производственные процессы почти не были механизированы. Лесозаготовки, золотодобыча, перерабатывающая промышленность – таким был основной спектр направлений модернизации Сибири этих лет. Сырьевой характер индустрии сохранялся, несмотря на внешние перемены форм собственности предприятий и усиление интенсивности их работы. Роль Сибири в экономике России по сравнению с предыдущими столетиями в начале XX века оставалась прежней: она была нужна в основном как поставщик сырья (В.П. Зиновьев). Преобладающее значение имело сельское хозяйство, которое в 1913 году занимало две трети всей деятельности сибирского края, а промышленность – только четверть.

На рубеже веков с использованием техники и применения агрономии начинается реформирование и в аграрной сфере Сибири. Сибирская сельхозпродукция выходит на мировой рынок, благодаря чему здесь совершается переход от мелкотоварного производства к капиталистическому. Строятся первые заводы: в Курганском округе и Омске – по производству экспортного масла; Усольский солеваренный завод в Иркутской губернии; развивается мукомольное и винокуренное производство в Тюмени, Красноярске и Барнауле. На международной выставке 1894 года в Антверпене водки Александровского винокуренного завода В.А. Данилова (Минусинский округ Енисейской губернии) были удостоены золотой медали. Из Томской губернии к соседям шли хлебные продукты, рыба, соль, вино, сало, медь, воск, кожа; кедровые орехи и пушнина отправлялись в европейскую часть России и за границу.

Отдельные факты создают впечатление движения и развития, но в целом сельское хозяйство Сибири нуждалось в серьезном пересмотре, на что и была направлена реформа П.А. Столыпина (1906). Она предусматривала проведение массового переселения крестьян из европейской части России в Сибирь, освобождение крестьян от давления общины и передачу земли в частную собственность. Столь кардинальное изменение стиля ведения сельского хозяйства Сибири современники считали единственно возможной формой аграрной революции, способной существенно изменить экономические условия

жизни в селе. Если прибавить к этому постоянное проведение мелких и крупных политических реформ, становится очевидным, что перед революцией 1917 года социо-ультурная система Сибири уже находилась преимущественно в нестабильном состоянии. Ее тоже захватило стремление к переменам, начавшееся в это время в России и других странах мира.

Сибирский модернизм имел и другую ярко выраженную специфику. Предельно пестрая картина мира, дающая типологическое основание культуре модернизма в мировом масштабе, воплотилась в Северной Азии не столько в многообразии философских и художественных направлений, сколько в этно-социальном эклектизме ее населения и невероятном разнообразии одновременно существующих культур. Проблему не сглаживало и преобладание в Сибири русского населения.

Отличие культур коренных народностей от культуры русских крестьян было весьма значительным. Ряд исследователей (А.Ф. Анисимов, М.И. Куликов, Л.В. Хомич, И.А. Тарасов, Б.О. Долгих) считает, что первобытно-общинные отношения у народностей Севера господствовали до самой Октябрьской революции. Уровень культурного развития был различным даже в пределах кочевой и оседлой части одной народности.

Управление делами национальных уездов совершалось в основном представителями своего этноса. И в сфере языкового состава культура Сибири отличалась заметным разнообразием и неоднородностью. «В Горно-Шорском районе шорцы составляли 50% президиума райисполкома, массовая работа с населением велась на шорском, а делопроизводство – на русском языках. В других районах Запсибкрая, где насчитывалось 86 чисто национальных (не смешанных) сельсоветов (в их числе 8 эстонских, 21 казахский, 20 татарских, 15 немецких, 12 чувашских и др.), делопроизводство велось на русском языке, а массово-политическая и культурно-просветительная работа – на родном языке национальных меньшинств» [Красильников, 2006, с. 72].

Все это вполне объясняет высокую степень метисации в Сибири. Здесь и сейчас преобладают смешанные браки. В этой особенности региональной культуры уже предвосхищается своего рода смысловое зерно будущей Сибири – ее устремленность к постмодернизму; вернее, он внутренне присущ ей на уровне типологической характеристики. Одной из основных особенностей постмодернизма исследователи и писатели называют «проблему снятия границ между элитарной и массовой культурами, между реальным и ирреальным» (Л. Фидлер). В масштабах развития культуры Сибири XX века в целом тенденция снятия границ раскрывается практически на всех системных уровнях. Метисация – это тоже своего рода способ преодоления границ этноса путем слияния, соединения различного в новую целостность, где признаки одной и другой национальных культур сливаются воедино. Результатом развития данного процесса в Сибири стало формирование особых субэтносов: сибирское казачество, сибирские старообрядцы, «поляки Алтая», «семейские Забайкалья» и т.п.

Об удивительной этнической и конфессиональной толерантности в Сибири писал в начале XX века Р. Фриссе в своих «Воспоминаниях о жизни на Амуре»:

«Не потому ли, что в те далекие времена эти люди пользовались высшим благом – свободой. А свобода у нас была полная: свобода слова – говори, что хочешь, никто тебе не мешает; свободы печати не было, потому что вообще не было никакой печати. Свобода совести была, в Сибири вообще не придавали значения национальности и религии: русский, поляк, немец, раскольник – все равно; лишь был бы он хороший человек». [Цит. по Дамешек, 2007, с. 67]. В этой особенности снова обнаруживается тенденция к стиранию границ: границ между национальностями и религиями. Трехвековая история ссылки в Сибири привела к снятию различий и в сфере социальных отношений.

«Известный немецкий ученый Альфред Брем, посетивший Сибирь в 1870 году и помимо всего прочего познакомившийся с жизнью заключенных и переселенцев, отмечал, что в Сибири ... отсутствует оскорбительный взгляд местного общества на преступников и пренебрежение к ссыльному, желание ...вызвать в преступнике хотя бы остатки человеческих чувств и добродетели служит лучшей мерой к исправлению преступников. Тогда как у него на родине полное пренебрежение к впадшему в вину не дает никаких средств к исправлению. «Жаль, – восклицал Брем, – что у нас нет такой Сибири!» [Там же, с. 283]. В сибирских условиях жизни вызревают духовные и социальные основания для размывания границ между старожилами и переселенцами, между добродетельными людьми и ссыльными. Эта постмодернистская тенденция разворачивается затем и дальше. Она способствует формированию в Сибири особого типа личности, сложившейся в пограничном пространстве природных условий, историко-культурных эпох и этносов.

Люди – часть экосистемы места их проживания. «Внешние морфологические признаки достаются человеку вне его воли по генетическому наследству от предков нескольких поколений... А вот тип мышления, поведения, характер – формируются у каждого человеческого индивидуума непосредственно как конкретный ответ на определенные условия жизни, присущие месту, где комочек человеческой плоти возник и оформился в личность. Приспосабливаясь к конкретным условиям – соотношению суши и воды, гор и равнин, общей площади обитания, климату, освещению, составу и соотношению растений и животных, люди, откуда бы они ни взялись, собравшись вместе, становятся похожими» [Мордкович, 2007, с. 125].

Совместные условия проживания приводили к «культурному сглаживанию» этно-социальных различий народов, создавали условия для выявления в формирующемся типе личности общих черт «сибиряка». Он вобрал в себя основные особенности Сибири, приобрел черты пограничной личности – по биологическим и культурным качествам, по образу жизни и типу сознания. Таким образом, на фоне бурных перемен в Сибири происходит подготовка и становление советского типа культуры.

5.1.2. Динамика развития социалистической культуры в Сибири

Нараставший политический и экономический кризис, революции (февральская и Октябрьская) и гражданская война оказали существенное влияние на культуру Сибири. Типологически переходная, изначально изменчивая и непостоянная культура Сибири ради сохранения внутреннего баланса в моменты исторических взрывов занимает выжидательную позицию. Так, например, в годы первой мировой войны и революций 1917 года большинство организаций Сибири приостановили свою основную деятельность, занявшись охранительными мероприятиями: Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества (Омск), оказавшийся в период гражданской войны в эпицентре политических событий, занимался сбором и изучением материалов, организацией Архива войны, учетом и сохранением культурных ценностей, памятников старины на территории Западной Сибири.

Важные культурно-исторические задачи на переломе эпох взяла на себя научная интеллигенция. Характер развития системы культуры в целом складывается в результате деятельности всех ее субъектов (М.С. Каган). Высокая актуальность проблемы выбора пути в переходное время, индивидуальная ответственность каждого человека за принятые решения обостряет потребность общества в сохранении и воспроизводстве «мыслящих личностей». Вполне объяснимо, что именно интеллигенция стала и средством, и ключевым звеном в динамике культуры Сибири, главной ее силой. В Иркутске и Томске значительный след оставила деятельность С.М. Кирова, в Забайкалье – М.В. Фрунзе, в Красноярске – П.П. Семенова-Тян-Шанского, известного чешского писателя Я. Гашека, председателя общества исследователей Сибири А.Р. Шнейдера. Здесь же, в Красноярске, в 1910 году братьями Авксентьевыми был создан оркестр народных инструментов.

Первые культурные реформы социализма ставили все ту же типичную для Сибири и постмодернистскую по сути цель: разгородить существующие в обществе перегородки. Этому способствовали декреты ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», «Декларация прав народов России». Первые же постановления нового правительства пересматривали основания существующей системы школьного образования: о введении совместного обучения мальчиков и девочек, об отделении школы от церкви, об учреждении единой трудовой школы и т.д.

Важнейшей характеристикой системы культуры, ее определяющим параметром является национальная идея, утверждаемая государством. Для советского времени это была идея построения коммунизма – идеального общества, которое могут создать только достойные люди (соответствовавшие «Кодексу строителя коммунизма»). Как следствие, главной целью культуры советского времени становится формирование человека нового типа, обладающего определенным набором высоких физических, интеллектуальных и моральных качеств. На эту цель работала вся система культуры СССР, имевшая распространение во всех регионах и областях страны без исключения:

и идеология, и особый тип социального устройства, и декларативно установленный набор нравственно-этических норм отношений в обществе, и государственные стандарты производства и других форм жизни, и искусство как главный выразитель духовных ценностей эпохи.

Высшая школа Сибири с конца 1910-х годов развивалась на основе самоуправления. В первое десятилетие XX века вузы России, особенно провинциальные, сибирские, почувствовали ослабление контроля «сверху». Послереволюционная национализация собственности государством привела к изменению стиля взаимодействия руководящих и исполняющих структур. Перемены в управлении высшей школой Сибири начались после февраля 1917 года, когда государственные сибирские вузы (Томский университет и Томский технологический институт) перешли в ведение все того же Министерства народного просвещения, но уже при Временном правительстве. Положение провинциальных вузов дало им возможность некоторое время функционировать более самостоятельно, чем центральным. К маю 1918 года все вузы страны были переданы в ведение Наркомата просвещения (НКП) РСФСР. Возникший на короткое время тип негосударственного вуза («вольной высшей школы») прекратил существование.

Отдаленные сельские районы Сибири в первые послереволюционные месяцы почти не ощутили на себе влияния советской власти, так как оно носило эпизодический характер и выражалось обычно в читках газет и листовок, выступлениях агитаторов на сельских сходах. С лета 1918 года в Сибири прочно установился белогвардейский режим, в рамках которого два года строилась ее культура и жизнь. В советской историографии избегали говорить о развитии культуры Сибири в условиях белого режима, хотя в ней происходили важные перемены. Сегодня эта проблема представлена многочисленной литературой, в которой, однако, в силу известных особенностей периода гласности, сегодня трудно отделить истину от политических и идеологических мистификаций. Более надежны в этом смысле научные издания, основанные на работе с архивными источниками¹.

Культурное преобразование Сибири началось после революции в форме «культурного фронта», где в классовом противостоянии столкнулись разные идеологические и организационные принципы, определявшие сущностные различия старой и новой культурной политики. В дальнейшем эта военная доминанта сибирской культуры, впервые заявившая о себе в период создания острогов, станет проявляться в разных формах, рождая напряжение в сибирской культуре конфликтом между внутренне присущей ей толерантностью и полным военной агрессивности стилем новой советской культуры.

Авторитарная сущность нового строя в 20-е годы выразилась в режиме «военного коммунизма», подчинившего себе всю систему культуры Сибири

¹ Бучко Н.П. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика: 1917-1922 гг.» – Хабаровск, 2006; За спиной Колчака: Документы и материалы. Сост. и науч. ред. Квакин А.В. – М.: Аграф, 2005. – 512 с.; С Колчаком – против Колчака: краткий биографический словарь, указатель учреждений и организаций, краткий указатель литературы по истории Гражданской войны в Сибири. Сост. и науч. ред. А.В. Квакин – М.: Аграф, 2007. – 448с.

(весьма характерна и сразу обращает на себя внимание «военизированная» лексика этого периода – Е.Б.). Демократический характер руководства сменился почти военным стилем командных отношений. «Новый тип человека «выковывался» в горниле боевых действий на фронте, тяжелом труде в тылу, постоянной борьбе с различными врагами нового строя. Система воспитания представляла собой как бы гигантскую «печь революции», в которой «закалялась сталь» [Соскин, 2006, с. 30].

Двадцатые годы XX века стали для культуры Сибири мощной точкой бифуркации, которую она переживала не только синхронно со всей страной, но и в особых духовных и социальных противоречиях. Само по себе установление советской власти по всей России стало для страны событием, глобальным в своей переломности. В Сибири переходность культуры усилилась ее внутренним сопротивлением общегосударственным процессам. Сибирь стала единственным регионом огромной страны, создавшим на своей территории альтернативное «белое правительство». Этот факт на многие годы укрепил недоверие к Сибири местных и центральных руководящих структур. Так, в 1920 году в Томске был закрыт Институт исследования Сибири. Причиной этого стали политические опасения, что Институт, открытый при А. Колчаке, будет оставаться прибежищем враждебной советскому строю интеллигенции.

В 1921 году в Сибири была установлена новая экономическая политика (НЭП). В первые годы советской власти почти все культурные учреждения Сибири находились на государственном обеспечении. Ко времени установления НЭПа выяснилось, что государство не в состоянии одновременно и пропорционально распределять ресурсы между всеми элементами системы культуры. Выбор пал на хозяйственные нужды страны, что оказалось губительным для развития ее культуры в целом. Вопрос о первичности материального или духовного является одной из вечных проблем в мировой культуре. В годы установления советской власти дилемма разрешилась в пользу материи. И хотя впоследствии в разные годы советской истории в стране и в Сибири пытались установить паритет этих двух начал, добиться некоторой их гармонии, все же материально-хозяйственный импульс, полученный на начальном этапе, оказал определяющее воздействие.

Гражданская война спрессовала, уплотнила процесс формирования нового типа культуры, дала разбег для его ускоренного развития, заострила до крайности его духовную и мировоззренческую составляющие. В ее трагических событиях невозможно было разделить правых и виноватых, исчислить жертвы – праведные и случайные, по-настоящему беспристрастно оценить недостатки и преимущества обоих путей развития культуры. Она, подобно ядерному реактору, вызвала мощный выброс энергии, после которого наступил период некоторого затишья и равномерного распределения сил во всех сферах культуры. С этого трагического противостояния началась очередная мирная полоса культурного развития Сибири.

Крайняя степень послевоенной разрухи требовала концентрации сил для восстановления культуры. На всем пространстве Сибири чувствовался острый дефицит «идеологически» подготовленных работников и оторванность от

столицы. В это время особая роль отводилась интеллигенции как классу, способному к осмысленным действиям и принятию решений. В силу образованности и высокого ценностного развития в разряд интеллигенции попадают преимущественно яркие, талантливые фигуры, что объясняет ее способность влиять и на образованные слои общества, и на формирование массового сознания. В советскую эпоху, когда культура росла как часть государственной системы, а искусство рассматривалось как «действенная и непосредственная агитация всегда и без всякого исключения», интеллигенция Сибири, особенно художественная интеллигенция, «включается в процесс пропаганды государственной политики. Одной из главнейших функций интеллигенции в целом и художественной в частности является формирование исторической памяти народа» [см. Левина, 2007]. Именно на послевоенные годы в Сибири приходится деятельность композитора и этнографа А.В. Анохина, инженера и писателя В.Я. Шишкова, омских поэтов Л.Н. Мартынова и П. Васильева, писателя Г. Гребенщикова и художника Г.И. Чорос-Гуркина, выдающегося путешественника, географа, этнографа, писателя В.К. Арсеньева, крупнейшего советского ученого, фольклориста и литературоведа М.К. Азадовского...

В 30-е годы постмодернистская тенденция размывания границ приобрела в Сибири особенные черты, когда были объявлены коллективизация и индустриализация. При всех различиях, оба процесса имеют общую тенденцию на укрупнение, объединение, слияние отдельных частей в единое целое. Одна из главных сложностей индустриализации в Сибири заключалась в том, что строительство множества заводов и их освоение сопровождалось комплектованием кадров из числа людей, ранее не связанных с промышленной техникой и нуждающихся в повышении профессиональной подготовки и общего культурного уровня. В национальных районах Сибири крупная промышленность создавалась почти на пустом месте. «Приходилось вербовать рабочих и ИТР из других промышленно развитых областей страны. На развитие индустриализации влияла слабая изученность природных богатств, отдаленность промышленных центров, отсутствие автомобильных, воздушных путей сообщения и развитого судоходства. Отрицательное влияние оказывали суровые климатические условия» [Тармаханов, 1981, с. 35].

В 1927 году на XV съезде КПСС было принято решение о начале коллективизации, но при этом не предполагалось каких-либо мер принуждения по отношению к крестьянству. Изначально ставилась задача постепенного вытеснения кулачества экономическими методами, но, в связи с направленностью страны на ускоренную индустриализацию, образование колхозов и ликвидация кулачества стали рассматриваться как политическая задача. На долгие годы развернулась политика вытеснения и уничтожения самой производительной и трудоспособной части сибирской деревни.

Особый интерес для понимания сущности перемен в культуре Сибири представляют отчеты уполномоченных по раскулачиванию. В отчете из с. Боровского Кемеровской области говорится: на общем собрании на вопрос о ликвидации кулаков крестьяне заявили, что у них в деревне кулаков нет, а есть

только труженики. После обстоятельного разъяснения уполномоченного «было выявлено» 18 кулаков и принято решение о ликвидации их хозяйств. Деревня поддерживала кулаков, но под воздействием настойчивой и продуманной идеологической работы уже в 1931 году активисты села давали обещания «зорко следить за соседом и доносить куда следует». Для воспитанного на страхе народа слезка и доносительство стали нормой жизни.

В истории культуры Сибири это событие стало важнейшей поворотной точкой в развитии уровня сознания советского человека и системы его жизненных ценностей. Снижение их уровня имеет характер скрытого и замедленного действия в системе материальных и социальных отношений, что при поверхностном восприятии позволяет оценить этот фактор как второстепенный или несущественный. Духовные ценности являются системообразующим элементом культуры. Их снижение запускает длительный процесс деградации всех составляющих системы.

По директиве из Москвы только в 1930 году по Сибирскому краю было выселено на север 50 тысяч кулаков. Самая трудоспособная часть крестьянства была выведена из сельскохозяйственного производства, а в деревне началось формирование не свойственных ей ранее отношений: уничтожалась любовь к земле как к кормилице, утверждался насильственный и безвозмездный труд, закреплялась психологическая ориентация на бедность, ослаблялись связи между поколениями. Это заставило многих сибиряков покинуть деревню и уйти в город. Старые традиции забывались, происходила маргинализация общества. Режим стремился бесконтрольно распоряжаться народом, используя карательные акции для «профилактического» уничтожения «потенциальных противников». Это, по сути, тоже была одна из форм гражданской войны, продолжавшейся уже в границах культуры победившей советской власти.

Внутренняя переходность культуры Сибири бурно проявляется в обоих типологических состояниях культуры – и в устойчивые, и в переходные периоды. Индустриализация 1930-х годов стала очередной точкой мощного сдвига в развитии культуры Сибири, открывшей новый виток «переселения народов» мирным и репрессивным путем. И заводы-гиганты, и первые советские вузы, и раскулачивание крестьян, и сибирский Гулаг – эти кажущиеся несовместимыми явления существовали в пространстве сибирской культуры практически одновременно. Теория синергетики акцентирует принципиальную важность для переходного времени позиции свободного, самостоятельного, осознанного выбора. Специфические принципы авторитарного руководства, установившиеся в Сибири с победой социализма, лишали основные движущие силы культуры этого права и возможности. «Выбор» совершался «сверху», представителями центральной власти, тем самым нарушалась естественная логика саморазвития системы сибирской культуры. Направление движения культуры на протяжении всех лет советской власти определялось искусственно построенными рациональными идеологическими конструкциями руководителей государства, что искажало картину естественных потребностей в развитии региона и не всегда положительным образом сказывалось на судьбе культуры.

В литературе и документах обычно делается акцент на большую мобильность переселенческой части сибирского крестьянства, ее повышенную в сравнении со старожилами восприимчивость к инновациям. Эти наблюдения подтверждаются и фактами. Так, например, благодаря усилиям переселенцев из более развитых районов России на Алтае началась механизация кулундинского земледелия, был прислан первый трактор. Да и уровень коллективизации среди переселенцев был более 16 %, тогда как среди старожилов – около 4 %.

Переселенчество в культуре Сибири имело несколько волн и исходило из естественной потребности развивающегося региона в дополнительных творческой и рабочей силах. Рассмотрение логики национальной политики в Советском Союзе позволяет увидеть в ней последовательное движение к универсализации населения и нивелированию этно-национальных различий. В посвященной развитию национальной политики статье С.А. Красильникова приводится оригинальная периодизация, разработанная А.А. Шадтом:

«1917-1924 гг. Период практического осуществления «права наций на самоопределение», что предполагало создание локальными этническими группами различных форм государственности (республик, областей).

1925-1934 гг. Период характерен искусственными процессами автономизации, предполагавшими порой принудительное смешивание в рамках одних территориальных образований (республик) этнически чуждых групп.

1935-1940 гг. Ликвидация в конце 1930-х годов малых форм автономии (национальные районы, сельсоветы), активизация принудительной ассимиляции «малых» этнических групп и широкое использование этнических депортаций и ссылок.

1950-1960-е гг. Целенаправленная деятельность политического режима по унификации национально-культурного пространства СССР» [Красильников, 2006, с. 82]. В 1960-е годы основным вектором национальной политики становится национально-культурная интеграция: все «национальное» в Сибири постепенно и настойчиво подменялось «советским». Унификации языка, территории, экономики, образования создала основания для выработки идеологического и культурного однообразия.

Великая Отечественная война стала очередным переворотом в развитии культуры Сибири и потребовала от нее включения больших резервов. Она в одночасье поменяла систему ценностей и разрешила многие идеологические проблемы, связанные с преодолением индивидуализма и развитием коллективных форм культуры Сибири. Общая беда и единая задача стали мощным действенным фактором духовного преобразования Сибири и сплочения ее населения в единую общность «советский народ», объединив под этим понятием не только многонациональную территорию Северной Азии, но и все республики Советского Союза. Война стала трагической вершиной в становлении советской культуры в Сибири, «убийственными» средствами ее была фактически достигнута главная цель – перестройка всех форм материальной и духовной культуры в соответствии с идеалами социализма.

При этом логику развития культуры в военные годы определяли две «категории»: фронт и тыл. Сибирь приняла активное участие в них обеих. На

территории Сибири не проходило военных действий, как в годы гражданской войны, но она наравне с другими регионами включилась в войну человеческими и материальными резервами. По некоторым районам Сибири число призванных составило 20-25%. Каждый третий сибиряк пал в боях или стал инвалидом. Среди героев Советского Союза участников форсирования Днепра - более двухсот сибиряков, в числе которых русские, буряты, якуты, хакасы, алтайцы, нанайцы, эвенки и др.

Тыловое положение Сибири сыграло поворотную роль в ее материально-техническом развитии, выполнило функцию трамплина в научном, промышленном и художественном развитии региона. Став одним из основных районов эвакуации, Сибирь превратилась в мощный промышленный, культурный и транспортно-энергетический центр. Труженики сельского хозяйства Сибири прилагали все усилия, чтобы дать фронту и стране необходимый минимум продовольствия и сырья. Благодаря доблестному труду колхозников Сибирь вернула себе прежний статус важнейшей продовольственной базы страны.

Исключительно ответственные и сложные задачи решала сибирская металлургия, которая, вместо уральской, обеспечивала теперь военную индустрию качественным металлом. Бурный рост сибирской экономики сопровождался численным увеличением рабочего класса.

Так, например, в совсем еще молодой город Канск в годы Великой Отечественной войны был эвакуирован из европейской части страны ряд предприятий текстильной промышленности, построены хлопчатобумажный комбинат и гидролизный завод. Более 20 тысяч канцев ушли на фронт, более 7 тысяч из них не вернулись в родные места. В первый год войны в Томск было эвакуировано 30 заводов. Они заложили основу для индустриального развития Томска. За годы войны объем промышленного производства в городе утроился. Возникли новые отрасли – электротехническая, оптико-механическая, резинотехническая; значительно расширились машиностроение и металлообработка, легкая и пищевая промышленность.

Не только промышленность, но и творческая деятельность музыкантов, писателей, художников быстро перестроилась на военный лад. Большая группа творческой интеллигенции Сибири в первые месяцы войны ушла на фронт. Другие помогали фронту в тылу, выезжали с концертами на передовую. Так, например, значительная часть коллектива краевого театра драмы на Алтае ушла на фронт, и далеко не все из них вернулись после победы. Оставшиеся актеры организовали концертную бригаду, которая дала более 100 концертов на передовой. Актеры давали спектакли в фонд фронта, перечислив таким образом 140 тысяч рублей в советский фонд обороны. Подобные факты были во всех регионах Сибири и СССР.

В Сибирь были эвакуированы многие театральные труппы и другие профессиональные художественные коллективы. Они включились в творческую жизнь местных организаций, став для них высокой школой профессионального мастерства. Например, в Барнауле в 1941-42 годах открывал сезон эвакуированный из Днепропетровска русский драматический

театр, а с марта по осень 1943 года здесь был московский Камерный театр под руководством А.Я. Таирова.

После войны задача всенародного утверждения идеи социализма была решена окончательно и бесповоротно. Стремление к Победе стало тем естественным стимулом, который сплотил разные народы Сибири и всего Советского Союза, а сам по себе факт победы в столь затяжном испытании стал залогом формирования глубочайшего, искреннего патриотизма, энергией которого страна жила еще потом не одно десятилетие.

В послевоенное время в Сибири достраивались заводы и фабрики, пущенные в эксплуатацию в годы войны. Были достигнуты заметные успехи в развитии и внедрении в промышленное производство новой техники и технологии, проведена механизация трудоемких работ в угольной, горнорудной промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроении, энергетике, промышленности строительных материалов и других отраслях. Сформировалась система производственного и профессионально-технического образования.

С начала 60-х годов в культуре Сибири расширяются отрасли общегосударственного значения. В окраинных районах благодаря средствам массовой информации продолжался синтез русской и национальных культур. Постепенно улучшалась социальная сфера, в быту многих малых народностей появились не свойственные ранее предметы европейского цивилизационного типа культуры. Возрастание грамотности малых народностей Востока и Севера Сибири было непосредственно связано с открытием в Ленинграде в 30-е годы XX века Института народов Севера.

В последние десятилетия в Советском Союзе происходила дальнейшая индустриализация общества, особенно мелких национальных округов. Если в начале этого процесса ставилась задача технологического оснащения традиционных отраслей хозяйства – рыболовства, охоты, оленеводства, то теперь появилось больше предприятий перерабатывающего типа. Широко осваивались месторождения полезных ископаемых, создавались крупнейшие топливно-энергетические комплексы, но на многих передовых предприятиях в национальных районах основные наукоемкие и высококвалифицированные должности занимали русские, что привело к ряду конфликтных выступлений в 1980-90-е годы.

В культуре Советского времени изначально была заложена такая внутренняя несогласованность и смысловая разделенность идей, которая не могла обеспечить начавшемуся эксперименту долгую и плодотворную жизнь. Сложная межрегиональная и межнациональная система экономических и производственных отношений, значительное отстояние друг от друга добывающих и перерабатывающих предприятий привели в годы Перестройки к тяжелейшему экономическому кризису. Основу структуры промышленной сферы в Советском Союзе сформировал экстенсивный характер ее развития. Огромные просторы России и Сибири, богатейшие недра создавали иллюзорное представление о неисчерпаемости сырьевых и человеческих ресурсов в стране и регионе. Грузовые составы путешествовали через всю

страну, чтобы доставить в одну ее часть сырье, а потом в обратном направлении перевезти готовую продукцию. Когда разрушилась система принудительных мер и гарантированных обязательств, практически все крупные предприятия остановились. Сегодня в промышленной сфере Сибири происходит некоторое оживление. Формируется новый тип отношений между производителями и поставщиками, между промышленностью и потребителем.

Безусловно, процесс модернизации России и Сибири, как любое сложное явление, имел и негативные черты, и значительные позитивные результаты. В частности, материально-техническое развитие Сибирского региона несравнимо выросло по сравнению с его дореволюционным состоянием. Произошло изменение многих культурных традиций, особенно у малых и окраинных народов. Но жесточайшие средства, которыми правительство добивалось идеологически нужных показателей, привели к массовой деформации сознания советских людей, негативные последствия чего несоизмеримы с масштабом полученных достижений.

Достигшая в годы Перестройки своего пика идея демократизации культуры в Сибири привела к снижению высших ценностей, отказу от трансцендентных идеалов, лежащих в фундаменте каждой здоровой и жизнеспособной культуры. Выживание культуры Сибири и определение ее нового места в системе мировой и российской культуры в XXI веке непосредственно зависит от того, сумеет ли она вновь обрести ценностное самосознание, найти достойные пути решения современных проблем духовного, интеллектуального и физического развития населения Сибири. Восстановление утраченного равновесия в сибирской культуре и осмысление оптимальных законов взаимодействия в ней материального и духовного начал остается самой сложной и ответственной задачей Сибири и России на ближайшую и отдаленную историческую перспективу.

5.2. Особенности развития материальной культуры Сибири XX – начала XXI веков

*Меняются системы, режимы, личности, государи,
водители – а в нашем государстве все остается
без изменений по отношению к Сибири
Анатолий Омельчук*

Сибирь в XX веке переживала сложный период перехода от аграрного общества к индустриальному. Он стал главным движущим механизмом жизни страны, по сравнению с которым все прочие экономические, социальные и политические процессы стали производными. Становление индустриального общества в каждом регионе России имело свои особенности, хотя в целом определялось общероссийскими факторами.

5.2.1. Своеобразие путей промышленного переворота в Сибири первой половины XX века

Сибирь – огромный суперрегион, органически единый с Россией и в то же время обладающий яркой спецификой. В государственном масштабе место Сибири вполне очевидно. Даже географически она была открыта и освоена гораздо позднее, чем центральные районы страны. В начале XX века Сибирь была аграрной окраиной, на 90% крестьянской страной, в которой темпы сельскохозяйственного развития далеко опережали темпы промышленного освоения. Огромный территориальный размах России обусловил значительную временную протяженность всех ее начинаний и реформ: начавшись в центре, они требуют весьма продолжительного времени, чтобы распространиться до окраин. Сибирь тоже отличается от других регионов особым размахом, следовательно, требует больших усилий для освоения. Все процессы и события приходили в Сибирь с опозданием, и ее культура традиционно строилась как отзвук культуры России.

Так, например, право на организацию самоуправления государственные крестьяне Западной Сибири получили только в 1879 году, в Восточной Сибири – в 1882 году, тогда как в центре страны оно было введено в 1866 году. Если государственные крестьяне центральных областей получили право выкупа земель в 1866 году, то в Сибири – в 1898 году. Купцы-сибиряки, по данным ревизии 1782-1784 годов, составляли всего 2,02% от всего российского купечества. Индустриальные реформы в Сибири затягивались. Лишь к концу 1890-х годов постройка железной дороги стала базой для ускоренных процессов развития региона, которые фактически означали подтягивание сибирских территорий к уровню экономики центра страны. Отставание по времени от российских процессов усугублялось зависимостью сибирского региона от экономической политики страны, от вложений в нее столичного капитала.

Период с начала XX века и до 1930-х годов определяют как **промышленный переворот** во всех отраслях экономики и начало **индустриализации**. Происходил промышленный переворот и в Сибири, причем в этих краях он проявился более резко, масштабно и с более заметным эффектом. К началу XX века в Сибири добывающие отрасли, самыми крупными из которых были золотодобывающая и угледобывающая, развивались сильнее, чем обрабатывающие. Сибирь давала три четверти всего добываемого в России золота. Зато ее обрабатывающая промышленность состояла из мелких предприятий. Крупных фабрик и заводов почти не было.

19 мая 1891 года во Владивостоке состоялась торжественная церемония закладки Великого Сибирского пути. С Уссурийской ветки началось строительство самого грандиозного железнодорожного сооружения той эпохи – Транссибирской магистрали, общая длина которой превышала 8 тысяч километров. Строительство Транссиба внесло значительные изменения в ритм и характер жизни Сибири, породило особые экономические и технические потребности. Необходимые в огромном количестве строительные материалы – рельсы, шпалы, цемент и др. – из Европейской России везти было дорого и

неразумно, в связи с чем было принято решение развернуть обрабатывающую промышленность на месте. В зарубежной прессе начала XX века один из французских писателей сравнивал проведение Сибирской железной дороги с открытием Америки: «После открытия Америки и сооружения Суэцкого канала история не отмечала события более выдающегося и более богатого прямыми и косвенными последствиями, чем постройка Сибирской железной дороги» [Саблер и Сосновский, 1903, с. 443].

Развитие железнодорожного транспорта открыло возможности включения Сибири в общероссийский и мировой рынок, способствовало росту рабочего класса восточных районов страны. Начался переток капиталов из европейской части страны в азиатскую, так как здесь стало выгоднее делать вложения по причине более высокой прибыли на инвестиции. Несколько сибирских городов стали крупными центрами лесопромышленности: Тюмень, Томск, Новониколаевск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита, Хабаровск, Благовещенск, Владивосток. В конце 1890-х годов сибирский лес стал поступать на мировой рынок, а в 1900-х годах началось активное внедрение в Сибирь иностранного капитала. Английское акционерное общество «Енисейская медь» получило право разведки и эксплуатации месторождений меди в Минусинском округе Енисейской губернии. В 1902 году при содействии Кабинета английским же концессионерам переданы в эксплуатацию компании «Нерчинское золото» и «Карское золотопромышленное общество». Такая форма взаимодействия с иностранным капиталом усиливала односторонность развития Сибири как сырьевого придатка России. Сегодня эта логика повторяется почти буквально: в годы Перестройки в стране произошло перераспределение собственности, в результате чего многие сибирские земли и предприятия оказались в собственности столичных или зарубежных владельцев.

В то же время с активизацией промышленного производства в Сибири в начале XX века возросла подвижность населения, стал более широким поток переселенцев, оседавших по преимуществу в сельских местностях. Аграрное освоение Зауралья происходило более высокими темпами, чем раньше. Переселенцы способствовали распространению здесь российского плуга, молотилок, веялок. Ими же в Сибирь был привезен племенной украинский скот, который при скрещивании с местными породами давал значительное увеличение продуктивности животноводства.

В предреволюционные годы вся страна неуклонно шла к общенациональному кризису. Об отсталости промышленности Сибири свидетельствует структура ее торговли с Европейской Россией. Из Сибири по железной дороге вывозилось множество грузов, среди которых «продукты полеводства составляли 58% (по стоимости), животноводства – 19% и горной промышленности – 23%, а среди ввозимых грузов промышленные изделия составляли 99%» [История Сибири, 1958, т.3, с. 340]. Производственные процессы не были механизированы, добыча угля производилась кайлом. За 1906-1910 годы из России эмигрировало около миллиона человек. В Сибири тоже менялась и территория, и народонаселение. В 1912 году Тува

освободилась от маньчжуро-китайского влияния, в 1914 году приобрела статус протектората России и, как Урянхайский край, была включена в состав Енисейской губернии. Эти события, проходящие в научном тексте одной строкой, были серьезным потрясением для населения восточной части Сибири и переживались им с большим волнением и напряженностью.

В мировую войну 1914 года были втянуты 38 государств, в том числе и Россия, численно потерявшая больше, чем все ее союзники вместе взятые. Геополитическая специфика Сибири смягчила для нее трагические проявления войны: если в европейской России население сокращалось, то в Сибири за 1914-1917 годы оно значительно увеличилось. Сибиряки тоже сражались на фронтах первой мировой войны, но свои потери Сибирь быстро восстановила за счет беженцев и военнопленных. Здесь в то время был более высокий коэффициент рождаемости, чем в целом по стране, и больше населения молодого возраста. В Сибири наблюдался настоящий демографический бум, хотя и она тоже стояла на пороге мощного кризиса. Во многих городах Сибири быстрыми темпами росли доходы населения. В общественной жизни, в хозяйстве, в быту людей наиболее значимых сибирских центров конца XIX – начала XX века появляются принципиально новые черты, характерные для эпохи начальной индустриализации и урбанизации. В 1913 году по уровню жизни на первом месте был Омск, затем – Иркутск, Томск, Владивосток, Новониколаевск, Барнаул, Красноярск, Хабаровск, Чита, Тюмень, Бийск.

Состав экономики Сибири был сложный: в ней было и домашнее производство, и мануфактуры, и чисто капиталистические фабрики, начиналась монополизация, но преобладала мелкотоварная стихия. Несколько отраслей на Востоке оказались неконкурентоспособными по сравнению с западной частью России (металлургическое и текстильное производства). Уже на Первом съезде Советов Сибири в 1917 году в Иркутске в выступлениях неоднократно звучала мысль, что здесь необходима скорейшая индустриализация, так как Сибирь во многом отстала от центральных районов России, хотя по своим естественным богатствам имеет все основания настаивать и требовать развития крупной индустрии. Форсированные темпы индустриализации считали средством преодоления экстенсивности в развитии сибирской экономики, улучшения качества товаров и снижения себестоимости производства.

Сибирь представляла особый интерес для вложения иностранного капитала, деятельность которого в торговой сфере способствовала увеличению производства товаров, подъему агрикультуры, улучшала состояние быта сибирского населения. Так, например, вследствие участия в промышленности Сибири американской фирмы «Зингер» к 1914 году каждое крестьянское хозяйство уже могло иметь швейную машинку ее производства. Западная Сибирь также получила самое передовое в России зарубежное сыродельческое оборудование: по технической оснащенности двенадцать сыроваренных заводов братьев Штуки близ Бийска превосходили даже наиболее модернизированные сыроваренные предприятия в Финляндии. Если в европейской России формы участия зарубежных инвесторов в российской промышленности обрабатывались десятилетиями, то в Сибири это происходило

в гораздо более сжатые сроки. Экономическая политика страны была направлена на поддержание беднейшего населения: выдавались кредиты и ссуды, развивалась кооперация.

Огромные трудности представляла социалистическая перестройка отсталого хозяйства в национальных районах Сибири. У малочисленных народов Севера сложилась другая административная структура: род (с родовым Советом) – туземный или кочующий сельсовет – национальные районы. Для формирования национальных сельсоветов требовалось, чтобы на их территории проживало не менее 80% туземного населения. В Томском округе был сформирован Ларьянский национальный район (остяки), в Красноярском округе – Байкитский национальный район (тунгусы). В Сибкрайкоме функционировал специальный орган – Комитет содействия малым народностям. После закрепления социализма в автономных республиках и областях Сибири постепенно сложилась социальная структура, однотипная всему советскому обществу.

Одной из сложнейших социально-экономических проблем социалистического строительства по отношению к коренному населению северных окраин страны была задача перевода кочевников на оседлость. Ханты, манси, ненцы, селькупы, другие народы Севера занимались несколькими отраслями хозяйства. Техника и организация труда были отсталыми и примитивными. Ни один промысел не мог достаточно обеспечить людей, и они искали дополнительные источники существования: занимались охотой и рыбной ловлей, сборианием орехов и ягод. При сохранившемся натуральном укладе хозяйства у коренных народов Обского Севера оставалась примитивная техника домашнего производства, обработка материалов производилась при помощи самодельных инструментов. При этом изделия народов Севера отличались добротностью, чистотой и изяществом работы. Их материальная культура с давних времен была приспособлена к суровым условиям быта в тайге и тундре, практическая сметливость сказывалась и в устройстве жилища, и в особой одежде и обуви, спасавших от стужи в тундре [Сергеев, 1953, с. 46].

Русские принесли на Обской Север новые орудия труда, земледелие и скотоводство, рубленые избы, новое внутреннее убранство дома, ткани, муку. Русские же научили местное население умываться, стричь волосы, носить нижнюю одежду. Сильнее всего влияние русских сказалось в селениях, где местные народности жили вперемежку с русскими. Это наблюдалось в таких местах, как берега Оби и Иртыша, Конды, низовья Иртыша, Агана [Сергеев, 1953, с. 48]. В результате такого взаимодействия в северных поселках были механизированы все этапы процесса рыбной ловли, освоены технически усовершенствованные снасти из искусственных материалов промышленного производства, что в десятки раз повысило объем улова. В низовьях Оби стала развиваться морская крупно-промышленная добыча рыбы с переработкой продукции на судах в месте лова. Но главной формой труда здесь остается бригада: охота и рыболовство не требуют такой массовости, как земледелие.

Переходившим на оседлость колхозам оказывали экономическую помощь, стимулируя этим принятие подобного решения и остальной частью населения.

Согласно теории постиндустриализма, все общества проходят как минимум три стадии эволюции: аграрную, индустриальную и постиндустриальную, или информационную. Процесс перевода кочевых народов на оседлость означал для них начало принципиально иного, более высокого в цивилизационном смысле уровня культуры, – вхождение в первую, аграрную стадию эволюции.

Массовая коллективизация промыслового хозяйства аборигенов проводилась последовательно и постепенно. Были созданы простейшие промысловые товарищества, создавались артели. Внешне все выглядело достаточно успешно, но этот процесс имел и негативные последствия. Нарушение веками складывавшейся специфической северной культуры приводило к тому, что огромные территории тайги и тундры становились безлюдными, терялись возможности использования их богатейших природных ресурсов. Не все семьи кочевников приняли оседлый образ жизни. По данным Ямало-Ненецкого окружного Совета народных депутатов, на 1 июня 1980 года в округе продолжали вести кочевой образ жизни 1880 семей (более 9 тысяч человек). К этому времени темпы перехода на оседлость значительно замедлились. Нередки были возвращения принявших оседлость семей к кочевому образу жизни.

Коллективизация сельского хозяйства ставила задачу перевода крестьянства от простых кооперативных объединений к созданию артелей и коммун. В 20-е годы коммуны считали высшей формой кооперации. Первые коммуны в Сибири создавали рабочие Петрограда и Москвы. По причине более позднего установления советской власти в Сибири во многих ее районах к началу земельных реформ не успели еще сложиться органы власти, не были созданы общекрестьянские Советы. Коллективные формы хозяйствования занимали на селе ничтожное место. Бедность сибирских деревень, сложные природно-климатические условия заставляли сельское население объединять усилия, и с 1928 года работа по коллективизации оживилась. К началу 30-х годов до 50% сибирских хозяйств были включены в деятельность потребительской кооперации как наиболее доступной и необходимой в условиях изменяющейся культуры.

Важнейшим для развития сибирской деревни был процесс обеспечения ее сельскохозяйственным инвентарем и машинами. Принципиально новым явлением было появление в селе тракторов. Создавались и быстро увеличивались количественно государственные склады по продаже инвентаря и машин, пункты проката техники. В 1924 году таких пунктов, обслуживающих крестьян по низким ценам и в кредит, в Сибири было уже 425. Впервые для основной массы крестьянских хозяйств стала доступной агрономическая и ветеринарная помощь. Развитие аграрного сектора было поставлено на уровень **государственной задачи**. Результатом столь серьезных мер в решении проблемы стало проведение уже в 1923 году в Москве первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, на которой огромным вниманием пользовались павильоны Сибири и Дальнего Востока. Возникшие к 1929 году

негативные тенденции в деревне были связаны в основном с политикой «воспевания» бедноты, всевозможными идеологическими перегибами и «чрезвычайными мерами», переросшими в «раскулачивание» и раскрестьянивание.

Чтобы сделать Сибирь промышленно-аграрным краем, требовалось увеличить темпы индустриализации. После гражданской войны в исключительно тяжелом положении находился железнодорожный транспорт. Была неисправной большая часть вагонов, не хватало топлива. В декабре 1921 года Сибревком телеграфировал В.И. Ленину, что пришлось прекратить пассажирское движение и сократить товарное. Работа по подъему транспорта и вывозу продовольствия в Центр была объявлена боевым заданием не только для железнодорожников, но и для всех трудящихся Сибири. Общими силами движение было восстановлено.

Крупная промышленность создавалась здесь почти на пустом месте, рабочих и инженерно-технических работников приходилось нанимать из других областей страны. На медленные темпы развития индустриализации влияла отдаленность промышленных центров, отсутствие автомобильных, воздушных путей сообщения и развитого судоходства, суровый климат.

В 1920-е годы на Дальнем Востоке активно проходила национализация промышленных предприятий, изучались возможности использования старой промышленной базы: трудные в финансовом отношении годы потребовали режима экономии и полного включения внутренних резервов предприятий. По решению Сибревкома была начата деятельность по дальнейшей концентрации промышленности, в соответствии с этим решением многими руководителями из коммерческих соображений, в целях экономии средств были закрыты предприятия, расположенные более обособленно от других. Так были остановлены трест «Ангарометалл» в Иркутской губернии, Абаканский железодельный завод, из пяти металлургических заводов Сибири действующими остались два – Гурьевский в Кузбассе и Петровско-Забайкальский, на Дальнем Востоке были закрыты два из трех крупнейших металлообрабатывающих предприятия – Дальневосточный механический судостроительный и Хабаровский завод сельскохозяйственного машиностроения. Большая часть руководителей Сибири была убеждена, что индустриализация края – дело далекого будущего. В очередной кризисный момент помощь снова была получена от зарубежных организаций. В 1923 году, например, на кемеровских предприятиях по приглашению работало около 300 иностранных рабочих. Трудности в угольной промышленности привели к удорожанию сибирского угля и уменьшению спроса на его поставки. Правительство гибко отреагировало на эту проблему: по всей стране было дано указание отрегулировать использование прокопьевско-кемеровского угля на транспорте, что сразу увеличило потребность в топливе и его сбыт.

Командно-административная система Советского Союза, неоднократно допуская перегибы в идеологической и гуманитарной сфере, в области экономики и промышленности проводила плановую руководящую работу, быстро реагируя на изменения и принимая необходимые меры. Единая система

соподчинения государственных органов и предприятий способствовала тому, что проблемы развития экономики, сельского хозяйства, промышленности Сибири часто решались «всем миром». Уже в 1924 году на XIII Всесоюзной партийной конференции была ясно сформулирована основная идея партийного руководства страной: в решении хозяйственных вопросов «коммерческие и бюджетные соображения должны контролироваться соображениями политическими» [КПСС в резолюциях..., 1954, с. 791], государственными.

Индустриализацию в Сибири проводили форсированными темпами. В короткие сроки сюда было переселено нескольких миллионов человек, созданы новые города и рабочие поселки, особенно рядом с Кузнецким металлургическим комбинатом. Сельские жители становились подсобными рабочими. Был и еще один источник пополнения рынка труда – Сиблаг. Чуть позже, на рубеже 20-30-х годов, активизировалась подготовка национальных кадров малых народностей Сибири. В Бурятии, Якутии и Хакасии этот процесс прошел два основных этапа. В годы первой пятилетки стал заметен количественный рост рабочего класса, основу которого составляли строители из сельской местности и центральных областей страны. С 1938 года происходят заметные качественные изменения в составе рабочих.

Эффективность промышленного производства в Сибири сдерживалась уровнем образования, культуры, квалификации рабочих, нехваткой технических специалистов гораздо в большей степени, чем отставанием технической базы. Для участия в управлении производством, внедрения передового опыта, повышения производительности труда требовались работники с широкими знаниями и высокой профессиональной подготовкой. Единственный в Сибири сельскохозяйственный институт в Омске не удовлетворял потребность региона в квалифицированных кадрах. Для подготовки работников средней и высшей квалификации в Томске, Кемерове, Новосибирске открываются новые вузы и техникумы, на предприятия приглашаются специалисты из Австрии, Америки, Германии, отечественные рабочие проходят стажировку за рубежом.

В 30-60-е годы в Сибири были разведаны и освоены месторождения нефти и газа в национальных округах Обского Севера, цветных металлов и каменного угля в Туве, Хакасии, на Алтае и на Чукотке, обнаружен ряд новых месторождений алмазов, построены крупнейшие в мире электростанции и промышленные заводы-гиганты, распаханы миллионы гектаров новых земель, возникли сотни новых городов, рабочих поселков и технических сооружений. Молодежь всей страны откликнулась на строительство города Мирный и порта Эгвекинот на Чукотке, взяла шефство над строительством прииска, получившего имя «Комсомольский».

С каждым годом возрастал удельный вес инженерно-технических работников в национальных окраинах. Так, в 1940 году в Бурятии они составляли 5,6% всего персонала. В других районах он был ниже. Основное ядро составляли приехавшие инженеры и техники, но постепенно росли кадры технической интеллигенции из числа коренного населения. В большинстве

регионов Сибири к началу Великой Отечественной войны процесс формирования рабочего класса в основном завершился.

5.2.2. Материальная культура Сибири второй половины XX века

Великая Отечественная война сыграла историческую роль мощного движущего фактора в развитии культуры Сибири. Общенародная трагедия стала исходным импульсом для объединения и предельной концентрации усилий страны в едином направлении, вызревания «идеи-магнита», задающей направление очередному витку развития Сибири, и такая идея была рождена: «Все для Победы!». При мощном укреплении внутреннего единства народа в движении к цели победное завершение войны воспринимается как вполне естественный этап в логике исторического развития (как ни кощунственно это звучит для людей, жизнями и здоровьем заплативших за эту «естественность»!). «Преодолевая сотни километров, шли в военкоматы представители малых народов Сибири – долган, эвенков, ханты, манси, селькупов, ненцев, чукчей и т.д. «Военному начальнику, – обращался ненец-охотник в Салехардский военкомат, – просьба большая. Посылай меня драться с крестогрудой зубастой собакой. Я белке в глаз попадаю – крестогрудой наглай собаке в сердце стрелять буду» («Омская правда», 17 июля 1941 г.) [цит. по История Сибири..., Т.5, 1968, с. 75].

Война привела к полному перераспределению материальных и промышленных ресурсов внутри государства. Центральная и Западная Россия оказались в сердцевине военных действий, а роль экономического, промышленного и культурного центра была передана Сибири. Эвакуация высокоразвитых промышленных предприятий и столичных учреждений культуры в крупные и провинциальные города Сибири оказалась важнейшим фактором ее дальнейшей модернизации. В Томске разместились московские и ленинградские заводы: «Электроламповый», «Фрезер», «Электросила» и др.; на Алтае – завод механических прессов, вагоностроения, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, котельный, в Рубцовске на базе эвакуированного оборудования был основан тракторный завод, ставший в 1943 году единственным в стране предприятием, выпускавшим тракторы.

Производственные цеха эвакуированных в Сибирь более 400 заводов из республик СССР положили начало ее грандиозному промышленному переустройству. На их основе в послевоенные годы выросли самостоятельные мощные предприятия-гиганты тяжелой, металлургической, обрабатывающей, химической промышленности, придав ей статус промышленного и транспортно-энергетического центра. Очередная для региона перестройка промышленности завершилась в 1942 году. Сибирь теперь имела слаженное, быстро растущее военное производство, став одним из крупнейших промышленных и военных arsenалов страны. Крестьянство тылового региона тоже трудилось на пределе, чтобы дать фронту и стране необходимый минимум продуктов и сырья. В годы войны Сибирь стала фактически основной военной и продовольственной базой страны. Некоторые из этих

заводов впоследствии были причислены к предприятиям Союзного значения: Красноярский паровозоагоноремонтный завод, Иркутский завод тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева, Хабаровский завод «Дальсельмаш». Даже в новых условиях по-прежнему сложной оставалась проблема подготовки кадров, для частичного решения которой на предприятиях Сибири (Новосибирском «Сибсельмаше», Омском «Затоне», Кузнецком металлургическом заводе и др.) два раза в пятидневку был введен технический час – новая форма повышения квалификации. Только в 50-е годы в Сибири стало возможным провести механизацию трудоемких работ в угольной, горнорудной промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроении, энергетике, промышленности строительных материалов и других отраслях, сформировать систему профессионально-технического образования.

Важным фактором модернизации сибирского региона стало развитие сети дорог и транспортных средств. Общий уровень жизни, типологические особенности культуры городов и отдаленных окраин во многом зависят от их включенности в единую систему социокультурных и экономических отношений региона и России в целом. Сегодня большая часть сибирских городов сформировала широкую и многообразную транспортную сеть.

Часть поселений в Сибири традиционно формировалась вдоль великих и малых рек. И сегодня во многих городах (Барнаул, Бийск, Иркутск, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск) имеются речной порт или пристань, развитая система автодорог, гидроресурсы находятся в благополучном состоянии, хотя и здесь начинает серьезно проявляться ряд проблем экологического характера. Иртыш, Обь, Енисей, Ангара, Лена являются не только транспортными путями, но и мощными энергетическими источниками. Только в Красноярском крае в 1960-е годы функционировали три ГЭС и ГРЭС, еще две приближались к завершению строительства. Свои ГЭС уже были в Кемеровской, Новосибирской области, в Бурятии, Хакасии, Якутии, республике Алтай.

Экономическим и географическим центром Сибири в это время не случайно стал Новосибирск. Он находится на крупной транспортной магистрали, имеет прочные транспортные и другие связи с Томском, Кемеровской областью и Восточными регионами, здесь сходятся водные пути сообщения по Оби. Все это создает большие перспективы для развития города.

Процесс урбанизации в Советском Союзе имел экстенсивный характер, что было особенно заметно в Западной и Восточной Сибири. Имея богатые месторождения полезных ископаемых, Сибирь нуждалась в их освоении, разработке и развитии перерабатывающей промышленности. Первыми центрами угольной промышленности стали Кемерово и Новокузнецк, имеющие шахты и разрезы прямо в границах современного города. Сегодня здесь производится около 40% российского угля. Крупные разработки бурого угля продолжают в Чите, Бурятии, Красноярском крае. С промышленными целями посреди лесостепи в Алтайском крае в 1927 году был построен город Рубцовск. Город Нуренгри основан в 1975 году в Якутии в связи с разработкой угольного

месторождения. Открытие и начало разработки месторождения алмазов в 1959 году положило начало городу Мирному в Якутии.

В 60-80-е годы в СССР полную силу набрала командно-административная система управления, которая в первую очередь занималась вопросами развития материально-промышленной базы страны. Руководителями отраслей создавались генеральные схемы планового размещения производительных сил. Человек, этносы, культурные традиции, природа считались экономическими «ресурсами», местные потребности и инициативы – помехами в выполнении единых государственных программ. В логике экономического тоталитаризма регламентировалась вся жизнь – от производства до демографической политики. В 60-е годы, как двести лет назад, по решению правительства было произведено переселение значительного числа специалистов из центральной России в города и районы Западной и Восточной Сибири.

Ведущая роль русского языка и русской культуры в условиях многонационального населения Сибири, отсутствие должного внимания к подлинным национальным интересам и условиям жизни малых народностей спровоцировали в более поздние годы демографический дисбаланс в культуре сибирского региона. Так, например, в Хакасии сегодня проживает 79,5% русских и 11,8% хакасов; в Якутии – 50% русских и 33% якутов; в Бурятии – 69% русских и 24% бурят; в Кемеровской области – русских 90,5 %, коренное население – шорцы – 0,4 %, телеуты – 0,01 %; в Республике Алтай – 60,4% русских, 31% алтайцев. Приведенные цифры красноречиво свидетельствуют об остроте проблемы малых народностей на территории современной Сибири.

Особую роль в модернизации и индустриализации Сибири сыграли освоение целинных и залежных земель, участие молодежи в крупнейших стройках Востока и Севера, ставших символом единства народов страны. На большой территории Сибири при общей невысокой плотности населения и широких масштабах строительства грандиозные задачи социализма не могли быть решены только силами местного населения. Для привлечения молодых сил и ускорения темпов строительства важнейшие для страны стройки объявлялись ударными, комсомольскими.

Понятие «Всесоюзные ударные комсомольские стройки» практически исчезло из современных учебных пособий, тогда как в годы развитого социализма так назывался великий интернациональный почин, охвативший молодежное население всей страны и ставший залогом единства народа и глубоких отношений делового сотрудничества на многие десятилетия. Среди многих других этот статус получили Западно-Сибирский металлургический комбинат в Новокузнецке, Иркутская ГЭС на Ангаре, Братская ГЭС, Усть-Илимск, в котором было сразу три Всесоюзных ударных комсомольских стройки: город, ГЭС, ЛПК (лесопромышленный комплекс); нефтеперерабатывающий завод в Омске, коксохимический комбинат в городе Заринске Алтайского края и др.

Масштабы коммунистического призыва тех лет были грандиозны. Кроме названных, Всесоюзными ударными были объявлены еще около 150 особо важных строек, на которые по комсомольским путевкам в районы Востока и

Сибири направлено более 800 тысяч молодых патриотов из разных городов Советского Союза. Такие мероприятия относились к разряду «условно добровольных», так как на эти стройки попадали не только энтузиасты, но и выпускники по распределению вузов, что становилось уже обязательным условием продолжения их профессиональной деятельности.

В морозном декабре 1962 года на берег Ангары высадился первый десант строителей. Так начинался Усть-Илимск и три его Всесоюзные ударные комсомольские стройки. А продолжался он на стройплощадках города, в котловане ГЭС, на монтаже оборудования предприятий ЛПК, в палатках и в песнях... Здесь трудились представители более двадцати стран мира – Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии и других. Усть-Илимская ГЭС была разработана и строилась как одна из самых экономичных гидроэлектростанций России.

Чуть позже таким же городом трех Всесоюзных ударных строек стал Братск. Строительство Братской ГЭС велось в необжитом районе Иркутской области. Освоение этих мест требовало много новых рабочих рук. ЦК ВЛКСМ объявил стройку Всесоюзной Ударной Комсомольской. Из воинских частей СССР на стройку пошли эшелоны демобилизованных солдат, с Дальнего Востока ехали моряки. Стройке нужны были бетонщики, сварщики, плотники, монтажники и другие специалисты. Для освоения строительных специальностей при «Братскгэсстрое» были открыты специальные учебно-производственные комбинаты.

За годы семилетки в Сибири были заложены основы создания третьей металлургической базы СССР. В 1960 году пущена Комсомольская (5-я) доменная печь на Кузнецком металлургическом комбинате, его самая мощная автоматизированная домна. В эти же годы в пятнадцати километрах от Новокузнецка в режиме Всесоюзной Ударной Комсомольской стройки сооружается Западно-Сибирский металлургический завод (ЗапСиб). 27 июля 1964 года была задута первая домна, а уже в следующем году ЗапСиб выдал первый прокат. В трудных условиях сооружалась железная дорога «Абакан – Тайшет», строительство которой – тоже дело рук молодежи.

В сельском хозяйстве в эти годы сохранялась потребность дальнейшего подъема производства зерна и продуктов животноводства, в решении этой проблемы значительное место тоже отводилось Сибири. Здесь планировалось освоить миллионы гектаров целинных и залежных земель, укрепить и расширить зерновую и животноводческую базы. По состоянию на 1 ноября 1953 года в Сибири имелось 18,1 млн. га целины, залежей, перелогов и 42,8 млн. га сенокосов, выгонов и пастбищ. За трехлетний период 1954-1956 годов по комсомольским путевкам в Сибирь приехало 130 тысяч человек – более трети всех целинников страны. Освоение целины началось весной 1954 года в Алтайском крае (освоено 2,7 млн. га), Новосибирской (1,6 млн. га) и Омской области (1,5 млн. га), Красноярском крае (1, 2 млн. га). Более 400 тыс. га освоили Иркутская, Читинская, Тувинская и Амурская области. Об успехах этого начинания убедительно говорят цифры: за сорок лет, предшествовавших освоению целины, прирост посевных площадей в Сибири составил 11,3 млн. га,

а за пять лет комсомольского почина – 9,6 млн. га. Это был выдающийся трудовой подвиг сибиряков и всего советского народа.

В 1974 году, спустя почти сто лет после легендарного строительства Транссиба, перед Министерством путей сообщения и Министерством транспортного строительства была поставлена очередная героическая задача: построить Байкало-Амурскую магистраль протяженностью 3145 км. Новая сибирская железная дорога складывалась из нескольких путей. Первая очередь – от города Усть-Кут (станция «Лена») до города Комсомольска-на-Амуре через Нижнеангарск, Чару, Тынду, Ургал. Второй путь длиной 680 км в Западной части БАМа – «Тайшет-Лена», а в 1974-1979 годах предстояло построить однопутную 400-километровую железную дорогу «БАМ-Тында-Беркамит». За десять лет строительства трассы БАМа каждый год становился новым рубежом в построении северной дороги.

Сотни промышленных предприятий страны приняли участие в очередной «стройке века»: поставляли машины, конструкции, материалы. Из Иванова, Калининна, Воронежа, Донецка, Костромы отправляли для стройки экскаваторы; из Челябинска – бульдозеры, из Москвы, Кременчуга, Минска – грузовики; из Ленинграда – тракторы «Кировец»; из Камышина, Одессы, Калининграда, Кирова, Балашихи – грузоподъемные краны; из Воронежа и Улан-Удэ – конструкции для искусственных сооружений; рельсы – с Кузнецкого металлургического комбината.

27 октября 1984 года все газеты страны опубликовали долгожданную весть о завершении укладки главного железнодорожного пути и открытия рабочего движения поездов на всем протяжении магистрали. При сооружении магистрали и притрассовых дорог строители за десять лет выполнили более 570 млн. куб.м. земляных работ, перекинули через реки и водотоки около 4200 мостов и труб, уложили 5 тыс. км главных и станционных путей, построили десятки железнодорожных станций, возвели жилые дома общей площадью свыше 570 тыс. км², открыли новые школы, больницы, детские сады и ясли.

Для культуры Сибири 70-80-е годы стали временем расцвета, вершиной ее развития и максимальной точкой в раскрытии ее природного и человеческого потенциала.

Индустриализация как способ взаимодействия человека с природой предусматривает ее переустройство усилиями человеческого разума. Она движется по планете постепенно, с каскадным эффектом. Средоточием индустрии в Сибири, как и везде, является город. В Западной и Восточной Европе города расположены рядом, соединены сетью дорог и экономически независимы друг от друга. В Сибири городов на два порядка величин меньше, поэтому им важно быть самодостаточными, способными обходиться без соседей. По плотности шоссежных дорог Россия уступает Европе в 33 раза, а Сибирь – в 333. Плотность железных дорог в Сибири тоже в 335 раз меньше, чем в Западной Европе. Плотность шоссежных дорог на 10 тысяч жителей в Сибири – 3,1 по сравнению с 53 в Западной Европе. Железнодорожных километров-путей – 8,2 по сравнению с 10,9 в Европе. Эти цифры только подтверждают, что самые большие перспективы и самые высокие горизонты

индустриализации у Сибири еще впереди, и в этом заключается ее своеобразие и уникальный культурный потенциал.

Огромная скорость градостроительства – еще одна особенность сибирской индустриализации. Разрозненные и значительно удаленные друг от друга, сибирские города вырастают рядом с дорогами, которые их связывают и объединяют, поэтому территориально сибирские города располагаются не густой россыпью, как в Европе, не крупными скоплениями, как в европейской России, а линиями, цепочками. Так в XVII-XVIII веках линейно формировались первые сибирские остроги. Данный факт является свидетельством того, что при всей значительности изменения культуры Сибири и ее материальных ресурсов в XX веке на глубинном типологическом уровне характер и состояние сибирского региона в сравнении с мировым и российским остается почти на прежних позициях.

Разнообразие природных ресурсов и полезных ископаемых делает регион кризисоустойчивым системным образованием. Месторождения каменного и бурого угля, различных черных и цветных металлов сформировали за годы социализма промышленную доминанту региона. Самое широкое развитие здесь получили отрасли тяжелой промышленности, металлообработки и всевозможные разновидности машиностроения. Достаточно полно представляет сибирское машиностроение перечень предприятий наиболее крупных городов региона: станкостроительные заводы – в Красноярске, Омске, Новосибирске, Иркутске и Барнауле; приборостроение и радиоэлектронная промышленность – в Иркутске, Новосибирске и Омске; горнодобывающая промышленность и металлообработка – в Кемеровской области, Красноярском крае, Туве, Томской области, Бурятии, Хакасии, Якутии; производство сельскохозяйственных машин, паровых котлов, шин – Алтайский край, Омская область, Красноярский край; доменное и сталеплавильное оборудование для горнодобывающей промышленности – Иркутская, Кемеровская, Томская области; авиастроение – Новосибирская область, Бурятия; локомотиво-вагоностроение, судостроение – Бурятия, Хакасия, Алтайский и Красноярский край; производство машин для животноводства и кормопроизводства – Бурятия; бытовая техника – Алтайский край. Для развития различных отраслей промышленности важное значение имеют химические предприятия Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Томской, Омской, Иркутской и Кемеровской областей; добыча золота на Алтае, в Иркутской области и в Якутии; лесная и деревообрабатывающая промышленность Томской, Кемеровской, Иркутской области, Алтайского и Красноярского края, Якутии, Хакасии, Бурятии.

Даже по этим выборочным фактам становится очевидно, что Сибирь действительно представляет собой единый суперрегион. Сложившийся здесь энергетический, экономический, производственный и научно-технический потенциал позволяет комплексно решать многие задачи. Например, разработка золотых месторождений Сибири обеспечивается не только рядом специальных золотодобывающих предприятий. В Иркутске налажено производство дределей для золотодобывающей и алмазодобывающей промышленности, в Якутии –

сувенирное производство, в Красноярске – Государственная Академия цветных металлов и золота, в Барнауле – завод по огранке алмазов. Подобная картина наблюдается и в авиационной сфере – от промышленных предприятий в области самолетостроения и ракетостроения – до развитой системы авиакомпаний и специальных учебных заведений по подготовке военного и гражданского летного состава (Сибирская аэрокосмическая Академия, Барнаульское высшее военное училище летчиков, Высшее командное училище ПВО в Красноярске). Такой всесторонний подход характерен для многих отраслей сибирской промышленности. И все же в нынешнем состоянии ее нельзя назвать системой или целостным региональным промышленным комплексом.

При всех отдельных высоких и ярких достижениях в экономике России Сибирь и сегодня сохраняет за собой устойчивое место поставщика сырья. Направление ее развития практически всегда зависело от воли правительства, нужд и интересов европейской части страны. При избытке ресурсов, которые находятся уже не в лучшем состоянии, она и сегодня продолжает испытывать дефицит материальных средств и квалифицированных кадров.

Парадоксальность современной ситуации в Сибири заключается в том, что значительное усиление демографического дисбаланса (убывание численности людей трудоспособного возраста, молодежи и детей, и рост количества пенсионеров) происходит сегодня в регионе, обладающем большими перспективами и имеющем явную нацеленность в будущее, в направлении все возрастающей модернизации, которую в гуманитарных науках определяют как продвижение к социуму более высокой культуры.

Перестройка основ государственности, начавшаяся в 90-е годы XX века и в Сибири тоже, привела к разрушению главного – существовавших в прежние годы прочных системных связей между предприятиями и отраслями промышленности, между ступенями добычи полезных ископаемых, обработки сырья, производства, распределения и потребления готовой продукции. Многие предприятия вынуждены были остановить работу или перепрофилироваться. Разрушение системных отношений государственной централизации было объективным требованием времени. Оно уже сыграло свою прогрессивную роль в расширении производственно-экономических возможностей региона. Ослабление централизованного государственного контроля за использованием природных и других ресурсов Сибири привело к заметным негативным последствиям, требующим скорейшего преодоления.

Эта тенденция постепенно приобретает глобальное звучание, о чем сегодня с тревогой размышляют крупнейшие ученые: «Благодаря отсутствию понимания необходимости глубочайшего диалога между Природой и человеком, мы снова оказались на пороге нового и очень грозного экологического кризиса... новой бифуркации – новой катастрофической перестройки самого характера эволюции человека, если угодно, нового витка антропогенеза... Общество уже подошло... к некоей запретной черте, одним из признаков которой является потеря стабильности ряда процессов, протекающих

в Природе... Человеку придется снова научиться вписываться в естественные циклы биосферы» [Моисеев Н; 1998, 226-227].

В современных исследованиях альтернативой противостоянию и конфликтам называются отношения межкультурного диалога как особого типа межсубъектных отношений, основанных на позиции принципиального равенства партнеров. Для сибирского региона эта идея сегодня представляется пока несколько преждевременной. Путь к этому состоянию лежит через самопознание и саморазвитие этносов и народов, осознание своей уникальности и культурно-исторической специфики. На сегодняшний день изучение региональной культуры, просветительская и восстановительная работа в духовной, материальной и художественной сферах культуры являются главной и первоочередной задачей. Ее позитивное решение позволит поменять состояние главного ресурса региона – человека – в направлении восходящего развития.

На сегодняшний день кризис недопустимо затянулся. Начало любого переходного процесса требует максимального приложения усилий для его скорейшего преодоления. Стремление к централизации нового типа, основанной на добровольном и заинтересованном сотрудничестве – это один из мощных ресурсов развития региона, который необходимо всемерно расширять и поддерживать.

5.3. Основные тенденции развития духовной культуры народов Сибири в XX – начале XXI веков

*...Чтобы человеку проявить свою необыкновенную живучесть,
лучше места на Земле, чем Сибирь – нет!*

В.Г. Мордкович

Духовно-содержательный аспект является мировоззренческой матрицей культуры Сибири, фокусируя и раскрывая ее существенные особенности. Духовная составляющая лежит в основе типологии культуры, определяет цели и формы ее развития, уровень достижений и даже продолжительность существования тех или иных ее сторон. Это стержневая, исходная характеристика, от сохранения которой зависит и сохранение самой культуры. Духовные основания не должны обновляться кардинально, так как это приведет к глубинному изменению, а иногда – даже к разрушению выросшей на их основе культуры.

В XX веке именно такое кардинальное реформирование духовная культура Сибири пережила дважды. Первый раз – в стихии революции 1917 года, когда в директивном порядке были отменены достижения дореволюционной России. Это состояние разрушения, «мирового пожара», «великой битвы» за новую жизнь выглядит с расстояния столетней давности как трагический путь в утопию, к которой оказалось не готово ни правительство, ни народ, да и направление как будто было задано ошибочно. Слишком уж часто на страницах научных работ по истории культуры Сибири XX века встречаются фразы: «это оказалось ошибочным решением», «здесь

были допущены явные перегибы в решении проблемы», «время показало, что данный способ привел к снижению результатов», что какие-то формы или методы не оправдали себя.

Даже постановка задач революционного преобразования носила агрессивный и военизированный характер. Взамен утраченных ценностей стране была предложена достаточно стройная идеологическая концепция, сила которой заключалась в ее детальной проработанности и единстве требований на всех уровнях командно-административной системы. А главное, эта перемена была основана на Великой Идее Коммунизма – пусть утопической, но задающей достаточно высокий ориентир для всей страны и каждого человека в ней. Идея воспитания достойного строителя коммунизма и построения идеального общества в отдельно взятом государстве побуждали сибиряков и жителей других советских республик на немислимые подвиги в военное и мирное время.

Второй раз полная перемена духовных ценностей в Сибири произошла в годы Перестройки, когда социалистические нормы жизни и отношений были отменены таким же росчерком пера, как это произошло почти столетие назад в текстах первых Декретов советского правительства. Главное отличие этого реформирования заключается в том, что в этот раз на смену прежней идее культуре Сибири не было предложено другой достойной цели, в устремлении к которой она могла бы проявить свои скрытые резервы и получить дополнительный импульс для роста и развития. В настоящее время поиск и формулирование такой идеи составляет главное направление деятельности сибирских ученых.

В современных исследованиях культура Сибири предстает как целостное, интегративное явление, сложившееся на пересечении всех ее составляющих – природной, социальной, этнической, религиозной, идеологической и других. Она синтезирует в себе в разных формах весь предыдущий опыт, оригинальным образом преломляя в новом виде прошлые культурные наслоения. В соответствии с открытиями синергетики, для определения духовного стержня культуры самым важным считается исходный момент, рождение, становление – то есть начало.

5.3.1. Духовные основания культуры Сибири и их метаморфозы в первой половине XX века

«Духовное начало»... Такая формулировка сложилась в науке не случайно. Духовная составляющая рождается, вызревает именно в начале, определяет это начало собой и позволяет на любой стадии развития культуры его реконструировать. Сформированная в этот момент идея задает тон и направление всему последующему развитию культуры. Обращение к изначальным событиям становления культуры Сибири дает возможность оценить ее современное состояние и увидеть перспективы.

Весьма нестандартный подход к осмыслению истоков Сибири предложен в недавно изданном исследовании В.Г. Мордковича «Сибирь в перекрестье

веков, земель и народов: очерки этно-экологической истории региона». Следуя научной логике современных открытий, он рассматривает специфику развития региона на основе его геологического происхождения. Пусть не покажется данный эпизод лирическим отступлением от главной проблемы, так как приведенные ниже данные необходимы для углубления понимания сути феномена, который мы сегодня называем «культура Сибири» (выдержки даются в сокращении):

«...Самые солидные среди нерукотворных архитектурных сооружений, созданных самой природой, именуется в геологии и палеографии кратонами. Их главное отличие – крепкие фундаменты, заложенные 1,5-3 млрд. лет назад. ...Кратонов на Земле всего одиннадцать. ...Они служат важнейшими блоками разнообразия на земной поверхности. Например, материк Евразия образовали пять соединившихся вместе кратонов: европейский, индийский, Китайский, частично Африканский и Сибирский.

Сибирский кратон ...похож на широкую плоскодонную чашу с приподнятыми краями, стоящую на раскаленной плите. Вот эта-то чаша и служит фундаментом того обособленного места, которое называется Сибирью...

Если рассматривать реки от моря к истоку, ...самые длинные и полноводные... – Обь, Енисей, Лена. Они с сотнями своих притоков образуют три поречья, густая паутина которых по линиям водоразделов точно вписывается в контуры Сибирского кратона, образуя единый сибирско-ледовитоокеанский стоково-водосборный бассейн. В этом отношении Сибирский кратон уникален по сравнению с остальными десятью, территория которых разделена между несколькими стоково-водосборными бассейнами...» [Мордкович, 2007, с. 35-39].

В данной цитате важны несколько принципиальных моментов. Первый – что мощная древняя основа теллурического¹ происхождения, каковой являются кратоны, оказывает заметное влияние на природную, этническую и, соответственно, духовную составляющую расположенных в их границах стран и культур; что для любой подсистемы мировой культуры имеет значение и изначально сформированная тектоническая основа, на которой она располагается. Исследование В.Г. Мордковича заставляет задуматься о существовании глубинной взаимосвязи между столь далекими факторами: сотворенный на природно-космическом уровне геологический фундамент, географический рельеф – и культурно-историческая судьба расселившихся на этой территории народов. Среди многих культурологически прочитанных автором естественнонаучных наблюдений выделяется тот факт, что уже в эпоху геологического вызревания очертаний планеты для территории Сибири было уготовано единое основание – единое в смысле целостности кратона, в границах которого она располагается, единства ее водосборного бассейна и других природно-климатических условий. Такова уникальность сибирского

¹ Теллурический — (этим. см. теллуризм). Земной, к земле как к небесному телу относящийся, из силы земли исходящий. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910.

региона: в нем счастливым образом совпали целостность основания и единство сформированного на нем природно-культурного пространства. Подобная цельность в мировом масштабе является редчайшим исключением, а точнее – единственным примером в мировой культуре! Так, например, евразийский материк сформирован пятью кратонами, а на территории других кратонов располагается множество мелких разнородных образований. Единство сибирского региона в природных свойствах дополняется еще рядом особенностей: «Сибирь имеет климат, который на всем огромном протяжении определяется одними и теми же причинами:

1. Влиянием ледового покрова Северного океана.

2. Расположением большей части страны в самой сердцевине Азии, далеко от океанов. На сибирском юге, в городе Кызыл (столице Тувинской республики), располагается геометрический центр Азии. От него до Тихого и Северного Ледовитого океанов – по 3 тыс, до Атлантического – 4,5 тыс. км.

Земля, именуемая сегодня Сибирью, ...едина в тектоническом отношении, а общая крыша – Сибирский антициклон (ок. 6 мес. в году)» [Мордкович, 2007, с. 39-43].

Сибирь – регион, в котором природа изначально господствует над культурой, где неизбежные пространства стремятся поглотить редкие очаги цивилизации и ростки человеческих преобразований. В этих условиях коренное население внутри своего этноса издревле вырабатывало во взаимодействии со средой тип отношений, сообразный условиям и формам жизни.

В монографии В.Г. Мордковича сделан акцент на существующую зависимость между геологическим фундаментом региона и живущими на его территории расами, обозначен характер влияния природных условий на формирование духовной и материальной культуры каждого народа. Соотношение суши и воды, гор и равнин, общей площади обитания, климата, освещения во многих чертах формируют, по мнению автора, стереотип поведения этноса. Культурные процессы формируются как результат взаимодействия человека и «вмещающего ландшафта» (Л.Н. Гумилев). Люди – часть экосистемы, они прочно встроены в общую цепь био-социо-культурного круговорота и выполняют определенные обязанности, поддерживая экосистему в рабочем состоянии или необратимо разрушая ее. Все эти положения имеют важное культурологическое значение именно в связи с теми переменами, которые в годы установления и развития социализма были организованы для народностей, в большом количестве населяющих территорию Сибири.

Сегодня на долю Сибири приходится около 60 % территории России, но проживают здесь всего 16% ее населения. В европейской России плотность населения – 17 человек на км², тогда как в Сибири – только 2. Разреженность населения исследователи называют главной причиной уникальной сохранности в Сибири множества этнических реликтов тысячелетней давности. Большинство из них держится сегодня на минимальном пределе численности, но все же эти народы живут, а многие даже несколько увеличивают демографические показатели. В результате в Сибири сложилась редкая этно-

демографическая ситуация, когда «людей мало, а народов – тьма» [Мордкович, 2007, с. 257].

Влияние геолого-географических предпосылок на культуру Сибири сохраняется на всем протяжении ее истории. Вероятно, именно этим можно объяснить, почему в трагических культурно-исторических поворотах разных эпох, при всех серьезных изменениях административных границ Сибирь все же не теряет качества целостности и продолжает развиваться как единая система. И в XX веке с его повышенной преобразовательной активностью в общем развитии Сибири все же можно выделить духовно-содержательное смысловое зерно, которое объединяет собой многообразие форм происходящих перемен. Такой идеей для XX века стала «культурная революция». «Слово «революция», понимавшееся как «коренное изменение» того, к чему оно прилагалось, меняло представление о культуре как о длительном и постепенном изменении духовного облика страны и населявших ее народов, сохранении традиций и вековых основ, базировавшихся на опыте поколений, религиозных верованиях и общепринятых экономических и моральных ценностях. Революция политическая, осуществленная большевиками, влекла за собой переворот и в экономике, и в культуре» [Соскин, 2006, с. 5].

При всех многочисленных заявлениях руководителей советской власти, провозглашавших постепенность и плавность перехода страны к новой жизни, параллельно шло последовательное разрушение всего, что касалось прошлого. В XX веке этот принцип действовал повсеместно – и в масштабах России, и в границах Сибири. Центром всех преобразований должна была стать личность, воспитанная и образованная в соответствии с новой партийной идеологией. Первые интуитивные идеологические шаги рабочего правительства 1920-х годов ко времени развитого социализма сложились в концепцию «Морального кодекса строителя коммунизма», обозначив стройную систему требований к личности человека уже далеко за пределами хронологических границ культурной революции.

Началась культурная революция в 1917 году, а на исходе 1930-х годов было объявлено о ее победе по всей стране, а значит – и в Сибири. Главной платформой идеологии СССР была идея единства и общности. Она пронизывала собой весь государственный строй и рожденную им командно-административную систему управления страной.

Дореволюционная культурная политика русского самодержавия тоже имела авторитарный характер, но в годы советской власти централизация духовной жизни усилилась многократно. Возможности проявления местной инициативы и национальных традиций четко регулировались центральной властью, организационно и идеологически культурная жизнь огромной страны была подчинена правящей партии. Региональная специфика развития коренного населения Сибири проявлялась не столько в характере и методах этно-национальной политики, сколько в особых природных условиях, географическом положении, экономической неразвитости Сибири. Огромная территория региона, полиэтничный состав населения, оторванность от европейских культурных центров, слабо развитые средства сообщения и связи,

преобладание сельского населения – все эти факторы усиливали культурное отставание Сибири от темпов развития центральных областей России. Преодолеть его можно было лишь ценой огромного напряжения сил и всесторонней помощи государства.

В начале XX века основу населения Сибири составляли русские. Вполне естественно, что в масштабах региона православие оставалось главной религией. Именно с его распространением на восток некоторые ученые связывают истинную цель освоения дружиной Ермака территории Сибири в XVI веке. Тогда еще не было речи о присоединении дополнительной территории. О «прирастании России Сибирью» будет сказано гораздо позже. Деяния дружины Ермака представлены в летописном источнике как духовный, нравственный подвиг: «И посла их Бог очистити место, где бытии святыне, и победити бусурманского царя Кучюма, и разорити богомерзкие и нечестивые их капища и костелы...» [Полное собрание русских летописей., с. 120]. Мигрировавшее в Сибирь русское население несло с собою вековые традиции народного православия, иконы, книги. Среди попадавших разными путями в Сибирь книг более всего было, конечно, книг для отправления службы в храме и дома: книги Священного Писания и литургические.

К 1917 году Сибирь уже не была глухой провинцией. В старых сибирских городах – Томске, Омске, Иркутске, Барнауле – имелись культурные учреждения разного уровня и направленности, вплоть до высших учебных заведений. В культуре дореволюционного Томска огромную организующую роль играл университет (1878). Показательным примером его духовно-просветительской деятельности может считаться организованная в 1899 году с благотворительной целью художественная выставка: все сборы и даже выручка чайного буфета предназначались населению Бессарабии, пострадавшему от неурожая. Советское культурное строительство проводилось в Сибири в основном местными средствами и исполнителями.

Уже первые послереволюционные годы ознаменовались многочисленными реформами: политической, экономической, педагогической, реформой русского правописания, изменением положения церкви и религии в политике государства. Главенство коллективного начала над индивидуальным стало доминирующим признаком культурной революции в Сибири, вследствие чего началась постепенная дегуманизация ее культуры. Личность как цель и идея общественного прогресса растворялись в грандиозных кампаниях, штурмах, акциях. Форма поглотила сущность, а формальные показатели стали основой измерения развития культуры. Духовные направления, подобные сибирскому «областничеству», при советской власти стали абсолютно невозможны: культура в Сибири могла развиваться только в русле общегосударственных проектов.

Общая картина культурной жизни Сибири первых лет советской власти была пестрой. После революции в Сибирь в качестве беженцев прибыло большое количество образованных людей из центральных районов России. При их участии начал работу Институт исследования Сибири. Развитие религии, социалистической идеологии, науки и искусства происходило здесь подобно

некоей культурной прививке. Старое и новое сталкивались в борьбе за влияние на общество, иногда уживались в параллельном существовании, иногда уничтожали или значительно изменяли друг друга. На время Гражданской войны место советской культурной политики заняла антисоветская. По крайней мере, нельзя утверждать, что Сибирь первых десятилетий XX века пребывала в культурной «дремоте».

В становлении советской культуры Сибири особая роль принадлежала Красной армии: в этом, по-видимому, проявлялся особый военизированный характер и времени, и эпохи, и типа становящегося государства. Она первой оказывала культурную помощь населению занятых ею городов и сел. В Сибири во всем сказывалась оторванность от Центра. Местные работники остро нуждались в конкретных циркулярах. Почти символически звучала направленная в столицу просьба сибиряков прислать «восемь вагонов печатных руководящих материалов – по одному вагону на губернию» [Соскин, 2006, с. 34]. В условиях новой идеологии из опасения ложного политического влияния на студентов и население закрывались открытые до революции вузы, вводились бесплатные зрелища, национализировались театры, наблюдалось массовое увлечение кружками художественной самодеятельности. Данные об открытии в эти годы культурно-просветительных учреждений в Сибири исчисляются тысячами.

Один из масштабных процессов, оставивший заметный след в культуре Сибири 20-30-х годов, – процесс «коренизации» малых народностей: коренные члены этноса начали активно вводиться в деятельность образовательных и культурных учреждений, государственного и хозяйственного аппаратов. Они знали язык и быт, владели психологией и пониманием поведения своих этнических групп. Считалось, что это послужит стимулом к развитию активности и самодеятельности широких слоев национальных меньшинств. Ради формирования интеллигенции в этнических районах Западной Сибири шла усиленная подготовка местных кадров, и все-таки по всей Сибири сельская интеллигенция преобладала над городской, серьезной проблемой была малочисленность инженерно-технических специалистов из лиц коренной национальности.

В первую очередь для малых народностей ставилась задача коренизовать те участки в управлении, которые имеют непосредственное отношение к населению. Это такие должности, как счетоводы, специалисты по пушнине, инструкторы, секретари, председатели, техники, бригадиры, младший медперсонал. Принимались все меры к закреплению кадров, продвижению их на более ответственную работу через повышение квалификации. «Как оказалось на практике, совместить массовую плановую коренизацию с качественным отбором было практически невозможно, приходилось учитывать недостаточную подготовленность местных кадров. Поэтому коренизация нередко проходила по методу процентного замещения должностей, когда аппарат учреждения чисто механически заполнялся на определеннный процент работниками из коренного населения» [Харунов, 2009]. К концу 1930-х годов в автономиях РСФСР были достигнуты основные цели коренизации и начался

обратный процесс – борьба с «буржуазным национализмом». В Ойротской и Хакасской автономных областях и Горно-Шорском национальном районе Западно-Сибирского края в 1934 году проводились массовые аресты представителей национальной интеллигенции. «Подсудимые обвинялись в том, что с целью образования самостоятельной буржуазно-демократической Тюркской республики, они создали контрреволюционную националистическую организацию «Союз сибирских тюрков», ...активно занимались антисоветской деятельностью. Большинство подсудимых приговорили по статье 58 к лишению свободы от двух до восьми лет» [Карлов, 2001, с. 64]. Репрессии конца 1930-х годов в национальных районах стали для них настоящей трагедией. Успехи в национально-культурном развитии были разрушены вместе с уничтожением интеллигенции. Развитие языка, письменности, печати было почти парализовано. Эти потери не восстановлены до нашего времени.

В сибирском регионе, даже без Дальнего Востока, еще до прихода русских насчитывалось не менее 40 народностей, большинство из которых существуют и поныне. Широту этно-национальных основ Сибири можно представить хотя бы на одном примере. Народы Алтая, традиционно именуемые алтайцами, на самом деле объединяют в себе несколько этнических групп. Такой же собирательный характер имеют хакасы, и даже один из самых представительных народов аборигенной Сибири – якуты (саха) – неоднородны по этническому составу. Если рассмотреть таким же образом и другие сибирские народности, их количество увеличится в геометрической прогрессии. Только юг европейской России пестрее Сибири по национальному составу. На сегодняшний день подсчитано, что в среднем сибирском городе живет народов в 1,7 раза больше, чем в центре России. В европейской России есть города однородные и разноматные по национальному составу. В Сибири же везде – Вавилон! Однако ни один из народов не растворил в своем этносе остальных: буряты так и остались бурятами, якуты – якутами, татары – татарами, русские – русскими...

Кроме этнической пестроты аборигенного населения в Сибири был еще один источник расширения внутреннего разнообразия народов. Многие столетия государство отправляло в Зауралье население, по каким-то причинам неудобное для европейской России. Так в Сибири появились национальные деревни: литовские и польские, финские и шведские, эстонские и чеченские, осетинские и калмыцкие, немецкие, корейские, но и русские, конечно.

Страшное явление тоталитарной Сибири – разветвленная сеть карательных учреждений под названием Сиблаг. В сознании людей Советской эпохи Нарым стоит в одном ряду с Кольмой, Магаданом, Воркутой. Сотни тысяч человек разной национальности отбывали здесь «наказание» и погибли от невыносимых условий. В землянках площадью 18 кв. м жили по 19 человек при полном отсутствии света и только при одной печи. Землянки не просыхали, с потолка и стен бежала вода, постель и одежда были постоянно мокрыми, на полу лежали снег и лед. Лучшая рыболовная бригада Ново-Никольского рыбзавода все лето и осень рыбачила босиком. Люди простужались и болели гриппом, малярией, накожными нарывами. Чаще всего под указы о депортации

попадали представители нерусских этнических групп населения (в частности, рыбный промысел в Нарыме развивался усилиями сибирских немцев, переселенных туда на принудительные работы за их родовую принадлежность к немецкой культуре).

Сиблаг – это тоже грань духовной культуры Сибири XX века: страшная, до абсурда жестокая, но открывшая миру неизмеримые масштабы силы духа человека. Здесь воедино собралось все: и суровость естественных условий сибирской природы, и ее необжитость, и убогость производительных сил на окраинах, и жесткость нравов, и традиции ссыльно-переселенческих процессов, и беспредел государственного авторитаризма, и идеологические перегибы, и героическая негибкость уверенных в своей правоте людей, и их трагически оборвавшаяся жизнь.... Все грани сибирской истории, как в линзе, высвечиваются здесь, в едином котле Сиблага.

Этническая плотность населения Сибири особым образом заостряет духовную проблему взаимодействия народов и культур – индивидуально и в коллективных формах, в частном порядке или на государственном уровне. Именно в процессе контактов корректируются и изменяются их традиции, условия жизни и духовные основания. Характерной особенностью быта сибирского крестьянина, в отличие от других, была его открытость. Добротные дома в сибирских селах выходили окнами и воротами на общую улицу; заборы невысокие; дома, как правило, не запирались. Уживчивость русского населения Сибири с другими народами и этническая толерантность способствовали заимствованию многих элементов культуры коренных народов при сохранении общерусских традиций.

Наряду с культурным сближением, в Сибири происходило смешение кровное. С давних времен и до сих пор смешанные браки совершаются в Сибири чаще и проще, чем в других регионах России, в связи с чем русские постепенно меняют свои этнические признаки: становятся темнее волосом, смуглее лицом, скулами шире, меняют выговор, незаметно для себя перенимая черты иного диалекта. Результатом стало появление в отдельных поселениях Сибири обособленных групп с уникальными этническими признаками: «поляков Алтая», «кержаков», «семейских Забайкалья», «карымов», «марковцев», «болдырей» и т.п. «Болдырь» отличается от человека чистой национальности не только разномастной внешностью, но и отсутствием стереотипа поведения, а потому – терпимостью к другим народам, которых считают братскими. Вызревание в ходе развития культуры Сибири особого типа личности – сибиряка – можно считать одним из проявлений идеи изначальной целостности региона.

Среди особенностей характера коренного сибиряка – широкая душа, гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордость и независимость характера, вольнолюбие, желание и готовность прийти на помощь другим, предприимчивость и сноровка в работе. К этому можно добавить жизненную основательность и крепость, привычку не отчаиваться в случае тяжелых испытаний, которые в Сибири – дело почти обычное.

5.3.2. Функции науки и религии в поликультурном духовном пространстве Сибири XX-XXI веков

Развитие духовных оснований культуры Сибири шло волнообразно, путем волевого насаждения новых идей и авторитарного воздействия на культуру извне. Этот процесс происходил на уровне государственной политики. Так, например, в 1920-е годы интерес Академии наук к изучению Сибири и районов Севера стал определяющим для организации ряда научных мероприятий сибирского, государственного и даже мирового масштаба. К 1928 году в Сибири и на Дальнем Востоке по указанию правительства работало уже 19 академических научных отрядов. При содействии созданного в 1920 году Сибревкомом Комитета Северного морского пути на островах и побережье Сибири к 1928 году было создано четырнадцать гидрометеорологических станций. На ранее пустынных территориях Арктики началось промышленное и транспортное строительство. В Карском и Чукотском морях проведен ряд крупных экспедиций для освоения Северного морского пути (руководители – Н.Н. Евгений, О.Ю. Шмидт, И.Д. Папанин). Вся страна объединила усилия для решения государственной задачи. На некоторое время Сибирь, ее северные районы оказались в центре внимания советской и мировой общественности, что позволило привлечь в регион значительные научные и экономические средства, способствовало значительному укреплению героико-созидательной идеологии преобразователя в сибирском человеке.

Интеллигенция здесь всегда была крайне малочисленна и рассредоточена по огромным пространствам сибирской провинции, но ее удельный вес в культуре региона оставался самым значительным. В этом заключается одно из отличий духовной культуры Сибири от ее состояния в целом в СССР. В центре России научная и творческая интеллигенция формировалась в крупных городах, имевших многовековую историю. Глубокие традиции имела и научная жизнь, обеспеченная деятельностью нескольких поколений русской аристократии и высокой концентрацией интеллигенции вокруг ведущих вузов и культурных центров.

Вплоть до Великой Отечественной войны и в экономике, и в развитии духовной культуры Сибирь значительно отставала и запаздывала по сравнению с центральной Россией. Война почти выровняла эти процессы: огромные масштабы эвакуации из европейской России в Сибирь изменили культурно-историческую роль, статус региона и его сословный состав. Центр научной, промышленной и художественной жизни был в военные годы перенесен из европейской части страны в Сибирь. Работы велись на устаревшем оборудовании, но сибирским исследователям помогали более 300 эвакуированных сюда ученых из центральных городов страны.

Так в 1940-е годы была заложена основа того стремительного развития, которое отмечают в регионе во второй половине XX века. На базе бывшей эвакуации выросли не только сильные научные школы и творческие организации, но и крупные заводы, научные центры, промышленные отрасли и даже целые города. Государственную поддержку получали открытия,

связанные с военным производством (разработки М.С. Горохова в области сверхскорострельности артиллерии, новый метод хирургического лечения больных профессор А.Г. Савиных и др.). Всемирную известность получила работа основателя сибирской школы хирургов, профессора Новосибирского медицинского института В.М. Мыш «Очерки хирургической диагностики». Ярким показателем развития сибирской науки в годы войны стало открытие 8 февраля 1944 года в Новосибирске Западно-Сибирского филиала АН СССР во главе с академиком А.А. Скочинским. Размах научной деятельности в Сибири заметно увеличился, а тематика исследований приобрела исключительно оборонный характер. Это еще один пример того, как развитие духовной культуры Советской Сибири определялось общегосударственными задачами.

В условиях мирного строительства во всех областях народного хозяйства был необходим технический прогресс, в связи с чем возросли роль и значение фундаментальных теоретических исследований сибирской науки. Правительство оказало помощь Сибири в создании новых научных учреждений системы АН СССР, отраслевых институтов и лабораторий, в развертывании исследований в высших учебных заведениях. Так, Томский политехнический институт уже к 1947 году получил около 30 вагонов учебного и научного оборудования в порядке централизованного снабжения. В 1949 году Дальневосточная база АН СССР была преобразована в Дальневосточный филиал АН СССР им. В.Л. Комарова, открыт Якутский филиал АН СССР, Восточно-Сибирский филиал АН СССР в Иркутске, Сахалинский филиал АН СССР на Дальнем Востоке, Институт физики АН СССР в Красноярске, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт.

К 1960-м годам наука стала главным показателем в соревновании двух социальных систем – социализма и капитализма. Страна поставила перед учеными задачу завоевания ведущего положения в мире. Особое место в этом процессе тоже занимала Сибирь. Академики М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович, С.Л. Соболев внесли предложение создать в Сибири крупный научный центр путем перевода из Москвы и Ленинграда научных учреждений общетеоретического профиля. Многие ученые дали согласие ехать в Сибирь. 18 мая 1957 года Совет Министров СССР принял постановление о создании Сибирского отделения АН СССР, в которое вошел как составная часть уже существующий там Западно-Сибирский филиал АН СССР. Город науки под Новосибирском строила молодежь, прибывшая со всех концов страны по путевкам комсомола. Здесь были начаты работы по проблемам науки, имеющим мировое значение: исследования в области математики, ядерной физики, строения земной коры, по экономическим и общественным наукам. После войны здесь также началась научная работа по археолого-этнографическому, антропологическому и лингвистическому исследованию Сибири под руководством С.В. Киселева, А.П. Окладникова, М.Г. Левина, В.А. Аврорина и других крупных ученых.

В тесном взаимодействии с Новосибирским научным центром успешно развивались научные исследования в других районах Сибири: в Иркутске, Владивостоке, Якутске, Красноярске. В Иркутске действовали институты

Биологии, Географии, Геохимии, Земной коры, Энергетический, Органической химии, Лимнологический, Земного магнетизма, Ионосферы и распространения радиоволн; в Якутии – институты Геологии, Мерзлотоведения, Космических проблем и аэронауки.

С другой стороны, советские десятилетия оказались наиболее трагичными для религиозной жизни народов Сибири. Материалистический характер отношений в новой государственной системе шел в разрез с традиционными взглядами русского православия и других религий. Главной «религией» в Советском Союзе стала коммунистическая марксистско-ленинская идеология.

В годы революции и первые десятилетия после нее в Сибири насчитывалось около 2800 религиозных общин, из них более 1000 сектантских, свыше 1000 служителей культа и 15-20 человек актива в церковных советах, около 2,5 миллионов верующих. К этому надо добавить, что в прошлом Сибирь была местом переселения сектантов, а после окончания гражданской войны здесь скрывались и оставшиеся в живых представители белогвардейских формирований, и значительная часть подвергавшегося гонениям духовенства. Здесь были представлены все культы: православие, мусульманство, лютеранство, иудейство, ламство, а также сектантство всех направлений: баптисты, евангельские христиане, молокане, меннониты, иеговисты и др.

В Новосибирске в эти годы находились руководящие центры почти всех религиозных организаций – митрополитское управление обновленцев, епархиальное управление старой церкви – тихоновцев, Сибирский союз баптистов, Сибирский союз евангельских христиан, Среднесибирский союз адвентистов седьмого дня и др. В силу явного несоответствия основополагающих идей религии и социалистического материалистического мировоззрения, церковь идеологически оценивалась как центр контрреволюционной организации, готовой в любой момент к свержению Советского строя.

Политика, направленная на жесткое пресечение всякого инакомыслия, породила в Сибири несколько волн репрессивных мероприятий. С первых лет Октябрьской революции 1917 года возник трагический конфликт Церкви с новой властью. Большевики отделили церковь от государства и школу от церкви, конфисковывали монастырские и церковные земли. В 1920 году было национализировано имущество Красноярского Знаменского общежительного скита, Туруханского Троицкого монастыря, на месте Енисейского Иверского женского и Енисейского Спасского мужского монастырей были образованы сельскохозяйственные артели. Эти и другие многочисленные подобные акции, проводившиеся в то время по всей Сибири, были прямым нарушением декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 года, в соответствии с которым разрешалась национализация монастырского имущества и последующая его передача верующим во временное пользование. Юридически закрытие монастырей не допускалось, однако на практике происходило повсеместно.

Представителями ВЧК-ОГПУ в 1922-1943 годах была разработана программа обновленческого раскола Русской Православной Церкви на

враждующие группировки. Ее основу и главную силу составили три организации: «Союз церковного возрождения», «Союз общин древнеапостольской церкви» и «Живая Церковь». Происходили аресты и высылка неудобных епископов, раскальвание мирян. Это был период репрессивной и тотальной секуляризации, принявшей форму «воинствующего атеизма», возведенного в ранг государственной политики.

Чувство страха, повившееся в обществе в условиях революции и гражданской войны, вызывало в сознании населения ощущение трагедии. Непредсказуемость и абсурдность идеологических обвинений, жестокость методов в получении показаний, быстрота и категоричность вынесения приговоров погрузили Сибирь 1920-30-х годов в атмосферу, близкую настоящему религиозному мистицизму: человек постоянно ощущал присутствие «Всевидающего Ока», неусыпно следящего за каждым его шагом. Сибири в этом процессе снова была отведена традиционная роль места каторги, ссылки.

Органы власти приняли ряд дискриминационных законов (1929), направленных на ослабление религии и рост антирелигиозных настроений в обществе. Участились случаи арестов православного духовенства по надуманным обвинениям. Население нередко выступало против подобных действий органов власти, противилось изъятию из церкви метрических книг, составлению описей церковного имущества. Крестьяне сибирских сел возмущались отсутствием в школах икон и отменой Закона Божьего, запрещали детям посещать такие школы.

В 1922 году с принятия постановления ВЦИК о принудительной сдаче «всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа» начался отсчет масштабной сибирской кампании по изъятию церковных ценностей. Сибирскими губернскими комиссиями была получена директива от высших партийных органов, которая отменяла постепенное и бесконфликтное проведение кампании, требовала быстрого изъятия ценностей и разгрома Церкви [Петров, 1997, с. 26]. Во многих городах Восточной Сибири (Минусинске, Енисейске и др.) даже коммунисты выступали против изъятия церковных ценностей. Военские части Канска отказались участвовать в предстоящей кампании, но такое противодействие кампания встречала не везде. Сопrotивление верующих и духовенства было сломлено с помощью военной силы, храмы разграблены. Русская православная церковь оказалась на грани гибели.

Несколько иное положение в стране занимал ислам. Именно ислам сумел наиболее эффективно противостоять коммунистическим преследованиям. Он сохранял тесные связи с народными обычаями населения тюркского происхождения, которые значительно увеличило свою численность в советское время. К тому же, тюркские народности защищала внешняя политика Советского государства, направленная на поиск союзников на Ближнем Востоке. Именно ислам выступал в качестве религии всемирной общины

мусульман, где бы они ни проживали, преодолевая территориально-этническую разобщенность.

Модернизации в советские годы подвергался и ламаизм. Обновленчество в Бурятии 50-х годов канонизировало положение о том, что буддизм – это не религия, а философское учение, своеобразная нравственно-этическая теория универсального характера. В период сталинского режима буддизм просто вычеркнули из российской истории. Все дацаны и монастыри были закрыты, значительная их часть уничтожена. Буддийские священники – ламы – подверглись репрессиям. И только в 1946 году с оживлением религиозной жизни изменилась политика государства и по отношению к буддизму, начался процесс восстановления дацанов (Иволгинский и Агинский). Вновь была установлена их связь с международными буддийскими организациями и центрами.

Буддизм в Сибири преобладал в южных областях (буряты, монголы, сейоты); ислам – на юго-западе (киргизы, барабинские татары и др.) Христианству еще до революции достался преимущественно север. Чем дальше к востоку и северо-востоку, тем слабее было влияние этих религий. У жителей крайнего северо-востока (чукчи) традиционно сохранял сильные позиции шаманизм. В советский период именно шаманизм продемонстрировал большую гибкость и живучесть. Проведение шаманских камланий не было регламентировано временем и местом, и для них не нужны были специальные здания. Жизнь шаманов внешне не отличалась от жизни остальных людей, деятельность их проходила скрыто, в то время как действия православных священников, лам и т.д., выделяющихся даже своим внешним обликом, имели более широкий публичный характер.

Шаманизм и другие формы язычества и в советское время продолжали сохраняться архаичными формами культуры. Более того, когда православная церковь перестала быть государственной религией, «обращенные», т.е. христианизированные народы (например, мари, мордва и др.) стали официально переходить от христианства к исконным для своего этноса формам культа и верований. Языческое мировоззрение, имея общие типологические черты, содержательно весьма отличается у каждого народа, акцентируя различия. Не случайно в момент объединения народов или стран начинается работа по установлению одной из мировых религий.

Именно таким путем в XIX веке православие устанавливалось на территории Сибири. Миссионеры признавали, что усвоение православия шло с большим трудом. Итогом их деятельности стала не смена веры, а образование религиозного синкретизма в результате взаимодействия старой и новой религии. Православие было для коренных народов Сибири идеологической новацией. Оно вошло в культуру этносов, но не стало частью их этнической культуры. Все этнически значимые компоненты культур по-прежнему остались вне православия.

Принятие православия во многом имело прогрессивное значение для народов Сибири. Например, из стен Алтайской духовной миссии вышли первые грамотные алтайцы, шорцы, телеуты, которые, приобщившись к православию,

воспроизвели и транслировали свою этническую культуру. Миссионерами был разработан их алфавит, создана национальная письменность, что придало устойчивость этим этническим культурам.

И все-таки духовное влияние христианской веры на культуру малых народностей носило, в основном, поверхностный характер и не затронуло глубоко их религиозных представлений. Порой у них происходил буквальный перенос традиционных языческих культов на объекты христианской религии. Миссионеры конца XIX – начала XX века вынуждены было определить религиозный тип сознания коренных северных народов как двоеверие. Все чаще стало употребляться название «язычествующие христиане». Не произошло отречения от своих изначальных языческих корней у коряков и чукчей. У некоторых восточных народов, подверженных ламаизму или буддизму, религия принимала характер троeverия. К 30-м годам XX века этно-национальные различия в Сибири почти потеряли изначальный смысл, так как Советская власть одинаково решительно искореняла «мировоззренческие религиозные заблуждения» как языческого, так и христианского характера.

Несмотря на то, что религия перестала быть доминантой общественного сознания, она и в советский период продолжала оставаться составной частью национальной культуры. В новых условиях изменилось лишь положение религии и степень ее воздействия на общество. В период радикальной перестройки государственной жизни именно церковь оставалась моральным авторитетом, носителем национальных традиций, исторической памяти народа. Это отношение укрепилось в годы Великой Отечественной войны, когда трагические обстоятельства заставили государство использовать религию как источник патриотизма, народной и духовной силы, способной обеспечить победу.

Процесс «религиозного возрождения» и плюрализма Перестроечного периода выявил в Сибири противоречивые тенденции. Русская православная церковь в отношении объявленной государством «свободы совести» высказала доктринальную идею: появление принципа свободы совести – свидетельство того, что в современном мире религия из «общего дела» превращается в «частное дело» человека и что сам по себе этот процесс свидетельствует о распаде единой национальной системы духовных ценностей. Значительный перелом в положении религии в современной Сибири произошел в 1988 году в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси. С этого времени у народов Сибири начинается возрождение «исторических» религий и реконструкция «традиционной веры». При этом снятие «железного занавеса» открыло возможности для прихода в регион зарубежных миссионеров.

Начало современного этапа ознаменовалось принятием федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» (сентябрь 1997), зафиксировавшего определенную иерархию религий – за православием признавалась особая роль в истории и культуре России и всех ее регионов. В отношении к религиям начался обратный культурно-исторический процесс. В начале 1990-х годов Русской православной церкви была частично возвращена ее бывшая собственность – здания храмов, закрытых в советское время. Власть

постепенно переориентируется на установление контактов с издавна существовавшими в Сибири конфессиями. Негласную поддержку встречают «неязыческие» объединения, зарубежные религиозные организации.

Поликонфессиональный и полиэтничный состав населения Сибири затрудняет обеспечение религиозной терпимости в регионе. Так, например, на территории одной только Бурятской АССР сегодня проживают представители более 116 этносов, официально зарегистрированы 159 религиозных объединений, представляющих собой 8 самостоятельных конфессий – шаманскую, древнеправославную, православную, буддийскую, иудаистскую, исламскую, католическую и протестантскую. Традиционными для Бурятии являются буддизм, шаманизм и христианство: русская православная церковь и древнеправославие. Между конфессиями существуют серьезные противоречия, принимающие порой конфликтные формы. Религиозная картина в Бурятии является типичным примером мировоззренческого расслоения у большинства народностей Сибири.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Республике Алтай, где политические и ритуально-мировоззренческие перипетии до предела обострили и без того сложную культурную ситуацию. Помимо традиционно поликонфессиональной ситуации, смешивающей на территории республики мировые религии (христианство православное и старообрядческое, буддизм, ислам) и шаманизм, здесь в перестроечные годы активизировалось движение ак-жанг («белая вера»), выросшее из синтезийного религиозно-политического движения начала XX века – бурханизма. В культе «белой веры» смешались черты буддизма и элементы «белого» шаманизма, что позволяет ее апологетам утверждать, что ак-жанг – это исконная религия алтайцев. В кругах интеллигенции все чаще звучат призывы к возрождению древней монотеистической веры Тенгрианства, способной, по их мнению, сплотить и укрепить духовно алтайский народ.

У народов ханты и манси наряду с другими религиозными конфессиями тоже сохранились и поддерживаются языческие традиции.

Современные представители православной церкви в Сибири принимают участие в образовательных проектах, в разработке христианской социальной этики, направленной на укрепление регулятивной роли морали и духовных основ новой общественной нравственности. Так называемое «религиозное возрождение» сопровождается сегодня в Сибири и другими издержками: усилившийся авторитет церкви временами используется предприимчивыми руководителями в корыстных интересах, религиозные организации втягиваются в политическую жизнь региона, в его межэтнические противоречия и конфликты. Показная религиозность характерна и для других социальных групп. Многие верующие соблюдают внешние признаки религиозности как следование моде или из любопытства, при отсутствии ясного представления о религиозной идеологии, догматике и обрядах. Эти негативные проявления являются составной частью такого сложного и неоднозначного процесса, как «религиозное возрождение». Получение гражданской свободы людьми,

потерявшими внутреннюю свободу, привело к совершенной растерянности многих этнических и социальных образований.

Развитие духовной культуры Сибири в годы Перестройки приобрело напряженность и даже некоторую конфликтность. Сегодня свобода вероисповедания привела к восстановлению традиционной картины мира у многих малых народностей, но в нынешних условиях этот процесс приобретает уже некоторую искусственность и поверхностность, в результате чего повышение уровня национального самосознания часто сменяется различными формами национализма и шовинизма.

В настоящее время в Сибири продолжается процесс формирования некоего общего мировоззрения, включающего в себя все прежние напластования, в том числе и научно-материалистические. Аналогичная картина сейчас наблюдается во всем мире, и разница состоит лишь в степени совмещения различных форм религий.

Глобализм во многом стирает и будет стирать экономические, национальные, языковые и культурные различия. Такова мировая тенденция. Борьба национальных и культурных автономий за свою самобытность продолжается в разных формах. В Сибири сегодня тоже ощущаются некоторые последствия глобализации: еще недавно языков здесь было гораздо больше. В условиях интенсивной миграции, обусловленной в XX веке процессами индустриализации и урбанизации суперрегиона, активного внедрения в быт ценностей массовой культуры, постепенно происходит частичное отмирание этнических признаков, теперь уже нередко присутствующих в городской и сельской среде только в музейном варианте.

Духовные основы сибирской культуры всесторонне раскрывают ее неравновесный, пограничный характер. На рубеже XX-XXI веков в Сибири начала возрастать активность малочисленных народов Сибири и этнических групп, поставленных перед проблемой выживания и сохранения духовных и культурных позиций. В марте 1990 года прошел I съезд Ассоциации малых народов, которую возглавил нивхский писатель В.М. Санги. Деятельность этой Ассоциации направлена на сохранение культуры, традиций, образа жизни малочисленных народов Сибири. В 1992 году была создана Международная лига малочисленных народов и этнических групп, председателем которой стала нанайка Е.А. Гаер. Путь к этому состоянию лежит через самоопределение этносов и народов, осознание своей уникальности и культурно-исторической специфики. Эти изменения позволяют надеяться, что именно в состоянии духовной трансформации России Сибирь сможет и должна максимально реализовать свои скрытые и явные возможности.

При этом не менее весомой и значительной является проблема сохранения, а в чем-то – и восстановления национальных традиций так называемого «русского народа», который при внимательном рассмотрении оказывается столь же многонациональным, сложносоставным по этническим и культурным истокам. Сибирь – это пространство «кипения» активных миграционных потоков, направляемых сюда из разных регионов России внутренней потребностью саморазвития народов или интересами политики

государства. Даже в системе культуры России она представляет весьма своеобразное поле духовного брожения, где, словно в реторте, переплавляются разнообразные ценности и смыслы, национальные обычаи и традиции. По данным статистики, только в Алтайском крае в 2010-11 годах проживает более 100 разных национальностей: 92 % населения составляют русские, следующие по численности – немцы (3,05 %), украинцы (2 %); все остальные – 3 %.

В условиях становления культуры постмодернизма, учитывающей процессы нелинейного развития, европейский историко-культурный процесс уже не признается как единственно возможное, мировое, универсальное явление, когда все культуры подчинены единой логике духовного развития. *Для культуры Сибири, буквально «замешанной» на единстве и целостности, сохранение разнообразия является необходимым условием сохранения устойчивости системы.*

В начале XX века известный русский философ Г. Федотов писал, что в России после 1917 года цивилизация «подняла руку» на культуру и что для прогресса необходимо переместить центр тяжести с вопросов техники на вопросы духа. На сегодняшний день научная, просветительская и восстановительная работа в духовной, материальной и художественной сферах культуры являются главнейшими и первоочередными задачами. Их позитивное решение позволит изменить в направлении восходящего развития состояние главного ресурса будущего развития региона – человека.

5.4. Становление и развитие художественной культуры Сибири XX-XXI веков

Только при свете искусства могут быть исправлены дела человеческие
Айрис Мердок

О чрезвычайно сложном и многогранном процессе художественного развития Сибири не написано ни одной обобщающей работы. Нет их даже по отдельным областям, районам и регионам Сибири. В лучшем случае в изданиях советского времени можно найти исследования, характеризующие в целом вид искусства или один из его жанров. Встречаются монографические работы по творчеству отдельных авторов, но все это не дает общей картины художественной жизни суровой и богатой земли, вдохновляющей своей природой, людьми и историей на творческий порыв, поэзию и поэтику. Состояние художественной культуры, как и другие грани жизни Сибири XX века, было во многом подготовлено ее предшествующим периодом развития. Основу его заложили предреволюционные процессы в Сибири и традиции ее недавнего прошлого.

5.4.1. Предпосылки и основные тенденции формирования советской художественной культуры в Сибири в начале XX века

Художественная культура сибирского региона – достаточно молодое образование. Периодом ее становления был XIX век. Наиболее значимые события культурной жизни Сибири конца XIX века Г.Н. Потанин и Н.И. Ядринцев относили к «чудесам личной энергии». Вся страна жила тем, что «то там, то здесь завелся мыслящий, неравнодушный человек». Эта мысль очень просто объясняет суть происходящего в сибирских землях перед революцией 1917 года. Предкризисное состояние общества не создавало условий для целенаправленной продуманной политики государства в сфере художественной культуры. В России тех лет весьма развито было подвижничество и меценатство. Все великие свершения и весомые идеи в культуре были подготовлены и реализованы индивидуальностями, неравнодушными людьми, одаренными высшим видением и чувствованием жизни. В этом смысле развитие художественной культуры в Сибири идет в едином направлении со всей страной. Так, например, в Иркутске именно по инициативе частных лиц создавались первые художественные школы: в 1906 году – усилиями воспитанника Московского училища живописи, ваяния и зодчества А.Ф. Лытнева, в 1910 году – стараниями только что окончившего Парижскую студию Жюльена И.Л. Копылова (именно она стала основой создания в Иркутске художественного училища). И первая в Сибири художественная галерея была тоже частным делом купца В.П. Сукачева. В 1885 году в Томске на деньги купца Королева было выстроено крупное здание театра с тремя ярусами, ложами, партером, амфитеатром и галереей.

В конце XIX века в Сибири возрастает значение городов, расположенных вдоль Транс-Сибирской магистрали. Постепенно в культурном отношении выделились Омск, Томск, Новониколаевск, Иркутск, Красноярск. Именно здесь создавались первые в Сибири классы рисования, живописи, проводились художественные выставки. Сибирские истоки имеют многие известные явления российской культуры. Так, например, здесь родились В.И. Суриков (Красноярск) и М.А. Врубель (Омск).

Сибирь была притягательна для художников и как перспективный, развивающийся регион Российской культуры, и как плодотворная сфера приложения просветительской и профессиональной деятельности, и как устойчивый мотив творчества, для некоторых ставший главной темой всей их творческой биографии. Так, например, в 1905 году в Сибирь был сослан Владимир Дмитриевич Вучичевич – уроженец Черногории, участник социал-демократического движения, ученик И.И. Шишкина в Академии художеств, взявший впоследствии себе псевдоним Вучичевич-Сибирский. Поселившись в Сибири, он глубоко изучил и полюбил этот край, всю свою недолгую жизнь посвятил развитию его художественной культуры (в 1919 году был вместе с семьей зверски убит кулаками).

Накануне Октябрьской революции самым многонаселенным городом за Уралом был Томск, в сферу административного влияния которого входила

почти вся Западная Сибирь. Как крупный культурный и торгово-промышленный центр, он был средоточием революционной и научной жизни, центром образования, отличался развитой музыкальной и театральной жизнью. В 1909-1914 годах там было организовано первое художественное объединение Сибири «Томское общество любителей искусств» (ТОЛХ). В рубежные годы в Томске и на Алтае в числе ряда других художников изобразительное искусство было представлено двумя учениками И.И. Шишкина. Один – В.Д. Вучичевич-Сибирский – после окончания Академии художеств проживал в Томске и ряде других сибирских городов, потому что считал Сибирь единственным местом, где в силу сохранившихся природных редкостей и заповедных уголков действительно может развиваться жанр пейзажа. Другой – алтайский художник Г.И. Гуркин, обучавшийся лично у гениального пейзажиста, создавший непревзойденные художественные образы Алтая и воссоздавший в живописи легендарные национальные традиции своего народа.

В Иркутске, который тоже издавна считался центром художественной культуры Сибири и важным административным центром на востоке России, в 1870 году В.П. Сукачев открывает общедоступную галерею, ставшую в годы Советской власти основой крупнейшего художественного музея. В этот музей с 1900 года на выставки присылали работы видные столичные мастера: И. Репин, В. Поленов, В. Серов, К. Сомов, М. Добужинский, Л. Бакст, Л. Пастернак и др.

Другим известным иркутским подвижником был художник и педагог И.Л. Копылов (1881-1941), основавший в Иркутске первую художественную школу. Его называют «истинным русским интеллигентом», «энтузиастом», «патриотом своего края», «мечтателем, одержимым идеями просветительства». Копыловы становились зачинателями многих благотворительных дел: строили больницы, школы и интернаты, библиотеки, уезжали работать в самые глухие районы области, были известны далеко за пределами Иркутска.

Особую атмосферу сибирских городов в 1910-е годы формировала их архитектурная среда. При значительной доле частного сектора, в крупных городах Сибири создавались постройки в духе и стиле своего времени, которые стали знаковыми в динамике культуры. В первые десятилетия XX века в Сибири архитектура развивается параллельно с общероссийскими стилевыми направлениями: основу ее составляют модерн, эклектика и кирпичный стиль. В кирпичном стиле в Сибири обычно ставились жилые особняки: особняк коменданта Омска В.И. Волкова, дом известного омского писателя и художника Антона Сорокина, торговый дом купца И.И. Полякова в Барнауле и др. В 1910-11 годах в Иркутске по проекту петербургского архитектора Иогансена строятся здания в стиле модерн, среди которых – филиал Русско-Азиатского банка. Монолитные железобетонные каркасы зданий, построенных с элементами конструктивизма, привносят в изменчивое историческое и духовное пространство сибирских городов тех лет идеи основательности, крепости, незыблемости мира.

Обстановка в культуре Сибири в 1917-1919 годы была исключительно трудной для развития искусства. Провозгласив культурную революцию, новое государство оказалось перед лицом трудновыполнимой задачи: используя

минимальные экономические рычаги, направить развитие искусства в нужное идеологическое русло. В действительности развитие художественного творчества представляло собой пеструю картину.

Литература. В Иркутске возникла группа поэтов декадентского толка «Барка поэтов», обосновавшихся на барке паровой пристани. Литература создавалась в основном в красноармейских частях и партизанских отрядах. Именно в эти годы завоевывают широчайшую популярность стихи молодых поэтов И. Славина и В. Кручины, партизана Реброва-Денисова. На страницах партизанской газеты выступают будущий романист П. Петров и поэт Т. Рагозин. Гражданская война затормозила деятельность некоторых писателей. В рядах Красной Армии сражались прозаик Ф. Березовский и поэт А. Оленич-Гнененко, продолжая писать урывками. В боевых походах сочинял стихи поэт-правдист И. Ерошин. Венгерский публицист и поэт К. Лигети написал одно из своих лучших стихотворений «Мое завещание» на стене тюремной камеры перед казнью. Журнал «Сибирские записки» в Красноярске публиковал статьи белых офицеров и политические обзоры, направленные против власти Советов, отстаивал независимую от России «родную Сибирь», воспевал бело-зеленое знамя областничества.

В предреволюционные годы ярко заявило о себе творчество сибирского писателя Г. Гребенщикова. Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882-1964) занимает особое место не только в литературной жизни Сибири, но и в мировой культуре. Это яркий самородок, выросший из неграмотного, слабого, забитого и осмеиваемого всеми ребёнка в выдающегося по масштабам и размаху писателя и просветителя. Великие идеи, удивительным образом умещавшиеся в его хрупкой юной душе, воспитали в нём богатыря, всецело преданного своей родине, её малым и большим народам.

Деятельность его протекала в Омске, Томске, Барнауле, однако для многих сибиряков имя и творчество Г. Гребенщикова до сих пор остаются практически неизвестными. Он работал как журналист, этнограф, писатель, в горах Алтая, в селениях по берегам рек Убы и Бухтармы (бывший Южный Алтай, сейчас Восточный Казахстан) собирал материалы о культуре алтайских старообрядцев. В 1920 году Г. Гребенщиков вынужден был уехать из России – сначала в Европу, а затем в Америку, где он жил с 1924 года до конца своих дней, всемерно пропагандируя и романтизируя дорогую его сердцу Сибирь. Его отъезд за границу стал главной причиной запрета его имени в Советской России. Т.Г. Чернышева называет этот процесс «заочным репрессированием» писателя у него на родине. Главной в художественном творчестве Гребенщикова была крестьянская тема. При этом он был философом крестьянства, искателем нравственных основ русского и сибирского крестьянского уклада.

Жизнь Г. Гребенщикова насквозь мифологична. Подобно былинному богатырю или легендарному пророку, он рождается в глухом, неприметном месте. Беспросветная бедность, побои, страдания и унижения детства оказались первыми ступеньками «лестницы» его судьбы, где юношу ждала незабываемая встреча с удивительным человеком – Г.Н. Потаниным. Эта встреча, как

легендарное «явление отроку Варфоломею», совершенно перевернула жизнь Г.Д. Гребенщикова, зажгла в его душе огонь «великого Служения», верность которому он сохранял до своих последних дней. Писатель ставит цель не «изучить» Сибирь, а «понять» ее, разобраться в сущности ее исторического предназначения, в характере возможных перспектив. Он предлагает читателю проникнуть в загадочную сущность этого явления не умом, не «глазами», а сердцем: «... и прежде чем понять какую-либо новую страну, надо полюбить ее». Им написано огромное множество рассказов, повестей, но вершины его творчества – это «Егоркина жизнь», «Письма с Помпеяга» и, безусловно, семитомный роман-эпопея «Чураевы», в котором образ Сибири и сибиряков получает свое полнейшее смысловое и эмоциональное выражение.

Сложность литературного процесса в Сибири 1917-19 годов с наибольшей полнотой выявилась в Омске – крупном культурном центре. В нем работали Вс. Иванов, Ф. Березовский, П. Драверт, Л. Мартынов, композитор В. Шебалин, художник В. Уфимцев и др. В белогвардейской прессе сотрудничали Г. Вяткин, Ю. Сопов, Г. Маслов и др. Они воспевали «верховного правителя» Сибири – А.В. Колчака. Весьма своеобразной в эти годы была деятельность писателей Барнаула. Здесь действовало литературное объединение АГУЛИПРОК (Алтайский губернский литературно-продовольственный комитет). Состав его был широк: от большевиков до эсеров. Идейная направленность и странное название имели шуточный смысл: вечерние собрания членов АГУЛИПРОКА сопровождалось чаепитием, для которого Алтайский Губпродком выделял бутерброды, а сам АГУЛИПРОК снабжал местные издания литературным «продовольствием».

Архитектура. После революции изменилась социальная классовая направленность культуры Сибири, и первой ощутила это на себе архитектура – самый монументальный, предназначенный для выражения главных мировоззренческих идей вид искусства. Одни авторы активно искали новые формы, другие отстаивали академические традиции.

В 20-е годы в Сибири ведущими архитекторами классического направления были представители старшего поколения, получившие образование в лучших традициях русской художественной школы. Так, проф. А.Д. Крячков в 1923-1924 годах построил в стиле классицизма («ампир») здание кинотеатра и Госторга в Новониколаевске; проф. К.К. Лыгин руководил постройкой здания почтамта в Томске в стиле «европейского Ренессанса»; в Красноярске в 1927 году построен краеведческий музей им. В.И. Ленина в формах древнеегипетской архитектуры. Поиски нового выливались в эклектизм и конструктивизм. К общественным зданиям предъявлялись особые требования: чтобы их архитектура была одним из агитационно-действенных средств выражения социалистических идей.

«В этот период в плане ленинской «монументальной пропаганды» в городах Сибири создаются памятники и монументы революции и борцам за власть Советов. В Сибири они приобрели местную направленность: ставились героям, погибшим в период колчаковщины. Большинство из них создавалось местным населением из недолговечных материалов, чрезвычайно простыми по

форме и композиции: прямоугольные камни, деревянные пирамиды и др. В крупных городах к созданию монументов привлекались столичные силы. Все памятники этих лет исполнены в духе идейного реализма, в эмоциональных образах, полных революционной патетики и романтики. Это были первые сооружения в Сибири, говорящие доступным для народа языком монументального искусства о революционных преобразованиях мира» [Бортников С.Д., 1999, с. 99].

Художественная культура в послереволюционной Сибири отличалась частой сменой темпов развития, неустойчивостью структуры, имела дробный, фрагментарный характер. Она еще не приобрела цельности и самостоятельности, это был период вызревания ее основных тенденций и форм. В городах и постройках Сибири в начале XX века происходит смена романтического, символического, конструктивистского направлений, сочетание эклектизма и традиционных форм дореволюционной архитектуры. В это время там возводятся здания социально-культурного назначения: публичные библиотеки, народные дома, театры.

В 1920-1930-е годы Новосибирск переживает настоящий строительный бум. В эти годы в городе работает талантливейший архитектор, выпускник Петербургского института гражданских инженеров имени императора Николая I Андрей Дмитриевич Крячков. Выходец из русской крестьянской семьи с Ярославщины, он стал сибиряком, прожив 31 год в Томске и 17 лет в Новосибирске. Он был хорошо известен по всем сибирским городам, где неоднократно строились здания по его проектам, имел 22 архитектурные премии разного достоинства, в том числе – Гран-при Международной выставки искусств и техники в 1937 году в Париже. Его строения отличает высокая архитектурная культура и техническое качество выполнения. В числе самых известных построек – Облисполком и жилой дом для работников крайисполкома в Новосибирске («стоквартирный дом» с фасадами в стиле французского неоклассицизма), Дом Науки и Техники и проект Духовной академии в Томске и др.

Размах трудовых свершений в культуре Сибири 1930-х годов выражает новый подход к архитектуре и строительству в сибирских городах. Знаковым явлением этих лет может считаться Новосибирский театр оперы и балета, изначально построенный в 1931 году как Дом Науки и Культуры по новой технологической схеме синтетического театра планетарно-панорамного типа. Своим величественным обликом и грандиозными масштабами он был рассчитан на проведение массовых действ, крупных народных собраний, и лишь к 12 мая 1945 года реконструирован под театр оперы и балета.

Живопись и прикладное искусство. Как попытка воплощения национального своеобразия в искусстве складывается так называемый сибирский стиль, в терминологии 1920-х годов – «сибирика», представленный в литературе и изобразительном искусстве. «Иркутские художники изучали орнамент и иконопись бурят, красноярские, омские, томские художники собирали орнамент северных народностей, предметы прикладного искусства хакасов и киргизов.

Барнаульцы в созданной у себя художественной студии неожиданно столкнулись с самоучками из алтайцев. Эти самоучки (самый талантливый из них — Н.И. Чевалков) мало походили на их соотечественника Г.И. Гуркина, безоговорочно перенявшего передвижническую систему художественного мышления. При всем желании работать в манере учителей, они не могли преодолеть своих народных традиций. У них получалась иногда очевидная эклектика, чаще же новая красота и новая правда искусства.

В сложной амальгаме европейского и азиатского искусства рождалось невиданное дотоле творчество. Одни называли его «примитивизмом», другие — «сибирским стилем», третьи — «экспрессионизмом», но оно было еще безымянным проявлением художественного обновления народов Сибири, признаком плодотворной встречи русской и национальных культур» [Муратов, 77, гл. 4, см. диск].

Признаками обновления жизни в Сибири называют рост активности творческой молодежи и изменение состава художественной среды, в которой появились новые участники — художники из числа военнопленных I-ой мировой войны. Активизация и неустойчивость жизни в Сибири сразу же вызвала потребность в объединении немногих профессиональных и самодеятельных художников, в поиске единомышленников, способных оказать поддержку в жизни и искусстве. В ряде сибирских городов почти сразу после революции организуются художественные общества.

В начале 1920 года в Красноярске художники создают профсоюз Рабис. В это время здесь жило много приезжих художников: известный российский художник Б. Иогансон, живописец Н.М. Никонов, чья картина «Вступление партизан в Красноярск» была приобретена Третьяковской галереей, художник П.В. Мальков, впоследствии ставший лауреатом Государственной премии и преподававший в Московском художественном училище им. В.И. Сурикова. Одних привела сюда из европейской части России гражданская война, другие приехали, спасаясь от голода.

Самобытна и неповторима живопись первого сибирского импрессиониста А.О. Никулина. Вместе с Григорием Гуркиным, Алексеем Борисовым, Михаилом Курзиным и другими мастерами он стоял у истоков профессионального искусства Алтая начала XX века. Он был первым барнаульским профессиональным художником. Благодаря барнаульцам же, собравшим нужную сумму денег, он смог получить прекрасное художественное образование сначала в Петербурге в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, затем в Париже в знаменитой академии Рудольфа Жюльена. После 1924 года, проживая в Москве, А.О. Никулин связывает свою творческую судьбу с кинематографом, занимаясь оформлением картин «Мосфильма». Самые известные из них: "Новый Гулливер" (1935), "Тринадцать" (1937), "Руслан и Людмила" (1938), "Василиса Прекрасная" (1940), "Конек-Горбунок" (1941), "Кощей Бессмертный" (1944). Натурные съемки последних трех фильмов происходили недалеко от Барнаула, около станции Озерки [Царева].

Центром развития профессионального искусства Сибири в этот период остается Новосибирск. Именно там в 1926 году состоялась представительная Всесибирская художественная конференция с выставкой лучших работ тридцати сибирских художников, с успехом прошедшая по региону. В результате было основано общество художников «Новая Сибирь», декларация которого была напечатана в членских билетах: «Близость к трудящимся массам, единение с ними, работа для них – основной лозунг нашего общества. Идти под Красным знаменем, в ногу с пролетарской революцией, радуясь ее достижениям, мужественно преодолевая все трудности, – таков наш путь» [Давыденко, 1978, с. 15]. Даже в таких маленьких городах, как Минусинск и Ачинск, общее чувство духовного возрождения привело к образованию филиалов «Новой Сибири». Чуть позже Восточно-Сибирский краевой союз советских художников – ВСКРАССХ – создается в Иркутске. Филиал Союза художников в Омске объединил специалистов Новосибирска, Томска, Тюмени, Горно-Алтайска в Западно-Сибирский краевой союз с центром в Новосибирске. Красноярский край, Читинская область, Бурятия еще не имели своего Союза. Все они принимали участие в выставках Иркутска.

Художники Сибири видели суть происходящих революционных преобразований, но им не просто было отразить новые идеи в художественных образах. Требовалось время для осмысления и освоения новых форм и нового художественного языка. Да и самих художников из числа местного населения было еще немного.

На 1920-е годы приходится высокий подъем процесса культурной пролетарской революции, в ходе которой и сибирские художники были вынуждены включиться в агитационно-массовую работу – художественное оформление демонстраций, улиц, площадей. Так, например, к приходу в Иркутск частей Красной Армии в марте 1920 года перед местными художниками поставлена задача украсить город плакатами, гирляндами из веток кедра и разноцветных бумажных украшений, монументальными скульптурами, высеченными из прозрачного байкальского льда. В этой работе участвовали и петроградские художники, оказавшиеся в Иркутске в связи с гражданской войной – М. Авилов, Л. Лагутина, Б. Лебединский; и иностранные художники, пребывавшие в русском плену после Первой мировой войны: немецкий художник, мастер станковой живописи Р. Шейн, немецкий график, скульптор-монументалист М. Малиц, венгерские живописцы К. Жотере и О. Кеббелы, словак Ф. Рейхенталь.

В 1932 году в Сибири создается еще ряд объединений, в числе которых – филиал РАПХ (Российской Ассоциации Пролетарских Художников), но постановлением ЦК ВКП(б) 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» все новые группировки были ликвидированы и создан единый Союз советских художников. Так начавшаяся в 20-е годы тенденция к укрупнению и объединению творческих коллективов Сибири постепенно привела к их полной централизации, что вполне отвечало и стилю руководства в стране, и его главной цели – воспитанию коллективизма, единообразия целей и средств.

На раннем этапе развития новой культуры в Сибири искусство приобретает прикладной характер. Идеологические, политические, социальные задачи были определяющими, а художественные интересы отодвигались на второй план. Главной проблемой в 20-е годы для культуры Западной Сибири был даже не недостаток средств, а непонимание искусства как ценности: музейными ценностями расплачивались с сотрудниками вместо заработной платы [см. Левина, 2007].

С целью организации выставок в 1915 году было зарегистрировано иркутское общество художников. Эти выставки имели функциональный характер: в годы войны – выставки-продажи картин в пользу раненых и семей погибших, в первые советские годы – в пользу голодающих Поволжья.

В культуре революционной Восточной Сибири значительный пласт составляли революционные плакаты, книги и журналы с иллюстрациями местных авторов. Массовый характер приобретает военная поэзия, своего рода живая летопись гражданской войны, зачастую отражавшая такие подробности, которые не всегда можно было найти даже в исторических документах. Эпитеты и определения выдержаны с ней в духе агитационной поэзии: «Свой штык поверни на вампиров-врагов» и др. Партизанская поэзия Сибири распространялась в основном в списках, поэтому почти не сохранилось печатных текстов 1919 года.

Внутреннюю неоднородность общей картине художественной культуры Сибири придавало ее национальное и этническое разнообразие. Так, например, изобразительное искусство Бурятии развивалось в тесной связи с искусством других народов Сибири и Дальнего Востока и на протяжении длительного времени находилось под воздействием ламаизма. Специфика кочевого образа жизни и суровые климатические условия определили неповторимую характерность декоративно-прикладного искусства бурятского народа. Зарождение реалистического художественного творчества и приобщение бурят к традициям русской и европейской культуры началось здесь только после образования в 1923 году Бурятской АССР.

В Якутии и у других народов Севера даже перед войной еще не было профессионального искусства, но у них было тоже прекрасно развито декоративно-прикладное творчество, образное, художественное, метафорическое видение мира. Как пишет о них писатель Суорун-Омоллоон, якуты – народ южного происхождения, имеющий общие корни с киргизами и казахами: «Проведя детство под жарким солнцем, а юность и зрелость в жестокой борьбе с ледяной стихией Севера, этот народ сохранил в своей памяти пышные краски и образы знойного юга и переплел их со своеобразием Севера» [Радуга..., 1972, с. 200]. Якутское искусство максимально сохранило связь с национальными традициями, перенеся в современные произведения и этнические мотивы, и содержание, и образный строй декоративно-прикладных изделий старых мастеров: национальный праздник Ысыах, хороводный танец осуохай, состязание борцов, приготовление кумыса, ритуальные и бытовые сюжеты.

Проживающие на севере Тюменской области ханты и манси издавна хорошо рисуют. Помимо бытовых рисунков, известны и профессиональные художники, например Г. Райшев. Музыка ханты и манси связана с медвежьим праздником: его участники играют на струнных инструментах – цитре в виде лодки (нарас-юх) или арфе в виде птицы (лебедя, журавля, гуся – тороп-юх). Традиционные основы культуры сохранились у этих народов до сегодняшнего дня, несмотря на развитие художественного образования и появление профессиональных деятелей искусства.

Тем не менее, именно в художественном творчестве малые народности Сибири смогли проявить себя более полноценно. По данным многочисленных медико-биологических экспериментов, психическая деятельность коренных народностей северо-востока страны формировалась в специфических природных и культурных условиях. В результате они обнаруживают большие возможности включения и использования в деятельности функциональных систем правого полушария, в то время как у пришлого населения, воспитанного и живущего с широким применением логического анализа, больше используются системы левого полушария [см. Кряклина, 2000, с. 111]. Возможно, именно поэтому в окраинных районах Сибири с таким трудом проводилась индустриализация, зато в художественном творчестве малыми народностями создано немало яркого и интересного, привлекательного неповторимым колоритом и самобытными национальными красками.

По-настоящему сибирский стиль и сущностные качества сибирской культуры проявятся в послевоенное время, в годы всеобщего взлёта культуры 50-60-х годов в результате стабилизации экономики и высокого духовного устремления как художественной элиты, так и широких народных масс.

Установление абсолютного господства коммунистической идеологии в сибирской культуре приводило к полному подчинению ей всех форм жизни – науки, художественной деятельности и др. В художественной сфере сибирского суперрегиона право на жизнь получали лишь те явления и направления, которые вписывались в идеологию Советского государства. В системе культуры Сибири в эти годы не было создано заметных и значительных явлений, которые могли бы считаться вершинными. Скорее здесь можно говорить о формировании поля художественных поисков зарождающейся культуры, в которой количество авторов и их творений оказывается главным и наглядным показателем роста.

Театр. Особое влияние на культуру сибирских городов оказывали театры. Становление профессиональных трупп начинается уже в конце XIX века. В 1885 году сооружается каменный театр в Томске, в 1905 году вводится в эксплуатацию театральное здание в Омске, в 1901 году – Народный дом в Барнауле, а в 1915 году – в Бийске. В репертуаре театров встречаются как развлекательные постановки, так и серьезные пьесы: А.М. Горького, А.П. Чехова, А.Н. Островского, Г. Ибсена. Артисты-любители ставили еженедельные театральные постановки в библиотеке Общества попечения о начальном образовании Томска и во время летних народных гуляний в крупнейших общественных садах городов региона («Аквариум» в Омске,

Александровский и «Альгамбра» в Новониколаевске, «Буфф», Городской, Лагерный в Томске).

Вышедший в 20-е годы декрет В.И. Ленина о национализации театров сделал их деятельность предметом постоянного внимания со стороны Губполитпросветов и местной печати. Государство использовало театральное искусство для агитационно-пропагандистской работы. В феврале 1921 года из Омска в губернские подотделы искусств направлены телеграммы о необходимости организовать несколько небольших театральных трупп с агитационным репертуаром. Большое внимание уделялось проведению пролетарских праздников, в которых обязательно должны были участвовать и театры.

В культуре провинции не было такого разнообразия театральных направлений, как в столице. Труппа набиралась лишь на сезон. Число премьер было столь велико, что постановка могла идти с одной-двух репетиций, отсюда низкий уровень спектаклей, их стандартность и однотипность. Вопросы репертуара оговаривали специальные комиссии партийных комитетов или политпросветотделов.

Самые активные театральные поиски шли в Омске, где в 1920-е годы были открыты несколько театров: Сибгостеатр с оперной и драматической труппами; Губернский показательный театр во главе с опытным мастером В.А. Рославлевым, своеобразный центр руководства рабочими клубами; Экспериментальный революционный театр (Экревте), развивавший линию Пролеткульта с его борьбой против реалистического искусства и классического наследия, стремлением заменить существующий театр массовыми действиями и коллективной декламацией.

Первое пятилетие для искусства Сибири было периодом определения себя в новой картине мира, своего места в советской культуре, а также отношения к реалистическому методу как «единственно правильному и прогрессивному». Творческая позиция сибиряков формировалась в духе созданного в Москве и основанного на принципах реализма художественного объединения АХРР (Ассоциация Художников Революционной России). С 1926 года в Сибири стали проводиться занятия по «идейно-политическому воспитанию деятелей искусства» с целью повышения общественной активности художников. Под руководством председателя Главпрофобра А.Я. Вышинского начинается борьба со старыми специалистами в художественных учебных заведениях (Академия художеств, Государственная академия художественных наук, Омский художественно-промышленный техникум и др.), результатом которой стало сокращение в Западной Сибири числа опытных педагогов и преподавателей «непролетарского» происхождения. Например, в омском художественном техникуме их число к 1934 году уменьшилось в два раза.

В 20-30-е годы XX века в культуре и искусстве Сибири зарождаются тенденции объединяющего характера. В советской культуре это было время коллективизации и индустриализации, период объединения материальных ресурсов и творческих сил страны. В художественной культуре Сибири тоже

наметилось движение к объединению. В основных культурных центрах сибирского региона проводятся конференции, выставки, создаются творческие коллективы и объединения.

Большие события в жизни страны требовали оперативного отклика. На передний план в литературе выходит художественный очерк, авторами которого нередко становятся сами рабочие и крестьяне. В 1931 году выходят сборники очерков и рассказов «Даешь комбайн», «Дело чести, доблести и геройства», «На угольных пластах Кузбасса», «Герои сибирской пятилетки». Строительству Турксиба посвящает свой роман «Светлая кровь» А. Коптелов. Преобладание современной тематики в литературе Сибири этих лет не исключало обращения к событиям недавней истории, национальным мотивам сибирской культуры («Великое кочевье» А. Коптелова, «Артамошка Лузин» Г. Кунгурова). Создаются национальные писательские организации: Союз советских писателей и художественных работников Бурятии (1932) (Х. Намсараев, Б. Абидуев, Б. Базарон, Ж. Балданжабон, Д. Дашинимаев, Ц. Номтоев, Д. Хилтухин и др.) и Союз советских писателей Якутии (1934) (П. Ойунский, С. Кулачиков-Элляй, С. Васильев, А. Кудрин-Абагинский и др.).

В 30-е годы XX века были изданы первые литературные работы эвенков (тунгусов) А. Платонова, А. Чинкова и др. Зачинателем эвенской (ламутской) литературы был Н. Тарабукин, хакасской литературы – В. Кобяков, в Горном Алтае – П. Кучияк, А. Чокон и Ч. Чунижеков. Особо интересны произведения юкагирского писателя Н. Спиридонова – повести «Жизнь Имтеургина старшего» и «Имтехой у собачьих людей». В это же время продолжается развитие устного народного творчества бурят, якутов, хакасов и алтайцев. В народной культуре по-прежнему живут и создаются новые сказки и рассказы, песни, пословицы и поговорки. Широкой известностью и популярностью пользовались сказители П. Петров, П. Дмитриев, П. Тушемилов, А. Тороев из Бурятии, Е. Иванова, Н. Абрамов-Кынат из Якутии, алтайские кайчи Н. Улагашев и А. Калкин, певец С. Кадышев из Хакасии. Появились первые издания эпических сказаний народов Сибири, как в оригинальной этнографической записи, так и в художественной обработке писателей и в литературных переводах на русский язык.

5.4.2. Искусство на службе государству: особенности художественной культуры развитого социализма и периода Перестройки

Новые и весьма резкие коррективы в развитие советской культуры внесла внезапно начавшаяся война. С 1941 года по всей Сибири происходит перестройка художественной деятельности на военный лад. Большая группа художников ушла на фронт: И. Бойко, А. Жибанов, А. Закиров, Л. Залетов, Е. Конев, С. Маличенко и др. Оставшиеся в тылу авторы осваивают новые темы и жанры: антифашистский плакат и карикатуру. Например, в иркутской организации художников никогда более не было такого творческого подъема и физического напряжения, как при выпуске плакатов агитокон ТАСС, которых

за годы войны здесь было создано около 600. Возглавлял мастерскую по выпуску плакатов заслуженный деятель искусств РСФСР Д. Штеренберг, а затем – А.Р. Мадиссон. Работали здесь освобожденные от мобилизации и прибывшие в эвакуацию художники: В. Томиловский, С. Развозжаев, Г. Раков, М. Гранавцева, Д. Калачикова, Н. Шабалин, А. Жарков, А. Смирнов. По глубине освещения тем иркутская художественная мастерская считалась одной из лучших на периферии России.

Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» действовал не только в экономике и политике страны. Он задавал определяющее направление для всей культуры, в том числе – и для художественного творчества Сибири. Станковые картины сибирских художников этих лет изображают героев тыла и фронта, композиции о трудовых буднях рабочих и колхозников. Художники работали в госпиталях, делали зарисовки с натуры. После войны состав Союза художников значительно обновился. Трагические события войны завершили то, над чем не одно десятилетие трудились партийные и государственные идеологи: произошло единение народа, была сформирована система культуры Сибири и всего Советского Союза в целом, основанная на идее патриотизма и созидания.

Заметные преобразования в художественном творчестве Сибири происходят в 1950-60-е годы. Бурное градостроительство способствовало развитию монументально-декоративного искусства в молодых городах Сибири, культурных и промышленных центрах региона – Новокузнецке, Красноярске и др. [Откидач, 1984, с. 167], но лидировал по-прежнему Новосибирск. За два десятилетия в город приехало более пятидесяти художников из центральных вузов и художественных училищ, музыканты всех специальностей, создается полноценный учебный художественный комплекс. «12 мая 1945 года (то есть через три дня после объявления победоносного завершения Великой отечественной войны) завершается строительство крупнейшего в стране Новосибирского государственного академического театра оперы и балета.

Затем, в ноябре 1955 года, проходит II пленум Сибирской организации Союза композиторов РСФСР, консолидировавший немногочисленных в те годы сибирских композиторов. С 1 января 1956 года начинает работать симфонический оркестр Новосибирской государственной филармонии, в том же, 1956 году, открывается Новосибирская государственная консерватория. Не менее интенсивно создавался научный потенциал Новосибирска. В мае 1957 года Совет Министров СССР принимает постановление «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР», летом 1958 года утвержден генеральный план застройки Новосибирского Академгородка, а к 1965 году в основном завершается его строительство. В Новосибирск приезжают видные ученые, начинаются исследования практически по всем актуальным научным направлениям, стремительно растут новосибирские вузы, небывалыми темпами создается художественно-творческое и научное сообщество» [Курленя, 2008, с. 20-21]. Мощное вливание сил совпало с ослаблением идеологического контроля, что дало бурный всплеск в художественном творчестве.

Шестидесятые годы – время, когда искусство сибиряков по характеру, тенденциям и уровню стало вполне сопоставимо с общероссийским и столичным. Способствовало этому и начало регулярных, раз в пять лет, массовых смотров регионального масштаба, охвативших пространство от Омска до Иркутска.

В ряде городов Сибири – в Омске (Н. Бабаева, Ф. Бугаенко, Н. Никитин), Иркутске (С.И. Таволжанская, К.И. Померанцев), Барнауле (А.В. Иевлев, Л. Рублева) – складываются скульптурные школы.

В 1961 году в Новосибирске проходит IV пленум правления Сибирской организации Союза композиторов РСФСР. В работе Пленума принимал участие Д.Д. Шостакович, который в своих оценках музыкальной культуры Сибири «помещает музыку сибирских авторов в пространство советской музыкальной культуры» [Курленя, 2008, с. 37].

По всей Сибири утверждается тенденция к монументализации в культуре и формированию особого художественного стиля: масштабность и статичность композиции, лаконизм художественного языка, некоторая огрубленность форм выделяются как типологические особенности так называемого «сурового стиля». Это был период зрелого социализма, своеобразный Советский классицизм (или «сталинский ампир»), когда идея построения коммунизма стала естественной составляющей мировоззрения и духовным основанием культуры всего советского народа. Идеализированные художественные образы противопоставляются несовершенству реальной жизни. В сознании большей части населения преобладает идеологическое «двоемирие»: художественный образ социализма значительно отличался от реальных условий окружающей жизни. Произведения этих лет создавались в четко определенных границах «дозволенного» в искусстве и в художественных промыслах имели, прежде всего, воспитательные задачи.

Тем не менее, в культурном строительстве именно на эти годы приходится основные начинания, определившие затем на многие годы развитие культуры Сибири в ее стабильном состоянии, в варианте культуры развитого социализма.

В 1960-70-е годы в Сибири создаются новые формы выставочной деятельности, направленные на активизацию и мобильность культурно-просветительской работы с населением. В основном железнодорожном узле Сибири – Новосибирске и Новосибирской области – были популярны вагоны-выставки: выставка оформлялась в вагоне пригородного сообщения и перевозилась со станции на станцию для популяризации искусства в отдаленных районах области. В Томске, расположенном на судоходной Томи, действовали плавучие культбазы, доставлявшие передвижные выставки в северные районы области по реке. Создавались картинные галереи в селах, проводились дарственные выставки художников. Регулярность и стабильность приобрели зональные выставки «Советская Россия», открывшие возможность сибирским живописцам, графикам, скульпторам показать свое творчество большому количеству зрителей, получить оценку и советы ведущих художников и искусствоведов страны.

Основной темой искусства мирного времени становится человек труда. Художники Сибири создают бесчисленные портреты рабочих, отражающие не только их индивидуальные особенности, но и типичные черты трудового человека. Чаще всего они представляют образы людей революции, рабочих, пограничников, китобоев, молодежи («Портрет кузнеца» И. Попова, Новосибирск; «Совхозный конюх», «Телеутская свадьба» А.Н. Кирчанова, Кузбасс; «Портрет механизатора» В.И. Бичевского, Омск). В художественном творчестве отмечается заметный интерес к различным страницам истории становления советской культуры (портрет А. Вычугжанина «Коммунист И. Евстропов», картина А. Юркина «Коммунары»; «У карты Отечественной войны» Т.П. Козлова, Омск).

Положительный образ советского человека в искусстве был неразрывно связан с проявлениями его героического, сильного характера. Среди таких произведений о современности – индустриальная сюита уральского художника И. Симонова: «Литейщики», «Реки потекут вспять», «Цеховая лаборатория», «Котлован», «Мои герои»; цикл «Нефтяники Севера» новосибирца Л. Серкова; «БАМ. Подник» С. Ринчинова, Бурятия; цикл работ «Стройка», «Новая Байкальская», «На Падуне. Братская ГЭС», «На сибирской стройке. Усть-Илим» В.П. Томиловского, Иркутск и др. Художники делают человека главным героем трудового процесса: его не могут заменить строительные леса, его голос не может заглушить шум моторов. При этом в искусстве главными становятся образы сибиряков и Сибири. Теперь уже не только тема - и содержание сюжетов произведений наполняется «сибирским материалом». Появляются произведения, в которых воссоздается дух Сибири, особая атмосфера ее истории и культуры: «Тобольская симфония» А. Мурова (1971), исторические романы «Забайкальцы» В. Балябина и «Хмель» А. Черкасова, балет «Красавица Ангара» Л. Книппера и Б. Ямпилова и др.

К 1970-м годам в культуре Сибири отмечается повсеместное распространение изобразительного искусства в таких уголках, где недавно и представления не имели о профессии художника. Все произведения отличают общие черты – партийность, народность, опора на принципы гуманизма. Они утверждают красоту социалистической действительности, могучую силу свершений свободного творческого труда, рисуют богатый мир целеустремленной, цельной человеческой личности. В историческом и историко-революционном жанре представлены две тенденции: одна тяготеет к простоте и документальности, другая проявляется в эмоциональной образности, в передаче духа времени в романтической манере.

В советском искусстве постепенно изменилось само понятие документализма. На сценах театров, на экранах кино и на телевидении, в литературном творчестве ведущее положение постепенно занимает точно документированный факт. Документальные журналы перед киносеансами, целый спектр документальных телепередач, развитие культурно-исторической публицистики сохраняют и развивают главную задачу сибирской культуры зрелого социализма, культуры классического типа: показать человеку сложившийся идеал и направить все средства для его воплощения в жизнь.

Образ ответственного за судьбу своей страны и народа советского человека предстал в этих документальных зарисовках в разных ипостасях: и как талантливый труженик, и как добропорядочный семьянин, и как инициативный работник, и как одаренный ученый, но более всего в нем подчеркивается преданность и самозабвенное служение идее советской культуры (В. Зинов «Ходоки у Ленина», Г. Зорин «За власть Советов», Г. Гаев «Да здравствует социалистическая революция!)). Трагедия тоже в достаточной мере встречается в образах советского искусства, ибо в ней искусство ищет и открывает высокие нравственные идеалы.

Особый раздел художественной культуры Сибири составляет вопрос о месте и значении кино. «Из всех искусств для нас важнейшим является кино», – писал о нем В.И. Ленин. Был ли этот вид искусства важнейшим и для Сибири? При всей технической сложности этого вида творчества сибиряки познакомились с киноискусством не многим позже столичных россиян. Первые демонстрации кинематографа в России состоялись в мае 1896 года в Москве и Петербурге. В это же время были произведены и первые съемки – коронация императора Николая II. Здесь кинематограф был еще не искусством, а забавной технической новинкой. В 1897 году в омской газете «Степной край», в читинской газете «Жизнь на восточной окраине», в газетах Красноярска, Благовещенска, Хабаровска и др. появились сообщения о проходящих с триумфом гастрольях кинематографа. С установлением с 1903 года регулярного движения на многих участках Транссиба сеансы кино в Сибири стали более частыми. Особая дата в истории кино в Сибири – 1908 год, с которого практически во всех крупных сибирских городах появляются специальные стационарные помещения для демонстрации кинофильмов.

Судьба кино складывалась в Сибири по-особому. Это вид творчества, где искусство, художественный талант и одаренность автора существует в тесном единстве с техникой, что позволяет широко и безгранично тиражировать произведение, распространять его в большом количестве копий. С этим связаны проблемы поддержания зрительского интереса.

В годы утвердившегося социализма и здесь, как и в других видах искусства, существовали свои правила и исключения. Открытие в СССР ряда киностудий позволило охватить воздействием кино практически все население страны, включая даже отдаленные районы Сибири, все социальные и возрастные группы. Быстрота распространения и результативность воздействия кино обеспечили ему положение чуть ли не «стратегического средства» в проведении в жизнь идеалов советской культуры. Этим определялась тематика фильмов, характер действующих лиц и нравственных проблем, вокруг которых формировался сюжет и драматургия фильма.

Искусство, как и другие явления духовной культуры, проходило жесткую цензуру – явную или скрытую. В Сибири оно приобрело устойчивое значение средства пропаганды новой идеологии в период формирования социалистических отношений, средства нравственного воспитания, агитации, пробуждения высоких чувств, героического энтузиазма и формирования достоинства советского человека.

Взаимодействие сибирской публики с произведениями искусства также имеет свои особенности. Даже к концу XX века здесь не сформировался устойчивый интерес к систематическому общению с искусством. В освоении сибирской художественной культуры у населения не сложилось особых традиций, поэтому оно происходит периодически и бессистемно. Как показывает опыт, основная часть зрителей предпочитает общаться с мировой и русской классикой. Творчеством местных авторов интересуются главным образом приезжие, пытаясь увидеть в них таинственную сибирскую специфику. Сибиряки в изобразительном искусстве ищут стимулов для духовного роста, восполнения культурного вакуума.

Начало перестроечных процессов в культуре России серьезными последствиями сказалось и на развитии культуры Сибири. Ослабление, а затем и почти полное упразднение системных связей на территории бывшего Советского Союза снова поставило Сибирь в обособленное положение. Снятие директивного руководства в культуре в целом и в художественном творчестве в частности, с одной стороны, создало благоприятные условия для раскрытия внутренних резервов сибирской культуры, а с другой – породило серьезные проблемы в экономике и всей социокультурной сфере. Всплеск творческой активности первых лет Перестройки типологически вызывает ассоциации с «оттепелью» 1960-х годов. В начале 1990-х годов еще сохранялась система государственного финансирования учреждений культуры и сложившихся в Сибири форм художественной деятельности, позволяя использовать имеющиеся возможности для обновления жанров, художественного языка и характера общения искусства со зрителем. В это же время зарождается опасная тенденция коммерциализации художественного творчества.

В середине 1990-х годов в художественной культуре Сибири происходит активный поиск путей и способов вхождения искусства в свободный художественный рынок: открываются художественные салоны, галереи, развивается художественное коллекционирование, организовываются выставки-продажи, проводятся аукционы, фестивали и др. Демократизация художественной жизни выражается в бурном процессе образования неформальных группировок творческой молодежи, стремящихся обособиться на самостоятельной эстетической платформе.

На рубеже тысячелетий в художественной культуре Сибири происходят процессы, по своей сути и темпам развития близкие происходящим в современной России радикальным изменениям. Демократизация и гласность оказали и позитивное, и негативное влияние на развитие искусства. Отсутствие норм и сроков, четкого планирования работы привело большую часть творческого населения Сибири в полное замешательство. Зрелые художники продолжают творить и в этих обстоятельствах: имея твердые жизненные принципы и высокие цели, они не нуждаются в чрезмерно навязчивом руководстве. Большая же часть писателей, художников, актеров и режиссеров театров Сибири в первые годы Перестройки пережила настоящий шок, так как в политических и экономических баталиях глобальных государственных перемен для художественного творчества места почти совсем не осталось. Не

осталось для него и финансирования в системе государственного планирования.

Круг замкнулся. Сибирь как будто снова оказалась в условиях предреволюционных лет начала XX века, когда развитие искусства было делом самих работников искусства да еще меценатов...

«Чудеса личной энергии!» – так сегодня мы с полным правом снова можем охарактеризовать то, что происходит не только в художественной культуре Сибири, но и вообще в системе ее культуры в целом. За последние десятилетия во многих городах Сибири открылось несколько частных картинных галерей, создаются редкие пока инициативные группы для реализации собственных инициатив, финансируемых нынешними меценатами и коммерческими организациями. Особое место среди них занимает единственная крупная частная галерея за Уралом – галерея «Кармин» барнаульского предпринимателя, крупного промышленника Сергея Грантовича Хачатуряна. Галерея построена в соответствии с международными музейными стандартами и занимается благотворительной выставочной деятельностью на региональном, российском и международном уровне. Это лишь один пример, подтверждающий древнюю истину, перефразированную в культурологическом ключе: все в культуре начинается с человека!

«...Художники принадлежат к вождам человечества в борьбе за усмирение и облагораживание враждебных культуре инстинктов, когда какая-либо из привычных форм проявления этих инстинктов стареет, то есть опускается ниже уровня культуры и своей предательской фигурой мешает человечеству идти вперед, тогда личности, одаренные художественной творческой силой, освобождают людей от связанного с этим вреда, оставляя им в то же время наслаждение; они переливают старый инстинкт в новую, более привлекательную, более благородную форму. ...Они первые чувствуют уменьшение давления, тяготевшего более всего над их духом; используя новоприобретенную область свободы в искусстве прежде еще, чем переворот стал заметен в жизни, они указывают миру дорогу» [Ранк, 1997, с. 132].

В современной Сибири деятели искусств еще не подошли к такому высокому уровню осознания происходящих перемен и своей роли в этом сложнейшем, революционном, по сути, процессе. Во всяком случае, этот процесс не приобрел еще такой массовости, чтобы стать действительно различимым в поле культуры Сибири и заметным по своим результатам. Внутреннее замешательство художников, писателей, музыкантов приводит к духовному разногласию внутри имеющих уже солидную историю художественных союзов и объединений. Большая часть их распадается, иногда прекращая свое существование, иногда переформируясь в организации нового типа.

На общем фоне некоего замешательства все-таки можно заметить ростки взрывающих в искусстве Сибири новых процессов. Существовавшее и в советской культуре двойственное отношение к искусству на рубеже тысячелетий обострилось до предела. С одной стороны – появление уникальных по силе и творческим возможностям художественных талантов,

расширение системы новых творческих конкурсов и фестивалей, с другой – абсолютное непонимание большинством руководителей и широкой общественностью ценности искусства и практически полное сворачивание художественно-образовательной и культурно-просветительской деятельности в провинциальных городах, сельских районах и труднодоступных окраинах региона. Сегодня, как и в начале XX столетия, художественная жизнь концентрируется в крупных индустриальных и культурных центрах Сибири, и есть еще надежда, что опыт развития сибирской культуры в XX веке снова выведет ее на необходимость объединения, активной просветительской деятельности ради возвращения искусству его исконного смысла источника эмоционального богатства и жизненных сил, ценностного стержня личности человека и духовного фундамента всей системы культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив ГХМАК. Фонд 4, дело 1.
2. Абсаямов М.Б. Очерки истории культуры Сибири. – Красноярск, 1995.
3. Азаренко Ю. А. Русско-ойратская торговля XVII — первой половины XVIII вв. (как пример евразийских связей) / Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. - Новосибирск, 1999. С. 98-101.
4. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1932.
5. Барнаул. История культуры. – Барнаул: РИА «Алтапресс», 2000.
6. Батура А.И. Развитие кооперации и коллективизация сельского хозяйства Забайкалья в годы НЭПА. // Из прошлого Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Ч. 2. – Новосибирск, 1996, с. 74-84.
7. Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих Н.К. – Самара, 1996.
8. Борина Л.С. Роль Алтайской духовной миссии в трансформации этнических культур народов Саяно-Алтая. с. 47-51 // Россия и Сибирь в контексте мировой истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Бийск, 17-19 октября 2002 г. – Бийск, 2002.
9. Бортников С.Д. Художественная интеллигенция Сибири (1961-1980) – Барнаул, 1999.
10. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск: ТГУ, 1960.
11. Бураева О. В. Проблема присоединения Сибири к России и евразийцы / Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 117-118.
12. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Тюмень, 1999. – С. 327
13. Ерохина Е.А. Народы Сибири: к вопросу о специфике межэтнических взаимодействий. / Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 142-145.
14. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной организации. – М., 1999.
15. Вишневский А.Г. Консервативная революция в СССР // Мир России. – М. – 1996. – №4. – с. 3-66.
16. Водичев Е.Г. Стратегия развития науки и региональные проекции научно-технической политики СССР во второй половине XX в., с. 91-148 // Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории. – Новосибирск: изд. Новосиб. гос. ун-та, 2006, 215 с.
17. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI-XIX веков. – М., 1991.
18. Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века.// Города Сибири XVIII – начала XX века: Сб. науч. ст. / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул, 2001, с.36-59.

19. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). – М., 1996.
20. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2002, 214 с.: ил.
21. Гудыма А.П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера. – Екатеринбург, 2000.
22. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
23. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1993 а.
24. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 1993 б.
25. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – М.: Экопрос, 1993 в.
26. Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: Экопрос, 1994а.
27. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М., 1994б.
28. Давыденко И.М. Художники Красноярска. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1978. – 185 с., ил.
29. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. и др. Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007, 370 с.
30. Демин В.Н. Загадки Урала и Сибири – М.: Вече, 2001.
31. Доброновская А.П. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920-1922 гг.) // Сибирь в XVII-XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999-2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. с. 110-119.
32. Дорожкин А.Г. Сибирская экономика конца 19 – начала 20 в. как объект деятельности иностранных предпринимателей (к освещению вопроса в современной германоязычной историографии) с. 65-71 // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения. 1992 г.– Новосибирск: изд-во Новос. гос. ун-та, 1993, 140 с.
33. Духовная культура народов Сибири: традиции и новации. – Новосибирск: Изд. ИДМИ, 2001.
34. Записки русских путешественников XVI-XVII вв. – М., 1988.
35. Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания: Коллективная монография. – Томск: АНО «Издательство «Сибирика», 2003. 216 с., с. 19-27.
36. Зувев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI-XIX вв.) – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999.
37. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. – М.: «Мартин», 2006. – 256 с. – (Скрижали мысли).
38. Искусство советской Бурятии. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративно-прикладное искусство. Каталог выставки / сост. Н.П. Мальцева – М.: Советский художник, 1979.
39. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. / Гл. ред. А.П. Окладников – Л.: Наука, 1968.
40. Каган М.С. Град Петров истории русской культуры. – СПб: АО «Славия», 1996. – 407 с.

41. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – СПб.: Петрополис, 1997 – 544 с.
42. Каменева В.А. Культурные запросы сибирского купечества // Проблемы менталитета в истории и культуре России. – Новосибирск: НИЭМ, 1999.
43. Карлов С. В. Дело «Союза сибирских тюрок» // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920-1950-годы). – Абакан, 2001.
44. Кобзев И.И. Встреча культур Запада и Востока в русской провинции // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологических наук. – СПб, 1998.
45. Клюкин Г.А. История одной коллекции. – www.rubtsovsk.ru/history/regsci01/004.htm
46. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб, 1994.
47. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч.1. – М., 1954.
48. Красильников С.А. Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибири в первой половине XX века, с. 64-91 // Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории – Новосибирск: изд-во Новосиб. Гос. ун-та, 2006, 215 с.
49. Красноцветова Л.Г. Иконописное наследие Алтая, рукопись.
50. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т.4. Кн. 2. – Новосибирск, 1994.
51. Кряклина Т.Ф. Диалог культур народов Сибири (этносоциологический аспект): Монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000, – 148 с.
52. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979. – 120с.;
53. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: 1987. – 302 с.
54. Кулемзин В.М. Обыденное и сакральное в традиционной культуре народов Сибири // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Часть 11. – Томск, 2000.
55. Кулемзин В.М. Коренные народы земли Томской: прошлое, настоящее, будущее. С. 28-34 // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания: Коллективная монография. – Томск: АНО «Издательство «Сибирика», 2003. – 216 с.
56. Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994.
57. Куксанова Н.В. Городское население Сибири в 1960-1980-е гг. особенности формирования и структуры, с. 123-133 // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения. 1992 г.– Новосибирск: изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993, – 140 с.
58. Курленя К.М. Парадигмы развития региональной отечественной культуры (на примере репрезентативных явлений музыкального искусства Новосибирска 70-х – начала 90-х годов XX столетия. Диссертация на соискание

ученой степени доктора искусствоведения по специальности 24.00.01. – теория и история культуры – Новосибирск, 2008, – 344 с. (эл. текст).

59. Кызласов Л.Р. Тагарская ручная мельница и ее значение // СА, 1985, № 3. С.68.

60. Кюннер Н.В. Лекции по истории и географии Сибири. Курс, читанный на историко-филологическом факультете во Владивостоке в 1918-1919 гг. / Составлен на основании записок слушателей под ред. проф. Н.В. Кюннера. Владивосток, 1919.

61. Левина Ж.Е. Художественная интеллигенция Западной Сибири (конец 20-х – 30-е годы XX века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – СПб., 2007, 28 с.

62. Ледебур К. Путешествие через алтайские и киргизские степи. – Берлин, 1829. – Т. 1.

63. Литвинова О.В. Развитие театрального искусства в Западной Сибири в условиях нэпа. с. 46-55.// Культурное наследие Сибири: Сб. ст. Вып.3/ под ред Т.М. Степанской. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2001.

64. Лиходей О.А. Регионоведение: учебное пособие. – СПб.: СПГУВК, 2000.

65. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Вып. II. (УЗ ТГУ. Вып. 181) – Тарту, 1965.

66. Мартусов Н.Д. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. – М.: Наука, 1995.

67. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т.3. Докаганатские тюрки. – Томск: Томский университет, 2004.

68. Малышева М.П. Российская интеллигенция в освоении Сибири и Казахстана конца XVIII – середины XIX вв. // Автореферат диссертации в форме научного доклада на соискание уч. степени канд. историч. наук – Алма-Ата, 1991.

69. Мачинский Д.А. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV – середине I тыс. до н.э. // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. – СПб.: Нестор, 1997.

70. Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв. Документы и материалы. – М., 1989. Кн. 2.

71. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., Л., 1937.

72. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. – М., 1996.

73. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. – Кемерово, 1963.

74. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М.: «Аграф», 1998.

75. Мордкович В.Г. Сибирь в перекрестье веков, земель и народов: очерки этно-экологической истории региона. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007, – 396 с.

76. Мукаева Л.Н. Хозяйственная культура и менталитет старообрядцев Южного Алтая в XVIII-XX вв. // Культурное наследие народов Сибири и

Севера / Материалы Четвертых Сибирских чтений 12-14 октября 1998 г. – СПб, 2000.

77. Муратов П. Изобразительное искусство Томска. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1974. 80 с., илл.

78. Муратов П. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов // <http://www.pdmuratov.org/glawnaia.html>

79. Овчинникова Л.И. Художественная жизнь Томска в переломные годы истории Сибири (1917-1922). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Барнаул, 2006. – 26 с.

80. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. – М., 1994.

81. Олех Л.Г. История Сибири. – Изд. 2-е ; перераб. и доп. – Ростов н/Д ; Новосибирск : Феникс: Сиб. соглашение, 2005. – 358 с.

82. Откидач В. Художники Кузбасса. – Л.: «Художник РСФСР», 1984, – 192 с., ил

83. Падмашри В.Р. Риши. Индия и Россия // Алтай – Гималаи. Материалы конференции. Новосибирск, 1992.

84. Патканов С.К. Остяцкая молитва. – Тюмень, 1999а.

85. Патканов С.К. Очерк колонизации Сибири. – Тюмень, 1999б.

86. Петров С.Г. Секретная программа ликвидации русской церкви: письма, записки и почтотелеграммы Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1922 гг.) // Сибирская провинция и центр: культурное взаимодействие в XX веке. – Новосибирск, 1997, с. 25, 26.

87. Песпеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. – М., 1995, с. 67.

88. Полное собрание русских летописей. Т. XXXVI. – СПб.-М., 1841-1989. с. 120.

89. Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок // Алтаика. – Новосибирск, 1994. № 4. – С. 3-10.

90. Потапов Л.П. Сибирский шаманизм. – Л., 1993.

91. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989.–750 с.

92. Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего севера. Сб. ст. к 50-летию образования СССР / ред-сост. Г. Сальникова – М.: Молодая гвардия, 1972. – 224 с., илл.

93. Ранк О. Миф о рождении героя. – М., 1997.

94. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.-Л., 1952

95. Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск: 1998.

96. Резун Д.Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVII – первой половины XIX вв. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX вв. – Новосибирск, 1987.

97. Резун Д.Я. Новации и традиции в городской культуре Сибири 17 – начала 20 вв. // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации. – Новосибирск: Изд. ИДМИ, 2001.

98. Резун Д.Я. Русские в среднем Причумылье в XVII-XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). – Новосибирск, 1984.
99. Религия и государство в современной России. – М., 1997. с. 78.
100. Ремнев А. В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX века – http://zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation/
101. Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. – Рига, 1992а.
102. Рерих Н.К. Сердце Азии. Рига, 1992б.
103. Рерих Н.К. Славной Ермака годовщине! // Рерих и Сибирь/ В.Е. Ларичев, Е.П. Маточкин. – Новосибирск, Новосибирское книжное издательство, 1993
104. Рериховские чтения. 1976 г.: К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае) // Тезисы конференции. Новосибирск, 1976.
105. Риттер К. Землеведение Азии. Т.3, пер. П.П. Семенова – Спб, 1860.
106. Розен М.Ф. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая (XVII – начало XX века). – Барнаул: День, 1996.
107. Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения. 1992 г.; Межвуз. Сб. науч. тр./ под ред. Л.М. Грюшкина; Новосиб. Ун-т. – Новосибирск: изд-во новос. Гос. Ун-та, 1993, – 140 с.
108. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / Ред. коллегия МЛ. Мчедлов и др. – М., 2001. с. 375.
109. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1952.
110. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960.
111. Рысаева Т.Д. Художественная жизнь Кузбасса во второй половине XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Барнаул, 2004. – 28 с.
112. Саблер С.В. и Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. – СПб., 1903.
113. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб., 1994. – 209 с.;
114. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992.
115. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатские влияния. Новосибирск, 1984.
116. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие на Тянь-Шань в 1856-1857 годах: Мемуары. – М., 1948.
117. Сезёва Н.И. Художественная жизнь Тюмени второй пол. XIX – первой четверти XX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Барнаул, 2004. – 24 с.
118. Сергеев М.А. Народы обского Севера. – Новосибирск, 1953

119. Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания: Коллективная монография. – Томск, 2003.
120. Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып.1. – Новосибирск: 1981.
121. Сибирский текст в русской культуре: Сб. статей. – Вып. 2 / Под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова.– Томск: изд-во Том. Ун-та, 2007. – 276 с.
122. Сибирский Торгово-промышленный календарь на 1911 г. – СПб, 1911.
123. Скалабан И.А. О некоторых аспектах деятельности Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества в период революции и гражданской войны, с. 77-84 // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения. 1992 г.– Новосибирск: изд-во Новос. гос. ун-та, 1993, – 140 с.
124. Скобелев С.Г. Аграрное развитие и судьбы коренного населения Средней Сибири в XVII-XIX вв. – http://zaimka.ru/to_sun/skobelev_1.shtml
125. Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории/ В.Л. Соскин, С.А. Красильников, Е.Г. Водичев, Л.И. Пыстина, С.Н. Ушакова; Новосиб. Гос. ун-т. – Новосибирск, 2006, 215 с.
126. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII, т.26. – М., 1994.
127. Соловьева-Волынская И.Н. Художники Омска. – Л.: «Художник РСФСР», 1972.
128. Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики. – Новосибирск: 1971.
129. Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917-1927 гг.) с. 11-63. // Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории – Новосибирск: изд-во Новосиб. Гос. ун-та, 2006, 215 с.
130. Стратегия развития науки и региональные проекции научно-технической политики СССР во второй половине XX в. Е.Г. Водичев. с. 91-148.
131. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. – СПб, 1852.
132. Степанская Т.М. Служили Отечеству на Алтае: книга для чтения по художественному краеведению. – Барнаул: Пикет, 1998, – 136 с., илл.
133. Суразаков А.С. Алтай в центре евразийского этнокультурного синтеза // Алтай-Космос-Микрокосм. Тезисы докладов 2-й международной конференции. Алтай, 1994. – Барнаул: Алтайский гос. институт искусств и культуры, 1994.
134. Суразаков А.С. Предания старины глубокой. – Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1985.
135. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
136. Тармаханов Е.Е. Формирование и развитие отрядов рабочего класса в автономных республиках Сибири // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып.11. – Новосибирск, 1981, с.35-37.

137. Татарникова О.Л. Управление высшей школой Сибири в 1920-е гг., с. 109-115 // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения. 1992 г.– Новосибирск: изд-во Новос. гос. ун-та, 1993, 140 с.

138. Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций Бийкенской археологической культуры и их семантика <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod4/part1-p363-371.pdf> - С.370

139. Троицкий Л. О Сибири. Речь на вечере сибиряков 28 февраля 1927 г. (из ранее закрытых архивов госбезопасности, спецхран) – Новосибирск: ИИЦ «Инфопринт», 1990, 16 с. (Репринтное издание – М.: 1927 г. Из серии «Дешевая библиотека» журнала «Северная Азия»).

140. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: 1998

141. Указ о сборе редкостей и их покупке у населения от 13 февраля 1719 г. № 1 – http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=13337&ob_no=13263

142. Урал. Сибирь. Дальний Восток. По материалам ретроспективной выставки произведений художников 1972 года / ред. Г.И. Чугунов – Л.: «Художник РСФСР», 1974

143. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Ч. I, II. – Барнаул, 1995.

144. Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности: Научный ежегодник Томского МИОН. – 2003: колл. монография / Отв. ред. М.А. Воскресенская. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – 288 с.

145. Харунов Р.Ш. Формирование тувинской интеллигенции путем выдвижения-коренизации кадров – Новые исследования Тувы. – №1-2. – 2009 (Электронный информационный журнал).

146. Художники Иркутска. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. – 416 с., ил.

147. Художники Новосибирска. Выставка произведений. Каталог / сост. Р.И. Боровикова/ – М.: Советский художник, 1991.

148. Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск. 1987. С. 136-162.

149. Царева Н. Первый сибирский импрессионист: к 130-летию со дня рождения А.О. Никулина – http://muzei.ab.ru/exhibitions/2008/ex14_2008.htm

150. Чирков В.Ф. Музей и современное искусство Сибири. // Искусство в современном мире: Материалы первой научно-практической конференции. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005, с. 39-47.

151. Шарипов Р.Г. Менталитет древних тюрков. Философско-мировоззренческий анализ // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филос. наук. – Уфа, 1999.

152. Шиловский М.В. Сибирь в составе России: основные проблемы экономического развития дореволюционного периода // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998.

153. Шульга П.И. Изучение курганных погребений раннего железного века в Рудном Алтае// Ш Итоговая сессия ИАиЭт СО РАН, ноябрь 1995 г. – Новосибирск, 1995. – С. 107-109.

154. Юдалевич М.И. Барнаул (1730-1917). – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992. – 216 с., илл.

155. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891.

156. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1892.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балакина Елена Ивановна – культуролог, доцент кафедры философии и культурологии филологического факультета Алтайской государственной педагогической академии, кандидат культурологии, доцент. Председатель Алтайского отделения Российского научно-образовательного культурологического общества.

Автор многих научных работ по вопросам теории культуры, межкультурного взаимодействия народов, диалога культур, психологии искусства и современных форм гуманитарного образования. На протяжении последних лет работает над авторским проектом «Культура Сибири в лицах», в рамках которого подготовлен и опубликован ряд изданий:

- «Откуда есть пошла земля Сибирская...» (аналитическая статья о творчестве Г.Д. Гребенщикова), 2002;
- «На грани...» (монография о творчестве М.И. Юдалевича), 2006;
- «Избранное». Собрание сочинений М.И. Юдалевича с научным комментарием. В 5-ти томах. Ред., составитель, автор научного комментария – Е. Балакина, 2008;
- «Мы будем друзьями» (лучшие стихи М. Юдалевича к 90-летию автора) – ред. и сост. Е. Балакина, 2008;
- «Имена Великой Победы» (краеведческое культурологическое исследование о войнах новоалтайцах в годы Великой Отечественной войны) – в 2-х томах. 2010, 2011 гг.;

В настоящее время готовятся к изданию книги «Я иду по земле...» - о «короле поэтов» Л.С. Мерзликоне (в 2-х т.), «Я оставлю мой голос...» - о старейшем радиожурналисте Алтая В.С. Серебряном; продолжается работа над книгами о писателе Н. Дворцове, краеведе Н. Яновском и др.

Жерносенко Ирина Александровна – культуролог, заведующая кафедрой культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, кандидат культурологии, доцент, Почетный работник общего образования.

Автор более 100 работ по истории культуры Алтая и Сибири, а также по проблемам исследования сакральных объектов Алтая. Наиболее значительные работы автора:

- «Лекции по истории культуры Алтая» / Учебные материалы для учителя, преподающего региональный компонент в общеобразовательной школе. Барнаул, 2004;
- «Священными тропами Алтая» / Учебно-методическое пособие по подготовке гидов-экскурсоводов. / Ред. И.А.Жерносенко. – Горно-Алтайск, Барнаул, 2008;
- Коллективная монография «Поликультурная Россия в истории и современности: Сибирь». Книга седьмая – Санкт-Петербург, 2009;
- «Алтай заповедный» / Комплект учебных пособий для школ Республики Алтай, гриф Российской академии образования. / Ред. И.А.Жерносенко. – Горно-Алтайск, Барнаул, 2009.
- Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ: сборник статей/ отв. Ред. А.А. Тишкин, И.А. Жерносенко. Барнаул, 2010;
- Монография «Алтай – Беловодье – Шамбала в Учении Н.К.Рериха». – Барнаул, 2010;

Имеет 5 авторских свидетельств РАО за разработки мультимедийных пособий по истории культуры Алтая.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ	
<i>И.А. Жерносенко, Е.И. Балакина</i>	6
1.1. От мифа к географическим и этнографическим открытиям.....	6
1.2. Изучение Сибири в XIX веке.....	12
1.3. Изучение Сибири в XX веке.....	24
ГЛАВА 2. АЛТАЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ.....	44
2.1. <i>И.А. Жерносенко, Э.П.Дворников</i> Древний мир Алтая: от камня до бронзы.....	45
2.2. <i>И.А. Жерносенко</i> Сокровища пазырыкцев.....	54
2.2.1. Открытия и находки.....	54
2.2.2. Мир жизни и смерти «стерегущих золото».....	57
ГЛАВА 3. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МИР КУЛЬТУРЫ СИБИРИ	
<i>И.А.Жерносенко</i>	65
3.1. Языки и народы Сибири.....	65
3.2.Первая евразийская кочевая империя.....	67
3.3. Культурный космос евразийских номадов.....	71
3.3.1. Мифология и эпос древних тюрков.....	71
3.3.2. Древнетюркская литература.....	78
3.3.3. Архитектура и монументальная скульптура тюркского средневековья.....	80
3.4. Народы Сибири в позднем Средневековье.....	82
ГЛАВА 4. СИБИРСКАЯ КУЛЬТУРА В НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>И.А. Жерносенко</i>	86
4.1. Цивилизационная динамика Сибири – закономерности и специфика.....	86
4.2. Становление в Сибири новой межэтнической общности.....	94
4.3. Города Сибири.....	100
4.3.1. Особенности сибирской урбанистики.....	100
4.3.2. Барнаул – «маленький Петербург».....	104
4.4. Культурное наследие Алтая в эпоху Нового времени: великие имена и памятники.....	110
4.5. Эволюция духовных исканий на Алтае.....	117
4.5.1. Исконные верования жителей центрального Алтая.....	117
4.5.2. В поисках новых откровений: буддизм, бурханизм, православие.....	120
ГЛАВА 5. КУЛЬТУРА СИБИРИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ: ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ. <i>Е.И. Балакина</i>	128
5.1. Становление советского типа культуры в Сибири.....	128
5.1.1. «Великий переход»: особенности модернизации культуры Сибири в предреволюционные годы.....	129
5.1.2. Динамика развития социалистической культуры в Сибири.....	136
5.2. Особенности развития материально-технической,	

сельскохозяйственной и организационной культуры советской Сибири XX – нач. XXI вв.....	144
5.2.1. Своеобразие путей промышленного переворота в Сибири первой половины XX века.....	145
5.2.2. Материальная культура Сибири второй половины XX века.....	152
5.3. Духовная культура народов Сибири XX – нач. XXI вв.: научная, религиозная, идеологическая, нравственная.....	159
5.3.1. Духовные основания культуры Сибири и их метаморфозы в первой половине XX века.....	160
5.3.2. Функции науки и религии в поликультурном духовном пространстве Сибири XX-XXI веков.....	168
5.4. Художественная культура Сибири в XX – нач. XXI века.....	176
5.4.1. Предпосылки и основные тенденции формирования советской художественной культуры в Сибири в начале XX века.....	177
5.4.2. Искусство на службе государству: особенности художественной культуры развитого социализма и периода Перестройки.....	187
Библиографический список.....	195
Сведения об авторах.....	204

И.А. Жерносенко, Е.И. Балакина

КУЛЬТУРА СИБИРИ И АЛТАЯ

Монография

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 30.08.2011

Формат 60x90 1/16.

Печать - цифровая. Усл. печ. л. 13

Тираж 100 экз. Заказ – 11-0153

Дизайн обложки – Жерносенко С.С.

Отпечатано в издательстве Жерносенко С.С.

gooddesign.pro